Book: По их следам

Герритсен Тесс

По их следам

АННОТАЦИЯ

Отец и мать Джордана и Берил Тэвисток, агенты британской секретной службы, были убиты в Париже при загадочных обстоятельствах. Осиротевших детей воспитал их дядя Хью, в прошлом также разведчик. На вечеринке в доме дяди от подвыпивших гостей брат и сестра узнают, что двадцать лет назад полиция и спецслужбы пришли к выводу, что предатель Бернард Тэвисток убил свою жену и затем совершил самоубийство. Берил и Джордан уверены в том, что дело было сфабриковано, но как это доказать? Брат и сестра отправляются в Париж, чтобы докопаться до истины и защитить доброе имя своих родителей…

Посвящается Мисти, Мэри и the Breakfast Club

Пролог

Париж, 1973 год

Она опаздывала. Это было не похоже на Мэдлин, совсем не в ее привычках.

Бернард Тэвисток заказал еще одну чашку кофе с молоком и стал не спеша потягивать его, время от времени бросая взгляды через окно в надежде наконецто увидеть свою жену. Но его взору представала лишь обычная для Левого берега картина: туристы и парижане, скатерти в краснобелую клетку, буйство ярких, типично летних красок. И никаких признаков его приметной, с волосами цвета воронова крыла супруги.

Мэдлин задерживалась уже на полчаса – такое опоздание нельзя было списать на дорожные пробки. Ботинок Бернарда принялся отбивать барабанную дробь, откликаясь на волнение, нараставшее в душе его хозяина. За все годы их брака Мэдлин редко опаздывала на встречи, а если это и случалось, то всего на несколько минут. Другие представители

сильного пола могли стонать и закатывать глаза в характерно мужском отчаянии, сетуя на своих вечно опаздывающих супруг, но Бернарду грех было жаловаться – ему посчастливилось заполучить пунктуальную жену. Красивую, великолепную жену! Женщину, которая и спустя пятнадцать лет после свадьбы продолжала удивлять его, восхищать, очаровывать…

Какого дьявола она так опаздывает?

Бернард окинул взглядом бульвар СенЖермен. Тревога нарастала, и теперь он уже не просто рассеянно постукивал носком ботинка по полу, а ясно ощущал сильное беспокойство. Возможно, произошла авария на дороге? Или жену задержал поданный в последнюю минуту сигнал тревоги от их связного из французской разведки Клода Домье?

За последние две недели события развивались в бешеном темпе. Эти слухи об утечке информации из разведывательной службы НАТО – произошедшей, очевидно, по вине «крота», внедрившегося в глубь организации, – заставили их всех с подозрением бросать взгляды через плечо, гадая, кому же из давних коллег больше нельзя доверять. Мэдлин чересчур долго ждала инструкций от британской секретной службы МИ6. Может быть, в самый последний момент пришло какоето важное сообщение…

И всетаки жена должна была предупредить его!

Бернард поднялся изза столика и направился было к телефону, но тут заметил официанта Марио, усердно махавшего ему. Молодой человек быстро и ловко пробрался между битком набитыми столиками.

– Месье Тэвисток, вам оставили сообщение по телефону. От мадам.

Бернард с облегчением выдохнул:

– Где она?

– Мадам просила передать, что не сможет приехать на ланч. Она хочет, чтобы вы встретились с ней.

– Где?

– По этому адресу. – Официант вручил Бернарду клочок бумаги, запачканный непонятной субстанцией, напоминавшей томатный суп. Адрес был небрежно нацарапан карандашом: «66, улица Мира, квартира 5».

Бернард озадаченно нахмурился:

– Разве это не в районе площади Пигаль? Что же, черт возьми, она делает в таком злачном местечке?

Марио пожал плечами, покачал типично галльской, заостренной формы головой и задумчиво выгнул бровь:

– Не знаю. Она продиктовала мне адрес, я записал.

– Что ж, спасибо. – Бернард вытащил бумажник и вручил парню неплохую сумму во франках, достаточную для того, чтобы заплатить за два кофе с молоком и наградить щедрыми чаевыми.

– Мерси, – просиял от радости официант. – Вы вернетесь к ужину, месье Тэвисток?

– Только если мне удастся разыскать жену, – пробормотал Бернард и решительно зашагал к своему «мерседесу».

Тэвисток поехал к площади Пигаль, не переставая ворчать себе под нос. Ну зачем, спрашивается, ее туда понесло? Это была не самая безопасная часть Парижа для женщины – впрочем, сказать по чести, и для мужчины тоже. Бернарда успокаивало лишь осознание того, что его любимая Мэдлин способна сама позаботиться о себе, хвала всем святым! Жена стреляла гораздо лучше его, и автоматический пистолет, который она обычно носила в сумочке, всегда был полностью заряжен – на этой мере предосторожности он настаивал с памятной операции в Берлине, едва не закончившейся полной катастрофой. Ужасно, но в наши дни нельзя доверять даже собственным людям! Некомпетентные сотрудники повсюду: в МИ6, в НАТО, во французской разведке. Помнится, Мэдлин оказалась в ловушке восточных немцев в том здании, и некому было прийти ей на помощь. «Если бы я не подоспел вовремя…» – мелькнуло в голове Бернарда.

Нет, он не хотел бы пережить весь этот ужас снова! Горький урок пошел Мэдлин на пользу: с тех пор заряженный пистолет стал неизменным дополнением ее гардероба.

Повернув на улицу де Шапель, Тэвисток в отвращении тряхнул головой, когда его взору предстала пошлая уличная картина, кричаще безвкусные ночные клубы, полураздетые женщины, в зазывных позах стоящие на каждом углу. Завидев «мерседес» Бернарда, дамы принялись заманивать его в свои сети – пылко, безрассудно… Неудивительно, что янки называют этот район «свиной аллеей». В это место обычно приезжают за быстрыми удовольствиями, запретными наслаждениями. «Мэдлин, – с отчаянием подумал Тэвисток, – ты что, окончательно спятила? Что же могло привести тебя сюда, в это опасное место?»

Бернард свернул на бульвар Байе, выехал на улицу Мира и припарковался перед домом номер 66. С недоверием смерив взглядом здание, он заметил три этажа осыпающейся штукатурки и провисшие балконы. Неужели жена и в самом деле ждет его здесь, в этих развалинах? Тэвисток захлопнул дверцу «мерседеса», подумав о том, что еще очень повезет, если по возвращении он обнаружит автомобиль на месте. Наконец, с большой неохотой, Бернард вошел в дом.

В этом ветхом здании обитали люди, по крайней мере, так говорили явные признаки: на лестничной клетке валялись детские игрушки, из какойто квартиры доносились звуки радио. Тэвисток поднялся по лестнице. Запахи жареного лука и сигаретного дыма, казалось, давно пропитали здешний воздух. Квартиры под номерами 3 и 4 располагались на втором этаже, и он проследовал по узкой лестнице наверх, к последнему этажу. Жилище под номером 5 представляло собой мансарду, его низенькая дверца была втиснута у самой крыши.

Бернард постучал. Ответа не последовало.

– Мэдлин? – позвал он. – Ты действительно здесь, это не розыгрыш?

Никто попрежнему не откликался.

Бернард толкнул дверь – она была незаперта. Войдя внутрь, он оказался в маленькой квартирке под крышей. Жалюзи закрывали окна, отбрасывая полоски тени и света поперек комнаты. У одной из стен стояла большая кровать из меди, смятые простыни все еще хранили следы недавних обитателей постели. На прикроватном столике виднелись два стакана, пустая бутылка изпод шампанского и разнообразные приспособления, которые можно было деликатно именовать «помощниками супружества». Вся комната пропахла спиртным, потом пылкой страсти и возбужденных тел.

Озадаченный взгляд Бернарда постепенно переместился к ножке кровати, остановился на женских туфельках с высокими каблуками, брошенных на полу. Нахмурившись, он подошел ближе и увидел, что обувь лежит в блестящей лужице крови. Обогнув кровать, Тэвисток застыл, не веря собственным глазам.

Его жена лежала на полу, черные как смоль волосы Мэдлин разметались, словно крылья ворона. Ее глаза были открыты. Три струйки крови стекали вниз, оставляя следы на белой блузке.

Бернард бросился на колени рядом с женой.

– Нет! – вскричал он. – Нет!!!

Коснувшись лица любимой женщины, он ощутил теплоту, которую все еще хранила ее щека. Прижавшись ухом к окровавленной груди, Тэвисток не услышал ни малейших признаков сердцебиения, дыхания. С его уст сорвались рыдания, горестный, скорбный крик неверия:

– Мэдлин!

Стоило эху ее имени раствориться в воздухе, как позади Бернарда послышался другой звук – чьихто шагов. Мягких, приближающихся…

Бернард обернулся и в замешательстве уставился на дуло, наведенное прямо на него, – дуло пистолета Мэдлин. Он взглянул на лицо, нависшее над стволом оружия, – в этом не было смысла, абсолютно никакого смысла!

– За что? – только и произнес Бернард.

В ответ раздался лишь унылый, низкий звук пистолетного глушителя. Вылетевшая пуля сразила Тэвистока, заставив его растянуться на полу рядом с Мэдлин. За несколько стремительно промелькнувших секунд он успел осознать, что тело жены лежит совсем рядом, а ее волосы, подобно шелку, нежно касаются его пальцев. Из последних сил потянувшись к Мэдлин, Бернард взял ее голову в свои ладони. «Моя любовь! – пронеслось в его сознании. – Моя дорогая, моя единственная любовь!» И его руки безжизненно упали…

Глава 1

Бекингемшир, Англия

Двадцать лет спустя

Джордан Тэвисток сидел развалившись в большом мягком кресле дяди Хью и с изумлением рассматривал, как уже делал тысячу раз до этого, портрет своего давно почившего предка, несчастного графа Ловатского. Ах, какая восхитительная ирония есть в том, подумал Джордан, что лорд Ловат может пристально взирать с этого почетного места над каминной полкой! Ничто иное не могло лучше свидетельствовать о склонности семьи Тэвисток к причудам, чем решение открыто демонстрировать портрет одного из своих родственников, который в буквальном смысле потерял голову в ТауэрХилл, на известном месте для публичных казней. Лорд Ловат оказался последним человеком, который был обезглавлен в Англии, – разумеется, если не учитывать неофициальные данные.

Джордан поднял свой бокал, провозглашая тост за горемыку графа, и залпом опрокинул в себя внушительный глоток шерри. Ему очень

хотелось пропустить еще одну порцию горячительного, но часы показывали пять тридцать – гости вотвот должны были начать собираться на прием в честь Дня взятия Бастилии.

«Нужно оставить по крайней мере несколько серых клеточек в исправном состоянии, – подумал Тэвисток. – Возможно, остатки здравого смысла пригодятся мне, чтобы поддерживать всю эту пустую болтовню». К слову сказать, болтовня была одним из наименее любимых Джорданом занятий.

Большей частью он успешно избегал всех этих светских сборищ с икрой, вечерними нарядами и галстукамибабочками, которые имел обыкновение устраивать дядя Хью. Но сегодняшний раут, который давался в честь гостей их дома – сэра Реджи и леди Хелены Вэйн, мог оказаться более занятным, чем обычная встреча любителей лошадиных бегов.

Это был первый большой прием с момента выхода в отставку дяди Хью, некогда служившего в британской разведке, и сегодня в гости должны были пожаловать несколько его бывших коллег по МИ6. Подумать только, Джордан мог оказаться в одной компании со старыми дядиными коллегами из Парижа! Все они прибыли в Лондон ради недавнего экономического саммита, и возможность пообщаться с такими интересными людьми обещала весьма увлекательный вечер. Каждый раз, когда бывшие шпионы и дипломаты собирались в одной комнате, наружу выплывали всевозможные тайны и любопытные факты.

Джордан с уважением взглянул на дядю, который вошел в кабинет, ворча чтото себе под нос. Уже одетый в смокинг, Хью старался, хотя и безуспешно, прикрепить бабочку – вместо того, чтобы изящно прицепить галстук, дядя умудрился завязать тугой морской узел.

– Джордан, помоги мне сладить с этой проклятой штукой, сможешь? – попросил Хью.

Джордан послушно поднялся с удобного кресла и развязал узел.

– А где Дэвис? Он лучше справляется с подобного рода вещами.

– Я отправил его за твоей сестрой.

– Берил снова кудато запропастилась?

– Разумеется. Только упомяни словосочетание «коктейльная вечеринка», и она пулей вылетит за дверь.

Джордан принялся завязывать галстук дяди в форме банта.

– Берил никогда не любила вечеринок. И, между нами говоря, мне кажется, что она не самого высокого мнения о Вэйнах.

– Хм, неужели? Но они – прекрасные гости! Такие всегда придутся к месту…

– Они с Берил вечно обмениваются противными мелкими колкостями.

– Ах, ты об этом!.. Вэйны все время так общаются. Я уже привык пропускать мимо ушей их язвительные замечания.

– А ты обращал внимание, что Реджи следует за Берил по пятам, словно преданный щенок?

Хью рассмеялся:

– Когда рядом оказывается красивая женщина, Реджи каждый раз превращается в преданного щенка.

– Понятно. И совсем неудивительно, что Хелена вечно стреляет в него красноречивыми взглядами.

Джордан отстранился и окинул бабочку дяди хмурым оценивающим взглядом.

– Как выглядит?

– Думаю, так, как и должно выглядеть.

Хью посмотрел на часы:

– Пора проверить, как дела на кухне. Проследи, чтобы все было в порядке. И почему Вэйны все еще не спустились?

Словно в ответ на эти слова с лестницы донесся звук недовольных, ворчливых голосов. Леди Хелена по привычке бранила мужа.

– Ктото же должен указать тебе на эти вещи! – делала внушение она.

– Да, и это, как всегда, ты, не так ли?

Спасаясь бегством от преследовавшей его жены, сэр Реджи влетел в кабинет. Джордану никак не удавалось найти решение давно мучившей его загадки: что же связывает эту пару, половинки которой столь очевидно не подходят друг другу? Сэр Реджи, привлекательный седовласый мужчина, возвышался над своей женой – маленькой серой мышкой. Возможно, этот странный альянс объясняло солидное

наследство, перешедшее Хелене, – в конце концов, деньги наилучшим способом уравнивали любые положения.

Когда стрелки часов подползли к шести, Хью наполнил бокалы шерри и вручил их присутствующим, не забыв и о себе.

– Прежде чем нагрянет шумное полчище, – сказал он, – мне хотелось бы провозгласить тост за ваше благополучное возвращение в Париж!

Все сделали по глотку. Это походило на торжественную церемонию – последний перед отъездом вечер, проведенный в компании старых друзей.

Пришел черед Реджи поднять бокал:

– И за здешнее английское гостеприимство! Мы так его ценим!

С подъездной дороги раздался звук автомобильных шин, шуршащих по гравию. Хозяева дома и гости выглянули из окна, чтобы рассмотреть первый лимузин, оказавшийся в пределах видимости. Шофер открыл дверцу, и из машины вышла женщина лет пятидесяти. Каждый изгиб ее зрелого тела очерчивало зеленое платье, сверкавшее стеклярусом. Следом из автомобиля показался молодой человек в пурпурной шелковой рубашке, взявший женщину под руку.

– О боже, это Нина Сазерленд и ее ужасно невоспитанный сын! – пробормотала Хелена. – И какая нелегкая ее принесла?

Между тем все еще находящаяся снаружи дама в зеленом вдруг заметила стоявших в окне.

– Привет, Реджи! Хелена! – окликнула она своим низким и глухим, как фагот, голосом.

Хью поставил бокал с шерри на стол.

– Пришла пора встречать варваров, – со вздохом констатировал он и вместе с Вэйнами направился к парадному входу, чтобы приветствовать первых прибывших.

Джордан немного помедлил, чтобы осушить бокал, давая себе время приклеить на лицо улыбку и приготовиться к нескончаемым рукопожатиям. День взятия Бастилии – что за повод для вечеринки! Он одернул полы смокинга, расправил рубашку с оборками на груди и покорно поплелся к входной двери. Что ж, показушное светское мероприятие начинается!

А где же, черт побери, его сестра?

* * *

В этот самый момент объект размышлений Джордана Тэвистока во весь опор гнала лошадь по зеленому лугу. «Бедной старой Фрогги нужна разминка, – подумала Берил. – Да и мне тоже не помешает». Она наклонилась вперед, ощутив силу встречного ветра, почувствовала стремительное движение гривы Фрогги у своего лица и вдохнула этот восхитительный аромат лошадиной плоти, сладкого клевера и теплой июльской земли.

Фрогги наслаждалась этим спринтом точно так же, как и хозяйка, если не больше. Берил могла ощущать, как напрягаются мощные мускулы лошади, увеличивая скорость движения. «Фрогги – демон, как и я!» – пронеслось в голове Берил, и она неожиданно разразилась громким смехом – тем самым диким, безудержным смехом, который всегда заставлял бедного дядю Хью съеживаться от испуга. Но здесь, среди этих бескрайних лугов, Берил могла смеяться, как невоспитанная, распущенная женщина, зная, что никто ее не услышит. Ах, если бы только она могла скакать вот так, как одержимая, целую вечность! Увы, препятствия и стены, казалось, возникали на ее жизненном пути повсюду. Это были преграды разума, сердца. Берил пришпорила лошадь, словно резко возросшая скорость могла позволить ей спастись от всех гнавшихся по пятам бесов.

День взятия Бастилии – что за странный повод для приема? Дядя Хью обожал подобные сборища, да и Вэйны были старыми друзьями семьи, они заслужили славные проводы. Но стоило Берил взглянуть на список приглашенных, как сразу стало понятно: это будет очередное утомительное, скучное мероприятие. Ну неужели бывшие шпионы и дипломаты не могут придерживаться более увлекательного образа жизни? Она не могла представить себе Джеймса Бонда, вышедшего в отставку и теперь бесславно копающегося в своем саду.

И все же именно этим, казалось, и занимался дядя Хью днями напролет. Наиболее значимым моментом недели стало для него созревание первого гибридного томата сорта «непал» – это был самый ранний помидор за все время дядиного занятия огородничеством! Что касается его друзей, то и их Берил не могла вообразить крадущимися по опасным закоулкам Парижа или Берлина. Разве только Филиппа СенПьера – возможно, он мог, у Берил получалось представить его в молодые годы. Сейчас, в шестьдесят два, Филипп все еще отличался особым шармом –

этакий галльский сердцеед. И Реджи Вэйн, вероятно, обладал примечательной внешностью много лет назад. Но большинство старых коллег дяди Хью казались… как бы это сказать… несколько потрепанными.

«Я такой никогда не буду! Только не я!» Берил пустила Фрогги галопом, предоставив той полную свободу действий. Они промчались по последнему участку луга и пролетели через молодой лесок. Фрогги, уже задыхаясь, сбавила темп – перешла на рысь, а потом и на спокойный шаг. Берил остановила лошадь у каменной стены церкви. Там она спешилась и позволила Фрогги прохаживаться поблизости, не став ее привязывать.

Церковное кладбище было безлюдно, могильные плиты отбрасывали поперек лужайки длинные тени. Берил перелезла через низкую стену и прошла среди захоронений, остановившись у небольшого участка, на котором бывала так часто. Красивый строгий обелиск возвышался над двумя могилами, которые располагались совсем рядом друг с другом. Памятник не украшали причудливые узоры, на его мраморной поверхности не были вырезаны изображения очаровательных ангелов. Там значились только слова:

БЕРНАРД ТЭВИСТОК, 1930 – 1973

МЭДЛИН ТЭВИСТОК, 1934 – 1973

На Земле, как и на Небе, мы вместе.

Берил опустилась на колени среди травы и долго смотрела на место упокоения своих матери и отца. «Завтра исполнится двадцать лет, – подумала она. – Как жаль, что я не могу более четко вас вспомнить! Ваши лица, ваши улыбки…»

В памяти Берил остались лишь случайные, незначительные вещи. Запах чемоданов из кожи, ароматы маминых духов и папиной трубки. Приятный хруст бумаги, когда они с Джорданом разворачивали привезенные родителями подарки. Куклы из Франции. Музыкальные шкатулки из Италии. И еще был смех. Все время звучал смех… Сидя с закрытыми глазами, Берил вслушивалась в этот звук счастья, доносившийся и теперь, спустя двадцать лет. Отголоски ее детства не могли заглушить ни вечернее жужжание насекомых, ни бряцание сбруи Фрогги.

Церковный колокол прозвонил шесть раз. Берил моментально выпрямилась. О нет, разве уже так много времени? Она оглянулась и заметила, что тени стали еще длиннее, а Фрогги переминается у стены,

выжидающе глядя на хозяйку. «О боже, – мелькнуло в голове Берил, – дядя Хью будет здорово на меня сердиться!»

Она сломя голову помчалась с кладбища и на ходу запрыгнула на спину Фрогги. В следующее мгновение они уже летели через зеленый луг – лошадь и наездница, слившиеся в единое целое. «Времени все меньше, нужно ехать кратчайшим путем», – подумала Берил, направляя Фрогги к деревьям. Это решение подразумевало прыжок через каменную стену, а потом бешеную скачку по дороге, и все же подобный выбор пути сократил бы их путь на целую милю.

Фрогги, казалось, понимала, как важно было выиграть время. Она набрала скорость и приблизилась к каменной стене с рвением бывалого участника скачек с препятствиями. Лошадь аккуратно подпрыгнула, оставив себе несколько дюймов запаса. В лицо Берил ударил мощный порыв ветра, и она почувствовала, как Фрогги воспарила вверх, а потом приземлилась по другую сторону стены. Все, самое серьезное препятствие осталось позади. Теперь нужно лишь миновать тот поворот на дороге…

Внезапно в глаза Берил ударила красная вспышка, и она услышала визг автомобильных покрышек. Испуганная громкими звуками, Фрогги будто взбесилась и резко метнулась в сторону. Этот неожиданный крен застал Берил врасплох. Она вылетела из седла и с тяжелым, глухим стуком упала на землю.

Первой реакцией Берил после того, как голова перестала кружиться, было безмерное удивление: и как это ей вообще удалось упасть, да еще и изза такой глупости! Следующей эмоцией наездницы был страх – она боялась за Фрогги, которая вполне могла пострадать.

Вскочив, Берил поспешила к лошади, чтобы схватить ту под уздцы. Фрогги, все еще напуганная, нервно топталась на дороге. Послышался треск захлопываемой дверцы машины, и ктото направился к ним, заставив лошадь еще больше забеспокоиться.

– Не подходите ближе! – зашипела Берил через плечо.

– Вы в порядке? – раздался взволнованный вопрос. Он был задан мужчиной с приятным баритоном. Судя по акценту, американец.

– Со мной все хорошо, – резко бросила Берил.

– А как насчет вашей лошади?

Чтото мягко бормоча своей верной Фрогги, Берил опустилась на колени и осторожно ощупала одну из ее передних ног. Судя по всему, хрупкие кости остались целыми и невредимыми.

– С ним все в порядке? – осведомился незнакомец.

– Это – она, – ответила Берил. – И, кажется, с ней все просто отлично.

– Я еще в состоянии отличить пол животного, – последовал сухой ответ. – Если, конечно, удается заметить его важнейший орган.

Сдержав улыбку, Берил выпрямилась и обернулась к мужчине. Окинув его взглядом, она отметила темные волосы, черные глаза в окружении веселых морщинок. А еще застывшую на лице ироническую усмешку, в которой искривилась его верхняя губа. Ему было, вероятно, сорок с лишним. На незнакомце был принятый для официальных церемоний галстукбабочка, его широкие плечи впечатляюще выступали под смокингом.

– Мне очень жаль, что вы упали, прошу прощения, – сказал мужчина. – Полагаю, в этом виноват я.

– Поймите, это проселочная дорога! Определенно не то место, где можно ехать на такой высокой скорости. Здесь никогда нельзя точно сказать, какие каверзы таит в себе очередной поворот.

– В этом я только что убедился.

Фрогги нетерпеливо подтолкнула хозяйку. Берил погладила шею лошади, чувствуя на себе пристальный, изучающий взгляд незнакомца.

– У меня есть чтото вроде оправдания, – объяснил он. – Я основательно заплутал в этих загородных окрестностях и теперь опаздываю. Пытаюсь найти местечко под названием «Четвинд». Вы знаете, где это?

Берил в изумлении вскинула голову:

– Вы направляетесь в Четвинд? Но вы неверно выбрали дорогу!

– В самом деле?

– Вы поторопились и свернули на полмили раньше. Нужно вернуться к главной дороге и ехать по ней. Нужный поворот вы не пропустите. Это частная дорога, по обе стороны которой растут вязы – довольно высокие.

– Понял, буду ориентироваться на вязы.

Берил снова вскочила на спину Фрогги и пристально взглянула сверху вниз на незнакомца. Даже глядя на него с высоты лошади, Берил отметила, что он производит внушительное впечатление – стройный, элегантный, в смокинге… И поразительно самоуверенный – отнюдь не тот человек, которого может напугать ктолибо, даже женщина, сидящая верхом на девяти сотнях фунтов лошадиных мускулов.

– Вы уверены, что не пострадали? – спросил он. – Мне показалось, падение было весьма серьезным.

– О, я уже падала прежде, – улыбнулась в ответ Берил. – У меня крепкая голова.

Мужчина тоже расплылся в улыбке, и его ровные белые зубы блеснули в сумерках.

– Тогда мне не стоит беспокоиться, что вы впадете в ступор сегодняшним вечером?

– Если ктото и впадет в ступор сегодня вечером, так это вы.

Он нахмурился:

– Простите?

– В ступор, вызванный скучной, бесконечной пустой болтовней. Судя по тому, куда вы направляетесь, именно такая перспектива перед вами и вырисовывается.

Рассмеявшись, Берил заставила лошадь повернуться.

– Всего доброго! – воскликнула она и, помахав незнакомцу на прощание, пустила Фрогги рысью через лес.

Когда дорога осталась позади, Берил пришло в голову, что она доберется до Четвинда раньше испугавшего ее гостя. Это заставило ее снова рассмеяться. Кто знает, может быть, День взятия Бастилии окажется гораздо интереснее, чем она ожидала. Берил пришпорила лошадь, и Фрогги тут же понеслась галопом.

* * *

Стоя у взятого напрокат автомобиля «М Джи», Ричард Вулф наблюдал за уносящейся вдаль женщиной, чьи темные волосы разметались по плечам, словно лошадиная грива. Через мгновение наездница умчалась прочь, растворилась в глубине леса. Ричард подумал о том, что даже не узнал, как ее зовут. Нужно будет спросить об этой брюнетке лорда

Ловата: «Скажика мне, Хью, ты знаком с черноволосой ведьмой, которая словно угорелая носится по окрестностям?» Незнакомка была одета как одна из деревенских девчонок – в поношенную рубашку и испачканные травой брюки для верховой езды, но ее манера говорить свидетельствовала об обучении в одной из лучших школ. Какое очаровательное противоречие!

Ричард сел в машину. На часах теперь было почти шесть тридцать – поездка из Лондона заняла больше времени, чем он ожидал. Черт бы побрал все эти узкие захолустные тропы! Вулф развернул машину и направился к главной дороге, на сей раз не забывая сбрасывать скорость перед поворотами. Нельзя ведь сказать, какой сюрприз может преподнести очередной коварный изгиб дороги – встречу с коровой или козой, например. Или с еще одной несущейся на лошади ведьмой.

«У меня крепкая голова», – вспомнил он и улыбнулся. И в самом деле, очень крепкая. Наездница вылетела из седла – шлеп! – и она в то же мгновение на ногах. А как самоуверенно держалась, словно Ричард не может отличить кобылу от жеребца! Да ему достаточно было бросить лишь один взгляд!

Который он, разумеется, не мог оторвать от незнакомки. Независимо от того, кем на самом деле была эта нахалка, она относилась к тому разряду женщин, на которых Ричард всегда обращал внимание: эти ее черные, цвета воронова крыла волосы, смеющиеся зеленые глаза. Она очень похожа на…

Ричард подавил в себе эту мысль, отбросив ее в трясину плохих воспоминаний. А на самом деле – настоящих кошмаров. Ужасных отголосков его первого задания, его первого провала. Тот случай оказал решающее влияние на карьеру Вулфа, заставил его никогда больше не принимать чтолибо на веру, считать само собой разумеющимся. Именно так и стоило работать в этой сфере: проверять сведения, никогда не полагаться на свои источники и всегда, всегда оглядываться через плечо, каждый раз ожидая удара в спину.

Подобные мысли уже начинали изматывать Ричарда: «Возможно, мне следовало бы успокоиться, бросить все и пораньше выйти в отставку. Вести такой же тихий образ жизни, как Хью Тэвисток». Конечно, у Тэвистока были титул и состояние, делавшие его существование весьма комфортным, и все же Ричард каждый раз смеялся, представляя полного и лысеющего Хью Тэвистока в качестве графа «такогото». «Да, мне просто нужно было угомониться и довольствоваться этими десятью акрами земли в Коннектикуте. Объявить себя графом чегонибудь и преспокойно выращивать огурцы».

Но тогда Ричард наверняка скучал бы по своей работе – по этим восхитительным, приятно щекочущим нервы мгновениям опасности, международным состязаниям интеллектов, напоминающим хитрую игру в шахматы. Мир менялся так быстро, что день ото дня ты просто не знал, кто был твоими врагами…

Ричард наконецто заметил поворот на Четвинд. По обе стороны дороги высились величавые вязы – совсем так, как описывала черноволосая женщина. Царственное впечатление от подъездного пути подкреплял особняк, стоявший в самом конце дороги. Это был не просто загородный коттедж – скорее замок, с башенками и увитыми плющом каменными стенами.

Аккуратный, типично английский парк раскинулся на внушительного размера владениях, кирпичная дорожка вела к чемуто, напоминающему средневековый лабиринт. Так вот где старый Хью Тэвисток восстанавливал силы после сорока лет верного служения королеве и стране! Что и говорить, графский титул и наследственные владения значительно облегчали жизнь – понятно, что все эти богатства были приобретены отнюдь не благодаря государственной службе.

Хью производил впечатление простого приземленного парня, который совсем не походил на аристократа, обосновавшегося в загородном имении. У Тэвистока не было ни высокомерных манер, ни претензий на нечто важное – он скорее напоминал рассеянного госслужащего, который совершенно случайно забрел в святая святых МИ6.

Изумленный роскошью владений приятеля, Ричард поднялся по лестнице, без проблем прошел через сканер безопасности и направился в зал приемов. Там, среди массы уже прибывших гостей, он увидел множество знакомых лиц.

Лондонский экономический саммит привлек политиков и финансистов со всего континента. Вулф сразу заметил американского посла, самодовольного и любопытного, как государство, представителем которого он был. По ту сторону комнаты Ричард увидел трио своих старых знакомых из Парижа. Филипп СенПьер, французский министр финансов, оживленно беседовал с Реджи Вэйном, главой парижского отделения Банка Лондона. В небольшом отдалении стояла жена Реджи, Хелена, которая выглядела игнорируемой и раздраженной, как обычно. Собственно, а видел ли Ричард хоть когданибудь эту женщину счастливой и довольной?

Внимание Ричарда привлек громкий, вызывающий женский смех, и он узрел еще одну личность, знакомую ему по парижским временам, – Нину Сазерленд, вдову посла, мерцавшую от горла до лодыжек зеленым

шелком и стеклярусом. Несмотря на то что ее муж умер уже достаточно давно, эта немолодая «девочка» все еще работала на публику, словно жена опытного дипломата. Около Нины стоял ее сын лет двадцати, Энтони, который, по слухам, был художником. В своей пурпурной рубашке парень бросался в глаза точно так же, как и его мать. Какой всетаки ослепительной парой они были, будто парочка павлинов! Молодой Энтони, очевидно, унаследовал от матери, бывшей актрисы, ген яркости.

Благоразумно избегая парочки Сазерлендов, Ричард направился к буфетной стойке, украшенной искусно сделанной ледяной скульптурой, которая представляла собой Эйфелеву башню. Повод для вечеринки – День взятия Бастилии – привел к забавным крайностям. Сегодня вечером все без исключения было французским: музыка, шампанское, свисавшие с потолка триколоры…

– В подобной атмосфере поневоле хочется запеть Марсельезу, не так ли? – обратился к нему незнакомый голос.

Обернувшись, Ричард увидел стоявшего рядом высокого блондина. Стройный, с печатью аристократизма на лице, он выглядел элегантно в накрахмаленной рубашке и смокинге. Улыбнувшись, молодой человек вручил бокал шампанского Ричарду. Свет люстры заблестел в мелких пузырьках.

– Вы Ричард Вулф? – осведомился блондин.

Ричард кивнул, принимая из его рук бокал.

– А вы?..

– Джордан Тэвисток. Дядя Хью указал мне на вас, когда вы вошли в зал. И я решил подойти и представиться лично.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Джордан сжал ладонь крепко, твердо, совсем не так, как ожидал Ричард от его тонких аристократических рук.

– Итак, поделитесь со мной, – сказал Джордан, мимоходом забирая еще один бокал шампанского, на этот раз для себя, – к какой категории вы относитесь? Шпион, дипломат или финансист?

Ричард рассмеялся:

– И вы ожидаете, что я отвечу на этот вопрос?

– Нет. Но я подумал, что в любом случае спрошу об этом. Что ж, начало положено многообещающее. – Джордан сделал глоток шампанского и улыбнулся. – Для меня это прекрасная умственная зарядка. Помогает не умереть со скуки на подобных приемах. Я пытаюсь по отдельным чертам и репликам выделить людей, которые имеют отношение к разведывательной службе. И выходит, что половина этих людей работает там. Или работала.

Джордан окинул взглядом зал:

– Только представьте, сколько тайн вмещают в себя все эти головы – сколько данных ограниченного доступа содержится в этих маленьких серых клеточках!

– Судя по всему, вас с этой профессией связывает нечто большее, чем просто мимолетное знакомство.

– Когда растешь в подобной атмосфере, хочешь не хочешь, а будешь жить и дышать этим увлекательным делом. – Джордан смерил Ричарда оценивающим взглядом. – Давайте посмотрим. Итак, вы американец…

– Правильно.

– Нужно принять во внимание, что должностные лица прибыли в длинных лимузинах с сопровождением, а вы приехали самостоятельно.

– Пока все верно.

– И вы называете работу в разведке профессией.

– О, вы обратили на это внимание!

– Таким образом, я бы предположил… Вы из ЦРУ?

Ричард покачал головой и улыбнулся:

– Я всего лишь консультант по личной безопасности. Компания «Сакарофф и Вулф».

Лицо Джордана озарилось ответной улыбкой.

– Умное прикрытие.

– Это не прикрытие. Я самый что ни на есть реальный. А все эти должностные лица, которых вы тут видите, обеспечивают безопасность

саммита. Бомба Ирландской республиканской армии могла бы доставить им немало хлопот.

– Выходит, они наняли вас, чтобы избежать козней недоброжелателей, – заключил Джордан.

– Точно, – подтвердил Ричард. «Да, это сын Мэдлин и Бернарда, так и есть, – подумал он. – Этот парень похож на Бернарда, у него такие же цепкие, внимательные карие глаза, те же благородные, точеные черты лица. И он, без сомнения, смышлен. Молодой Тэвисток обращает внимание на детали – необходимое для разведчика умение».

Внимание Джордана вдруг обратилось к вновь прибывшему гостю. Проследив за его взглядом, Ричард повернулся, чтобы увидеть, кто только что вошел в зал приемов. Стоило бросить на эту женщину один беглый взгляд, и Вулф застыл в изумлении.

Это оказалась та самая черноволосая ведьма, только на сей раз она была одета не в старые брюки для верховой езды и сапоги, а в длинное вечернее платье из синего шелка. Ее волосы были уложены элегантными волнами. Даже с такого внушительного расстояния Ричард мог чувствовать волшебные чары привлекательности брюнетки – точно так же, как и остальные мужчины, находящиеся в зале.

– Это она, – пробормотал Ричард.

– Вы хотите сказать, что уже встречались с ней? – удивился Джордан.

– Совершенно случайно. Я напугал ее лошадь на дороге. Она была не слишком довольна падением.

– Вы и правда заставили ее вылететь из седла? – в изумлении произнес Джордан. – А я и не думал, что это возможно!

Женщина плавно скользнула в зал и взяла бокал шампанского с подноса, ее величественный проход через толпу не остался без внимания окружающих.

– Она определенно знает, как подать себя в этом платье, – прошептал Ричард, восторгаясь движениями брюнетки.

– Я обязательно передам, что вы сказали, – тут же отозвался Джордан.

– Нет, вы не сделаете этого!

Засмеявшись, Джордан отставил свой бокал:

– Пойдемте, Вулф! Позвольте мне представить вас надлежащим образом.

Когда они приблизились к прекрасной незнакомке, та поприветствовала Джордана, одарив его радушной улыбкой. Потом пристальный взгляд брюнетки скользнул по Ричарду, и выражение ее лица тотчас изменилось – из дружелюбного оно сделалось недоверчивым. «Не самый лучший знак, – подумал Ричард. – Она помнит, что я стал причиной ее падения с лошади. Я ведь едва ее не убил!»

– Ну вот, – довольно вежливо произнесла «ведьма», – мы и встретились снова.

– Надеюсь, вы простили меня.

– Никогда вас не прощу! – улыбнулась она.

О, какая восхитительная улыбка!

– Дорогая, это Ричард Вулф, – вступил в разговор Джордан.

Женщина протянула руку. Ричард взял ее ладонь, удивившись, каким крепким рукопожатием ответила ему брюнетка. Когда Вулф взглянул в ее глаза, его пронзила неожиданная догадка: «Ну конечно! Я должен был заметить это при первой же встрече! Те же темные волосы, те же зеленые глаза… Она наверняка дочь Мэдлин!»

– Позвольте мне представить Берил Тэвисток, – сказал Джордан. – Мою сестру.

* * *

– Итак, как же вышло, что вы знаете моего дядю Хью? – спросила Берил, когда они с Ричардом вышли прогуляться по садовой дорожке.

Уже сгустились сумерки, мягкие поздние летние сумерки, и цветы скрылись в тени. Благоухание наполняло воздух, это был восхитительный аромат шалфея и роз, лаванды и тимьяна. Берил подумала о том, что новый знакомый движется в темноте, словно кот, так же тихо, плавно, с непостижимой уверенностью…

– Мы познакомились давнымдавно, в Париже, – объяснил Ричард. – И на долгие годы потеряли связь. А потом, несколько лет назад, когда я основывал свою консалтинговую фирму, ваш дядя оказал мне любезность, дав несколько ценных советов.

– Джордан сказал, что у вас компания «Сакарофф и Вулф».

– Да. Мы консультанты в сфере безопасности.

– И это ваша настоящая работа?

– Что вы имеете в виду?

– Есть ли у вас, скажем так, неофициальное дело?

Ричард откинул голову назад и от души рассмеялся:

– Вас с братом отличает умение изъясняться честно и открыто, без обиняков.

– Мы научились быть прямыми. Это сокращает время пустой светской болтовни.

– Подобные беседы – основа светского общества.

– Нет, все эти разговоры – лишь способ, к которому прибегает светское общество, чтобы не говорить правду.

– И вы хотите слышать правду, – тут же отреагировал Ричард.

– А разве не все мы этого хотим? – Берил взглянула на собеседника, пытаясь увидеть его глаза в темноте, но заметила лишь тени на силуэте его лица.

– Правда заключается в том, – ответил Вулф, – что я на самом деле работаю консультантом по безопасности. Я управляю фирмой вместе со своим деловым партнером, Ники Сакароффом…

– Ники? Должно быть, это Николай Сакарофф?

– Вы уже слышали это имя прежде? – спросил он таким тоном, будто речь шла о сущем пустяке.

– Это ведь бывший сотрудник КГБ?

Повисла долгая пауза.

– Да, – наконец произнес Ричард, сохраняя невозмутимость, – в прошлом у Ники, возможно, были связи в этом ведомстве.

– Связи? Если я правильно помню, Николай Сакарофф был полковником. А теперь он ваш деловой партнер? – Берил рассмеялась. – Вот уж воистину, с кем только капитализм не поведется в нужде!

Несколько минут они прогуливались в полной тишине. Берил первой нарушила молчание, тихо спросив:

– Вы все еще имеете дело с ЦРУ?

– А разве я упоминал об этом?

– Прийти к подобному заключению нетрудно. А я, между прочим, весьма осторожна и сдержанна. Мне можно без опаски доверять любые тайны.

– И все же я отказываюсь от этого допроса.

Берил с улыбкой взглянула на Ричарда:

– Вы не признаетесь в этом даже под пытками, как я понимаю?

Даже в темноте Берил могла видеть, как его зубы засверкали в усмешке.

– Это зависит от того, как меня будут пытать. Если красивая женщина будет покусывать мое ухо… ну, в этой ситуации я могу признаться в чем угодно.

Кирпичная дорожка закончилась у лабиринта. Они немного постояли, созерцая увитую листьями стену, скрытую в полумраке.

– Давайте войдем внутрь, – предложила Берил.

– Вы знаете выход?

– Посмотрим.

Новая знакомая провела Ричарда через исходную точку лабиринта, и их быстро поглотила извилистая живая изгородь. На самом деле Берил знала здесь каждый поворот, каждый тупик, и она уверенно продвигалась по лабиринту.

– Я нашла бы выход отсюда и с завязанными глазами, – объяснила Берил.

– Вы росли в Четвинде?

– Скорее, мечась между школамиинтернатами. Я приехала сюда, чтобы жить с дядей Хью, когда мне было восемь. После того, как мама и папа умерли.

Они быстро пробрались через последнюю щель в живой изгороди и оказались в центре лабиринта. На маленьком пятнышке земли,

очищенном от деревьев и кустов, стояла каменная скамейка. Светила луна, и собеседники могли хотя и слабо, но всетаки видеть лица друг друга.

– Они тоже занимались этой опасной работой, – сказала Берил, медленно прохаживаясь по вытоптанному участку. – Или вы знали об этом?

– Да, я... слышал о ваших родителях.

Сразу уловив в голосе Вулфа осторожные нотки, она спросила себя, почему же он так уклончиво отвечает на ее вопросы. Берил видела, что Ричард стоит у каменной скамейки, положив руки в карманы. «Ах, все эти семейные тайны! – с досадой пронеслось в ее голове. – Я сыта ими по горло! Ну почему никто в этом доме не может сказать правду?»

– Что вы слышали о моих родителях?

– Я знаю, что они умерли в Париже.

– При исполнении служебных обязанностей. Дядя Хью утверждает, что это было секретное задание, и отказывается говорить об этом, так что мы с ним никогда не обсуждаем эту тему.

Берил остановилась на месте и повернулась к собеседнику:

– В эти дни я много думаю о том, что произошло с родителями.

– Почему?

– Потому что это случилось пятнадцатого июля. Завтра исполнится двадцать лет.

Ричард направился к ней, его лицо попрежнему было скрыто в тени.

– Кто же вас воспитывал? Ваш дядя?

Берил улыбнулась:

– Говорить «воспитывал» было бы преувеличением. Дядя Хью дал нам дом, а потом предоставил достаточно свободы расти так, как заблагорассудится. Полагаю, Джордан весьма в этом преуспел: отправился учиться в университет и все такое... Джорди – самый разумный, самый смышленый в семье.

Ричард придвигался все ближе – он был уже так близко к Берил, что она могла видеть, как его глаза поблескивают в темноте.

– А какая вы?

– Думаю… думаю, я – дикарка.

– Дикарка, – пробормотал Ричард. – Да, кажется, я могу сказать то же самое…

Он дотронулся до лица Берил. Это короткое прикосновение заставило ее кожу вспыхнуть огнем. Берил вдруг осознала, как стремительно бьется сердце, учащается дыхание. «Почему я позволяю это? – удивилась она. – Мне казалось, я дала зарок: никаких романтических историй! Но сейчас этот мужчина, которого я едва знаю, опять втягивает меня в эту игру – игру, в которой я уже потерпела сокрушительное поражение. Это глупо, импульсивно. Это просто безумие! И заставляет меня жаждать большего…»

Губы Ричарда едва коснулись ее уст – это был самый легкий из поцелуев, но изза привкуса шампанского он казался таким горячим, таким безрассудным… А Берил уже страстно желала еще одного поцелуя, более долгого. Они замерли на мгновение и взглянули друг на друга, паря на самом краю искушения.

Берил сдалась первой. Она потянулась к Ричарду, и вскоре его руки уже обвивались вокруг темноволосой «ведьмы», заманивая ее в ловушку объятий. Берил пылко искала его губы, со всем неистовством страсти умоляя о новом поцелуе.

– Дикарка, – прошептал Ричард, – да определенно ты дикарка!

– И довольно требовательная…

– В этом я и не сомневался.

– А еще со мной очень, очень сложно.

– Этого я не заметил.

Они снова слились в поцелуе. По прерывистому дыханию Ричарда Берил поняла, что он тоже оказался беспомощной жертвой чувственного желания. Внезапно ей захотелось пошутить. Выскользнув из объятий, она с притворной застенчивостью спросила:

– Ну а теперь скажешь?

– Сказать тебе что? – отозвался явно смущенный Ричард.

– На кого ты на самом деле работаешь?

Он немного помедлил, а потом в который раз повторил:

– Фирма «Сакарофф и Вулф». Консультанты по безопасности.

– Неправильный ответ, – отозвалась Берил. Злобно рассмеявшись, она повернулась и понеслась прочь из лабиринта.

* * *

Париж

В двадцать сорок пять, в полном соответствии с привычным распорядком дня, Мари СенПьер похлопывающими движениями нанесла на лицо крем с пчелиной пергой, провела щеткой по жестким седым волосам и скользнула под одеяло. Она щелкнула телевизионным пультом и принялась ждать свой любимый сериал «Династия». Несмотря на то что голоса героев явно продублировали, а место действия было поамерикански броским и кричаще ярким, перипетии сюжета мыльной оперы были близки ее сердцу. Любовь и власть. Боль и возмездие.

Да, Мари знала о любви и боли все. Лишь с тем, что касалось возмездия, никак не удавалось справиться. Каждый раз, когда ярость закипала в груди, а старые фантазии о мести вновь вспыхивали в сознании, она вспоминала о возможных последствиях подобных действий, и все мысли о каре меркли. Нет, Мари слишком сильно любила Филиппа! И они столь многого добились вместе! Путь от министра финансов до премьерминистра был очень коротким – всего одна ступенька по карьерной лестнице…

Ее внимание неожиданно привлекли короткие новости по телевизору – сообщение о лондонском экономическом саммите. Может быть, на экране появится лицо Филиппа? Нет, лишь общий план стола переговоров, за двадцать пять секунд мелькнули две дюжины мужчин в костюмах и при галстуках. И никого, кто бы напоминал Филиппа!

Разочарованно откинувшись на кровати, Мари в сотый раз задалась вопросом: возможно, ей всетаки стоило поехать в Лондон с мужем? Мари ненавидела перелеты, и Филипп предупредил, что поездка будет утомительной. «Лучше оставайся дома, – сказал он ей, – иначе ты просто возненавидишь этот Лондон!»

И все же, быть может, было бы лучше на несколько дней уехать с мужем. Они бы остались вдвоем в номере отеля. Иной пейзаж за окном, другая постель – возможно, смена обстановки пошла бы на пользу их браку, зажгла бы так необходимую их отношениям искру…

Внезапно сознание Мари пронзила ужасная мысль. Столь болезненная, что ее сердце, казалось, скрутило узлом: «Я здесь. А Филипп в Лондоне, один…»

Или всетаки не один?

Вздрогнув, Мари села в кровати, анализируя возможные варианты действий. В сознании замелькали неприятные картинки, и она уже не могла противиться внезапному порыву. Схватив телефон, она набрала номер парижской квартиры Нины Сазерленд.

Гудок следовал за гудком, но никто не отвечал. Мари набрала номер снова, но и на этот раз к телефону никто не подошел. Она в задумчивости уставилась на трубку: «Значит, Нина тоже отправилась в Лондон… И они сейчас вместе, в гостиничном номере Филиппа. Они проводят время вдвоем, пока я жду дома в Париже!»

Мари вскочила с кровати. Любимая «Династия» давнымдавно началась, но она уже не обращала на телевизор внимания. Мари спешно одевалась. «Возможно, я тороплюсь с выводами, – пронеслось в ее голове. – Наверное, Нина на самом деле дома, просто не хочет подходить к телефону».

Решено, нужно подъехать к дому Нины в Нейи. Проверить свою догадку, посмотреть на окна ее квартиры, горит ли в них свет. А что, если нет?.. О таком варианте Мари даже думать не хотелось, она упорно гнала от себя эту мучительную мысль.

Полностью одетая, Мари поспешила вниз по лестнице, в темной гостиной на ходу схватила дамскую сумочку и ключи и открыла входную дверь. Как только вечерний воздух коснулся лица, уши тотчас поразил оглушительный рев.

Мощный взрыв сбил Мари с ног, бросив ее вперед, на крыльцо дома. Только вовремя вытянутые руки помогли спастись от сильного удара головой о бетонное покрытие. Мари смутно почувствовала, как сверху на нее летит град осколков стекла, а сзади слабо потрескивает огонь. Ей удалось медленно перекатиться на спину. Теперь она лежала, беспомощно глядя вверх, на языки пламени, вырывавшиеся из окна спальни.

Мари подумала, что этот взрыв предназначался для нее – эта бомба должна была ее убить! Пронзительные звуки сирен приближались, а она все лежала спиной на битом стекле, думая: «Так вот к чему привела моя любовь?..» И смотрела, как сверху горит ее спальня.

Глава 2

Бекингемшир, Англия

Эйфелева башня таяла. Расположившись у буфетной стойки, Джордан наблюдал, как капельки воды с ледяной скульптуры приземляются прямо в стоящее внизу серебряное блюдо с устрицами. «День взятия Бастилии явно затянулся, вот скука! – устало думал он. – Очередной вечер, еще один прием… И все идет по заезженному сценарию».

– Ты уже съел довольно много устриц для одного вечера, Реджи, – раздался сварливый голос. – Или ты забыл о своей подагре?

– У меня ведь не было приступов несколько месяцев!

– Только потому, что я следила за твоей диетой, – веско изрекла Хелена.

– Хотя бы сегодня вечером, дорогая, – отозвался ее супруг, вскрывая щипцами раковину еще одной устрицы, – ты могла бы не обращать на это внимания?

Реджи поднес раковину ко рту и откусил немного мяса. Блаженство разлилось по лицу гурмана, когда скользкий шарик отправился в его горло.

Хелена содрогнулась.

– Это просто отвратительно – есть живых существ! – Она посмотрела на Джордана, заметив его озадаченный взгляд. – Разве ты со мной не согласен?

Джордан дипломатично пожал плечами:

– Это вопрос воспитания, полагаю. В некоторых культурах принято есть термитов. Или свежих угрей. Я даже слышал об обезьянах, их головы бреют, потом животных обездвиживают…

– О, пожалуйста, не продолжай! – простонала Хелена.

Джордан поспешил спастись бегством прежде, чем размолвка супругов переросла в настоящую перебранку. Оказаться между враждующими супругами определенно было небезопасно. Леди Хелена, как подозревал Джордан, обычно брала верх в любом споре – и все благодаря своим деньгам.

Поблуждав по залу, он наткнулся на министра финансов Филиппа СенПьера – и оказался в ловушке, вынужденный выслушивать лекцию

по мировой экономике. Филипп решительно заявил, что саммит обернулся провалом. Американцы добиваются торговых уступок, но даже слышать не хотят о финансовой ответственности. И так далее, и тому подобное, и все в таком духе без конца… Джордан вздохнул с облегчением, когда в разговор встряла переливавшаяся стеклярусом Нина Сазерленд, за которой по пятам тащился ее напоминавший павлина сын Энтони.

– Но американцы не единственные, кому стоит пересмотреть свою позицию, – фыркнула Нина. – Стоит признать, что в эти дни не преуспел никто, даже французы. Или ты не согласен со мной, Филипп?

СенПьер вспыхнул под ее пристальным, прямым взглядом:

– У всех нас есть трудности, Нина…

– И все же у некоторых проблем больше, чем у остальных.

– Речь идет о всемирной рецессии. Нужно просто потерпеть.

Подбородок Нины взметнулся вверх.

– А что, если ктото не может ждать?

Осушив свой бокал, она резко поставила его на стол:

– Что тогда, Филипп, дорогой?

Беседа неожиданно прекратилась. Джордан заметил, что Хелена с изумлением уставилась на спорщиков, а Филипп с такой силой сжал свой бокал, что суставы его пальцев побелели. «Какого черта здесь происходит? – недоуменно спрашивал себя Джордан. – Какаято личная вражда?»

Странные натянутые отношения и неловкость красной нитью проходили через весь сегодняшний прием. Быть может, в этом было повинно лившееся рекой шампанское. Реджи, несомненно, позволил себе лишнего. Тучный гость Тэвистоков фланировал между подносом с устрицами и столиком с шампанским. Неверной рукой он брал очередной бокал и подносил к губам. Никто не вел себя подобающим образом этим вечером – даже Берил! Определенно не Берил.

Джордан внимательно следил за сестрой с тех пор, как она снова вошла в зал приемов. Щеки Берил пылали румянцем, ее глаза ярко горели загадочным огнем. Следом за ней, с таким же раскрасневшимся лицом, шествовал американец, который выглядел довольно смущенным. «Ага, – с понимающей улыбкой подумал Джордан, – немного напроказничали в

саду, не так ли? Что ж, это как раз то, что ей нужно. Бедняжка Берил могла бы воспользоваться новым романом, чтобы наконецто забыть своего хронически неверного хирурга!»

Берил сняла бокал шампанского с подноса, проносимого официантом, и направилась к Джордану.

– Развлекаешься? – бросила она брату.

– Не так сильно, как ты, полагаю. – Он выразительно посмотрел на Ричарда Вулфа, которого только что перехватил для разговора какойто американский бизнесмен. – Ну что, – прошептал Джордан, – удалось выжать из него признание?

– Увы, ни слова. – Берил улыбнулась поверх своего бокала с шампанским. – Он чрезвычайно скрытен.

– В самом деле?

– Но чуть позже я снова отправлюсь с ним на прогулку. После того, как он немного помучается в ожидании.

Джордан подумал о том, какой же необычайно красивой становится его младшая сестренка в моменты счастья, которые в последнее время выпадали на ее долю довольно редко. В сердце Берил жило слишком много страсти – эта особенность делала дикарку намного более уязвимой, чем она соглашалась признать. Вот уже год минул с тех пор, как Берил выжидала, не заводя новых отношений, полностью отказавшись от любовных игр. Она даже бросила свою благотворительную работу в больнице Святого Луки, которую так горячо любила. А все потому, что для сестры было мучительно то и дело сталкиваться на территории клиники с бывшим возлюбленным.

Но сегодня старые, хорошо знакомые искорки снова плясали в глазах Берил, и Джордану было приятно видеть это. От его внимания не ускользнуло, что они вспыхивали еще ярче, когда Ричард Вулф посматривал на сестру. Ах, эти кокетливые взгляды, метавшиеся тудасюда! Джордан, казалось, улавливал потрескивание электрических разрядов, летавших между его сестрой и американцем.

– ...Безусловно, это заслуженная награда, но ее присудили поздновато, ты не находишь, Джордан?

Очнувшись от своих мыслей, молодой Тэвисток в замешательстве уставился на раскрасневшееся лицо Реджи Вэйна. Определенно гость выпил гораздо больше, чем следовало бы.

– Простите, – смущенно пробормотал Джордан, – боюсь, я потерял нить разговора.

– Я говорю о Королевской медали для Лео Синклера. Ты ведь помнишь Лео, не так ли? Замечательный парень. Его убили года полтора назад. Или прошло уже два года? – Реджи немного потряс головой, словно пытаясь очистить сознание от алкогольного дурмана. – Так или иначе, они только собираются вручить его вдове медаль. Думаю, это непростительно!

– Не каждый, кто был убит в Персидском заливе, получил медаль, – влезла в разговор Нина Сазерленд.

– Но Лео работал в разведке, – возразил Реджи. – Он заслужил награду, особенно если учесть, как он… умер.

– Возможно, проволочку с медалью можно объяснить всегонавсего оплошностью, – предположил Джордан. – Например, документы затерялись или чтото в этом роде… МИ6 действительно старается чтить своих погибших сотрудников, и Лео не будет забыт.

– Забыт так же, как мама и папа, – веско произнесла Берил. – Они погибли при исполнении служебных обязанностей. И так и не получили никакой награды.

– При исполнении служебных обязанностей? – переспросил Реджи. – Это не совсем так.

Подняв бокал шампанского нетвердой рукой, Вэйн поднес его к губам. Он вдруг осекся и смолк, осознав, что окружающие пристально смотрят на него. Повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь треском устричной раковины на чьейто тарелке.

– Что вы подразумеваете под этим «не совсем так»? – осведомилась Берил.

Реджи основательно прокашлялся.

– Конечно… Хью должен был рассказать вам. – Реджи оглянулся, и его лицо побледнело. – О нет, – пробормотал он, – на этот раз я ляпнул чтото лишнее.

– Рассказать нам что, Реджи? – упорствовал Джордан.

– Но это ведь знали все, – ответил Вэйн. – Это было во всех парижских газетах…

– Реджи, – медленно, с расстановкой произнес Джордан. – Мы знаем лишь то, что наши отец и мать были застрелены в Париже. Нам известно, что это было убийство. Это неправда?

– Ну да, разумеется, это был убийца, связанный с…

– Убийца? – перебил Джордан. – Так он действовал в одиночку?

Реджи оглянулся, окончательно сбитый с толку.

– Я не единственный из присутствующих, кому известно об этом. Мы все были в Париже, когда это случилось!

На несколько волнительных мгновений снова воцарилась тишина. Нарушила молчание Хелена, тихо добавив:

– Это было очень давно, Джордан. Двадцать лет назад. Едва ли теперь это имеет какоето значение.

– Это имеет большое значение для нас, – настойчиво отозвался Джордан. – Так что же произошло в Париже?

Хелена вздохнула:

– Я говорила Хью, что ему следует быть честным с вами, вместо того чтобы пытаться похоронить это.

– Похоронить что? – спросила Берил.

Вместо ответа, губы Хелены вытянулись в напряженную ниточку. Сказать правду осмелилась только Нина – эта нагловатая, бестактная Нина, которую никогда не заботили тонкости чужих чувств. Она категорично отрезала:

– Полиция сказала, что это было убийство. За которым последовало самоубийство.

Берил воззрилась на Нину, которая ответила ей прямым взглядом.

– Нет, – прошептала Берил.

Хелена нежно коснулась ее плеча:

– Ты была еще ребенком, Берил! Вы оба были детьми. И Хью не думал, что будет подобающим…

– Нет! – повторила Берил и отпрянула от дружелюбно протянутой Хеленой руки. Она неожиданно повернулась к гостям спиной и понеслась прочь из зала приемов, шелестя синим шелком платья.

– Спасибо. Всем вам, – холодно произнес Джордан. – За вашу столь живительную порцию откровенности.

После этого он тоже отвернулся от гостей и направился к выходу из зала – догонять сестру. Он настиг ее на лестнице:

– Берил?

– Это неправда! – вскричала она. – Не верю ни одному слову!

– Конечно это неправда.

Остановившись на лестнице, Берил взглянула на брата:

– Тогда почему они все говорят это?

– Это лишь омерзительные слухи – что же еще?

– Где дядя Хью?

Джордан покачал головой:

– В зале его нет.

Берил подняла глаза наверх, по направлению ко второму этажу.

– Пойдем, Джорди, – сказала она твердым голосом, в котором ясно звучала решимость. – Мы можем прояснить все прямо сейчас.

И они вместе поднялись по лестнице.

Дядя Хью был в своем кабинете – через закрытую дверь до них доносился настойчивый тон его голоса. Брат и сестра без стука скользнули внутрь и оказались лицом к лицу с хозяином кабинета.

– Дядя Хью? – окликнула Берил.

Резким жестом Тэвисток приказал ей замолчать. Повернувшись к племянникам спиной, он сказал в телефонную трубку:

– Это точно, Клод? Не утечка газа или чтонибудь в этом роде?

– Дядя Хью!

Но Тэвисток упрямо стоял спиной к Берил.

– Дада, – произнес он в трубку, – я сразу же скажу об этом Филиппу. О боже, сейчас не самое подходящее время, но ты прав, выбора нет. Ему придется вылететь обратно сегодня же вечером.

Явно чемто потрясенный, Хью повесил трубку и задумчиво уставился на телефон.

– Ты сказал нам правду? – обрушилась на него Берил. – О маме и папе?

Хью обернулся и, нахмурившись, в замешательстве посмотрел на нее:

– Что? О чем ты говоришь?

– Ты сказал нам, что они погибли при исполнении служебных обязанностей, – ответила Берил. – Ты никогда не говорил ни слова о самоубийстве.

– Кто вам это сказал? – резко бросил он.

– Нина Сазерленд. Но Реджи с Хеленой тоже знали об этом. На самом деле, похоже, об этом известно всему миру! Всем, кроме нас!

– Черт бы побрал эту болтливую Сазерленд! – взревел Хью. – Она не имела никакого права!..

Племянники в изумлении воззрились на него. Неторопливо, чеканя каждое слово, Берил произнесла:

– Это – ложь. Не так ли?

Неожиданно Хью кинулся к двери.

– Мы обсудим это позже, – на ходу пообещал он. – Я должен позаботиться об одном деле…

– Дядя Хью! – вскричала Берил. – Ведь это – неправда?

Хью замер на месте, потом медленно обернулся и посмотрел на нее.

– Я никогда не верил в это, – наконец вымолвил он. – Я ни на мгновение не могу себе представить, что Бернард мог причинить ей боль.

– О чем ты говоришь? – изумленный, спросил Джордан. – О том, что папа убил маму?

Молчание дяди было единственным ответом, которого они добивались. На мгновение Хью задержался в дверном проеме и тихо сказал:

– Пожалуйста, Джордан… Мы поговорим об этом позже. После того, как все разъедутся. А теперь мне действительно нужно заняться делом, связанным с телефонным звонком. – И, повернувшись, он вышел из комнаты.

Берил и Джордан взглянули друг на друга, и каждый прочел в глазах другого один и тот же шок осознания.

– О боже, Джорди, – с трудом произнесла Берил, – это может быть правдой.

* * *

Стоявший в другом конце зала приемов Ричард заметил спешный уход Берил и последовавшее секундой спустя столь же стремительное бегство помрачневшего Джордана. «Что, черт возьми, происходит?» – спросил себя Вулф. Он уже направился к выходу из зала вслед за новыми знакомыми, но по пути наткнулся на Хелену, которая с досадой покачивала головой.

– Какое несчастье! – пробормотала она. – Слишком много кровавого шампанского пролилось за сегодняшний вечер.

– Что случилось?

– Они только что услышали правду. О Бернарде и Мэдлин.

– Кто им рассказал?

– Нина. Но на самом деле это была ошибка Реджи. Он так напился, совершенно не понимал, что несет!

Ричард бросил взгляд на дверной проем, в недрах которого только что исчез Джордан.

– Мне стоит поговорить с ними, рассказать всю историю.

– Полагаю, это обязанность их дяди. Вы согласны? Именно он ограждал их от правды на протяжении всех этих лет. Так позвольте ему все объяснить.

Немного подумав, Ричард кивнул:

– Вы правы. Конечно, вы правы. А мне, наверное, стоит пойти и задушить Нину Сазерленд.

– Задушите лучше моего мужа, если уж собрались. Разрешаю сделать это.

Ричард повернулся и увидел Хью Тэвистока, входящего в зал приемов.

– И что теперь? – пробормотал он, когда хозяин дома в мгновение ока оказался рядом с ними.

– Где Филипп? – резко спросил Хью.

– Кажется, он вышел в сад, – ответила Хелена. – Произошло чтото неприятное?

– Этот окаянный вечер обернулся настоящим бедствием, – тихо произнес Хью. – Мне только что звонили из Парижа. В квартире Филиппа взорвалась бомба.

Ричард и Хелена в ужасе взглянули на него.

– О боже, – прошептала Хелена. – Там Мари…

– С ней все в порядке. Несколько незначительных ушибов, но ничего серьезного. Сейчас она в больнице.

– Покушение на убийство по политическим мотивам? – с сомнением заметил Ричард.

Хью кивнул:

– Похоже на то.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Джордан и дядя Хью наконецто нашли Берил. Она сидела в старой комнате Мэдлин, сгорбившись над большим квадратным чемоданом матери. Чемодан был открыт, по кровати и полу разбросаны вещи Мэдлин: летние платья из шелка, шляпы с цветочным рисунком, украшенная блестящими бусинками вечерняя дамская сумочка.

Были там и прочие милые сердцу глупости: ветка морского коралла, кусок горного хрусталя, фарфоровая лягушка – штуковины, значение которых было известно лишь Мэдлин. Берил вытащила все эти вещицы из чемодана и теперь сидела, окруженная ими, пытаясь с помощью этих

неодушевленных предметов впитать теплоту и дух, которые только и остались от Мэдлин Тэвисток.

Дядя Хью вошел в спальню и опустился на стул рядом с племянницей.

– Берил, – нежно сказал он, – пришло время… Я должен наконецто сказать тебе правду.

– Время для правды было много лет назад, – отозвалась она, не отрывая глаз от фарфоровой лягушки в своей руке.

– Но вы оба были еще такими маленькими! Тебе было всего восемь, Джордану – десять. Вы не смогли бы понять…

– Мы бы имели дело с фактами! Но вместо этого ты скрыл их от нас!

– Факты были слишком болезненными. Французская полиция пришла к выводу…

– Папа никогда, никогда не причинил бы ей зла! – бросила Берил и так свирепо взглянула на дядю, что тот отпрянул в изумлении. – Разве ты не помнишь, что они и дня не могли прожить друг без друга, дядя Хью? Как сильно они любили? Зато я отлично помню!

– И я тоже, – подхватил Джордан.

Дядя Хью снял очки и устало потер глаза.

– Правда, – решился он, – еще хуже, чем вы можете себе представить.

Берил недоверчиво взглянула на него:

– Что может быть хуже убийства и сведения счетов с жизнью?

– Возможно… возможно, вам стоит самим просмотреть досье. – Он поднялся со стула. – Дело наверху. В моем кабинете.

Берил и Джордан отправились вместе с дядей на третий этаж – в комнату, которую они посещали довольно редко и которую Хью всегда держал запертой. Он открыл дверь кабинета и вытащил из ящика стола папку. На деле, помеченном грифом секретности МИ6, стояло: «Тэвисток, Бернард и Мэдлин».

– Полагаю, я… я надеялся защитить вас от этого, – объяснил Хью. – Это правда, в которую я лично отказываюсь верить. В Бернарде не было ни капли коварства, ни намека на возможное предательство. Но улики

свидетельствуют об обратном. И я не знаю, как еще можно объяснить эти факты.

Хью протянул дело Берил. Не говоря ни слова, она открыла папку. Вместе с Джорданом они пролистали содержимое: внутри были копии отчетов французской полиции, включая свидетельские показания и фотографии с места убийства. Выводы следствия соответствовали тому, что рассказала им Нина Сазерленд: Бернард трижды выстрелил в жену в упор, после чего приставил пистолет к своей голове и спустил курок.

Фотографии с места происшествия были слишком страшными, чтобы на них останавливаться. Берил быстро пролистала кошмарные странички и в изумлении воззрилась на еще один протокол, составленный французской разведкой. Не веря собственным глазам, она снова и снова перечитывала изложенные факты.

– Это невозможно, – наконец произнесла она.

– Это то, что они обнаружили – портфель с документами под секретным грифом НАТО. Сведения об оружии союзников. Это нашли в той самой мансарде, где были их тела. Документы оказались у Бернарда в момент смерти – речь идет об информации, которая не должна была покидать стен посольства.

– А откуда ты знаешь, что именно он их взял?

– У него был доступ, Берил. Бернард был нашим связным в НАТО. За несколько месяцев до этого происшествия документы союзников попали в руки восточных немцев, сведения передал некто под кодовым именем Делфи. Мы знали, что в наших рядах завелся «крот», но не могли установить его личность – до тех пор, пока эти важные бумаги не были найдены рядом с телом Бернарда.

– И ты думаешь, что папа и был этим Делфи, – сказал Джордан.

– Нет, к таким выводам пришла французская разведка. Я не мог в это поверить, но одновременно не мог спорить с фактами.

Берил и Джордан ненадолго смолкли, приведенные в смятение весомостью доказательств.

– Ты действительно не веришь в это, дядя Хью? – тихо спросила Берил. – В то, что папа был тем предателем?

– Я не мог спорить с полученными данными. И эти улики четко объясняют гибель ваших родителей. Возможно, они знали, что находятся на краю, что их вотвот раскроют. Тогда на их головы лег бы

несмываемый позор. Так что Бернард нашел джентльменский выход из положения. Он мог бы так поступить, вы ведь знаете. Предпочел бы смерть бесчестию.

Дядя Хью откинулся на стуле и устало провел пальцами по своим седым волосам.

– Я сделал все, что было в моих силах, чтобы этот отчет не предали огласке, – сказал он. – Поиски Делфи были прекращены. А меня ждали несколько неприятных лет в МИ6: дескать, брат предателя и все в таком духе, можем ли мы ему доверять, и так далее… Но потом все забылось. И моя карьера продолжилась – думаю, это стало возможным потому, что никто в МИ6 не мог понастоящему поверить результатам расследования. Поверить в то, что Бернард мог переметнуться на сторону наших недругов.

– Я тоже в это не верю, – отозвалась Берил.

Дядя Хью пристально посмотрел на нее:

– И все же…

– Я отказываюсь верить в это! Дело явно сфабриковано. Комуто в МИ6 выгодно скрывать правду…

– Не говори чепуху, Берил!

– Мама и папа уже не могут защитить себя от этой фальсификации! Кто еще будет отстаивать их доброе имя?

– Твоя преданность похвальна, дорогая, но…

– А где твоя преданность? – резко парировала Берил. – Он был твоим братом!

– Я не хотел в это верить.

– Тогда почему подтвердил выводы следствия? Ты хоть обсуждал это с французской разведкой?

– Да, и у меня не было оснований усомниться в правдивости отчета Домье. Он – человек основательный, въедливый.

– Домье? – переспросил Джордан. – Клод Домье? Не он ли был шефом их парижской операции?

– В то время он был связным ваших родителей в МИ6. Я попросил его проверить полученные сведения. Он пришел к тем же самым выводам, что и следствие.

– Тогда этот тип Домье – полный идиот, – бросила Берил, направившись к двери. – И я собираюсь сказать ему об этом лично.

– Куда ты? – всполошился Джордан.

– Собирать вещи, – ответила она. – Ты едешь, Джордан?

– Собирать вещи? – озадаченно повторил Хью. – Куда, черт побери, ты решила ехать?

– Куда же еще, – бросила Берил через плечо, – как не в Париж?

* * *

Телефонный звонок разбудил Ричарда Вулфа в шесть часов утра.

– Они забронировали билеты на полуденный рейс в Париж, – сообщил Клод Домье. – Похоже, друг мой, ктото разворошил это отвратительное змеиное гнездо.

Еще не до конца проснувшийся Ричард резко сел на кровати и тряхнул головой.

– О чем ты говоришь, Клод? Кто летит в Париж?

– Берил и Джордан Тэвисток. Хью только что звонил мне. Думаю, это не самое лучшее развитие ситуации.

Ричард рухнул обратно на подушку.

– Они ведь уже взрослые, Клод, – сказал он, зевая. – Если они хотят лететь в Париж…

– Они прилетают, чтобы разузнать поподробнее о Бернарде и Мэдлин.

Ричард закрыл глаза и простонал:

– О, замечательно, только этого нам и не хватало!

– Вот и я о том же.

– А Хью не может отговорить их от этого?

– Он пытался. Но эта его племянница… – Домье вздохнул. – Ты ведь встречал ее. Так что можешь себе представить…

Да, Ричард совершенно точно знал, какой упрямой может быть мисс Берил Тэвисток. Что ж, какова мать, такова и дочь. Он отлично помнил, какой была Мэдлин – столь же непреклонной, столь же неудержимой. Столь же очаровательной…

Ричард стряхнул с себя все эти навязчивые воспоминания о давно умершей женщине и осведомился:

– Как много они знают?

– Они видели мой отчет. Они знают о Делфи.

– Значит, в поисках новой информации они будут копать во всех правильных местах.

– Во всех опасных местах, – поправил Домье.

Ричард сел на кровати и задумчиво запустил пальцы в волосы, обдумывая различные сценарии дальнейшего развития событий. Взвешивая все возможные риски.

– Хью беспокоится по поводу их безопасности, – заметил Домье. – И я тоже. Если то, о чем мы думаем, верно…

– Тогда они попадут в такую трясину, что и подумать страшно!

– Не говоря уже о том, что в Париже довольно опасно, – подхватил Домье. – Это подтверждает недавняя история с бомбой.

– Кстати, как себя чувствует Мари СенПьер?

– Несколько царапин, ушибы. Ее должны выписать из больницы завтра.

– Взрывотехники уже представили доклад?

– По их данным, это «семтекс», пластичная взрывчатка. Квартира сверху была полностью уничтожена. По счастливой случайности Мари как раз спустилась вниз незадолго до того, как бомба сработала.

– Ктонибудь взял на себя ответственность за покушение?

– Вскоре после взрыва раздался телефонный звонок. Какойто мужчина сообщил, что он принадлежит к некоей группировке под названием

«Мировая солидарность». Они взяли на себя ответственность за произошедшее.

– «Мировая солидарность»? Никогда ни о чем подобном не слышал.

– Мы тоже, – заметил Домье. – Но ты же знаешь, как это бывает в наше время…

Увы, Ричард знал это слишком хорошо. Любой псих, обладающий нужными связями, мог купить несколько унций «семтекса», изготовить взрывчатку и присоединиться к революции – не важно какой. Неудивительно, что бизнес Вулфа развивался так быстро. В этом новом опасном мире терроризм стал правдой жизни. И клиенты отовсюду готовы были раскошелиться ради собственной безопасности.

– Так что, друг мой, ты сам понимаешь, – сказал Домье, – что дети Бернарда выбрали не самое лучшее время для визита в Париж. А если представить, ответы на какие вопросы они собираются искать…

– Разве ты не можешь присмотреть за ними?

– А с какой стати они должны мне доверять? Это ведь именно мой рапорт находится в деле их родителей. Нет, здесь им нужен иной друг, Ричард. Ктото с острым, внимательным глазом и тонкой интуицией.

– Ты имеешь в виду когото конкретно?

– Птичка на хвосте принесла, что между тобой и мисс Тэвисток возникла определенная… симпатия.

– Эта женщина мне не по зубам, да и не по карману. А я слишком беден для нее.

– Я ведь обычно не прошу тебя об одолжениях, – тихо напомнил Домье. – Да и Хью тоже.

«И вы оба просите меня об одолжении теперь», – подумал Ричард и со вздохом произнес:

– Ну как я могу отказаться?

Повесив трубку, Ричард ненадолго застыл на месте, обдумывая поставленную задачу. По сути, ему предстояло на время превратиться в няньку – подобные задания он просто презирал! Но мысли о том, что он снова увидит Берил Тэвисток, и воспоминания о поцелуе, которым они обменялись в саду, было достаточно, чтобы озарить его лицо широкой улыбкой предвкушения. «Она мне не по зубам, – пронеслось в голове

Ричарда. – Так и есть, но разве не может мужчина хоть немного помечтать? К тому же я просто обязан помочь – в память о Бернарде и Мэдлин».

Даже спустя все эти годы мысли об их смерти неотступно преследовали Ричарда. Должно быть, пришло время покончить с этой тайной, ответить на все вопросы, заданные Вулфом и Домье еще двадцать лет назад… Те же самые вопросы, которые так твердо пресекались МИ6 и ЦРУ.

Теперь еще и Берил Тэвисток сунула в это грязное и опасное месиво свой аристократический нос. «Самый прекрасный нос на свете!» – невольно подумалось Ричарду. Оставалось только надеяться, что любопытство ее не погубит.

Вулф поднялся с кровати и отправился в душ. Так много нужно успеть сделать, сколько еще приготовлений ждет его перед тем, как поехать в аэропорт… Быть чьейто нянькой – как же он ненавидел подобные просьбы! Но, по крайней мере, эта работенка будет в Париже.

* * *

Энтони Сазерленд пристально смотрел в стекло иллюминатора, страстно желая, чтобы этот полет наконецто закончился. Вот незадача, и как только угораздило забронировать билеты на тот же самый рейс «Эйр Франс», что и Вэйны! И вдобавок к этому оказаться сидящим прямо напротив них, разделенным лишь проходом в салоне первого класса – по правде сказать, это было просто невыносимо!

Энтони считал Реджи Вэйна визгливым занудой, особенно в моменты опьянения, а сейчас он как раз был на пути к этому состоянию. Два коктейля «Виски сауэр» – и этот солидный господин принялся лепетать чтото о том, как он скучает по старой доброй Англии, где пища вареная, какой ей и следует быть, а не жаренная на этом отвратительном масле, где люди умеют спокойно стоять в очередях, где от толпы не исходит неприятный запах чеснока и лука…

Реджи слишком долго жил в Париже – возможно, пришло время оставить свой пост в банке и вернуться домой? В конце концов, он возглавлял парижское отделение Банка Лондона долгие годы. И теперь, когда так много молодых смышленых вицепрезидентов, готовых сесть в его кресло, не пора ли позволить им сделать это?

Леди Хелена, которая, казалось, как и Энтони, была сыта по горло нытьем супруга, просто приказала:

– Заткнись, Реджи! – и заказала ему третью порцию крепкого коктейля.

Энтони не питал теплых чувств и к Хелене. Она напоминала ему отвратительного грызуна – какой контраст с его матерью! Сейчас эти две женщины сидели друг против друга, разделенные лишь проходом: Хелена, неприметная и строгая, в юбке и пиджаке в мелкую ломаную клетку, и Нина, яркая, притягивающая взоры, в ослепительнобелом брючном костюме из шелка. Бесспорно, только поистине уверенная в себе женщина могла носить белый шелк, и мать Энтони имела на это полное право. Даже в свои пятьдесят три Нина выглядела сногсшибательно: ее темные, зачесанные наверх волосы почти не тронула седина, а фигуре могла позавидовать любая двадцатилетняя девушка. «Но, разумеется, – подумал Энтони, – прежде всего она – моя мать». И, как обычно, Нина не смогла упустить момент поддеть Хелену.

– Если вы с Реджи так ненавидите все в Париже, – фыркнула она, – почему же остаетесь там? Мне кажется, что люди, которые не обожают этот город, просто не заслуживают права жить в нем.

– А ты, конечно, в восторге от Парижа, – отозвалась Хелена.

– Все зависит от отношения к этому вопросу. Если бы вы не были столь предвзяты…

– О нет, мы слишком скучные и необъективные, – пробормотала Хелена.

– Я этого не говорила. Но есть определенная точка зрения британцев. Дескать, Бог – англичанин, и все такое…

– А ты считаешь, что это не так? – весело осведомился Реджи.

Но Хелене было не до смеха.

– Я лишь думаю, – изрекла она, – что определенное количество порядка и дисциплины необходимо миру, чтобы функционировать должным образом.

Нина красноречиво взглянула на Реджи, который с шумом прихлебывал виски:

– Да, как я посмотрю, вы оба верите в дисциплину. Неудивительно, что вечер обернулся таким бедствием.

– Правду выболтали не мы, – резко бросила Хелена.

– По крайней мере, я была достаточно трезва, чтобы отдавать отчет в своих словах! – парировала Нина. – Они в любом случае все бы узнали. После того как Реджи разболтал секрет, я всегонавсего решила, что настало время честно рассказать им о Бернарде и Мэдлин.

– И посмотри, к чему это привело! – простонала Хелена. – Хью сказал, что Берил и Джордан летят в Париж сегодня днем. Теперь они будут копаться в этом грязном белье.

Нина равнодушно пожала плечами:

– Ну, это ведь было давнымдавно.

– Не понимаю, почему ты настолько беспечна. Если ктото и может пострадать, так это ты, – проворчала Хелена.

Нина нахмурилась и посмотрела на нее:

– Что ты имеешь в виду?

– О, ничего.

– Нет, в самом деле! Что ты имеешь в виду, говоря это?

– Ничего, – резко отозвалась Хелена.

Беседа стала принимать нежелательное направление, превратившись в обмен грубостями. Но Энтони едва ли мог сказать, что его мать вышла из себя. Напротив, Нина сидела спокойно, ее руки были сложены на коленях. Она даже заказала второй бокал мартини. Когда мать поднялась с кресла и направилась вниз по проходу, чтобы немного размяться, Энтони пошел следом. Они уединились в хвостовой части самолета.

– Ты в порядке, мама? – спросил Энтони.

Нина бросила тревожный взгляд в сторону первого класса.

– Это все проклятый промах Реджи, – прошептала она. – И, знаешь ли, Хелена права. Я – единственная, кто действительно может пострадать.

– Но ведь прошло так много лет?

– Они снова будут задавать вопросы. Копаться в этом деле. Боже праведный, а что, если эти надоедливые дети Тэвистоков чтото узнают?

– Они не узнают, – тихо, со странным спокойствием произнес Энтони.

Мать и сын понимающе посмотрели друг на друга. В этом взгляде каждый увидел, прочитал по глазам другого то мучение, которое доставляли им оковы двадцатилетней давности. «Ты и я – против остального мира», – обычно пела Нина в уши сыну. Именно так это и

ощущалось: они вместе, только вдвоем, в своей парижской квартире. Конечно, иногда там появлялись ее любовники, но эти мужчины ничего не значили, они едва ли стоили хоть капли внимания. Любовь матери и сына – ну что еще могло быть сильнее?

– Тебе совершенно не о чем волноваться, дорогая мамочка, – заметил Энтони. – На самом деле не о чем.

– Но Тэвистоки…

– Они не причинят беспокойства. – Взяв руку матери, он сжал ее обнадеживающим жестом. – Я гарантирую.

Глава 3

Из окна своего сьюта в парижском отеле «Риц» Берил смотрела вниз, на роскошь Вандомской площади с ее коринфскими пилястрами и широкими аркадами. Перед взором мисс Тэвисток проплывал вечерний парад богатых туристов. Прошло восемь лет с тех пор, как Берил в последний раз была в Париже: помнится, тогда они с подружками развлеклись от души – три сумасбродкиоднокурсницы предпочли бистро Левого берега и разудалую ночную жизнь Монпарнаса этому воплощенному изобилию и шику.

Тогда они великолепно проводили время, выпивая несметное количество бутылок вина, танцуя прямо на улицах и флиртуя с каждым смотревшим в их сторону французом – а было их, надо сказать, немало.

Казалось, будто это было миллион лет назад. Другая жизнь, другое время…

Теперь, стоя у окна гостиничного номера, Берил оплакивала потерю тех беззаботных дней и четко осознавала, что они никогда больше не вернутся. «Я слишком сильно изменилась, – думала она. – И это ощущение связано не только с тем, что тайна мамы и папы открылась. Дело во мне самой. Я чувствую какоето необъяснимое волнение. Очень хочется… не знаю чего. Возможно, цели? Я так долго шла по жизни, не имея конкретной цели…»

Берил услышала характерный щелчок, и в следующее мгновение из двери, соединяющей ее номер с соседним сьютом, появился брат.

– Клод Домье наконецто перезвонил мне, – сказал Джордан. – Он занят расследованием взрыва, но согласился встретиться с нами за ранним ужином.

– Когда?

– Через полчаса.

Берил отвернулась от окна и посмотрела на брата. Они почти не спали прошлой ночью, и это безошибочно читалось по его лицу. Несмотря на то что Джордан был гладко выбрит и безупречно одет, в его облике сквозила сильная усталость, а его слабый, измученный взгляд выдавал человека, который держится на ногах только благодаря резервным силам организма. «Как и я», – подумалось Берил.

– Я готова ехать в любое время, – отозвалась она.

Нахмурившись, Джордан оглядел платье сестры:

– Разве это… не мамино?

– Да. Я положила в чемодан несколько ее вещей. Признаться, даже не знаю, зачем это сделала. – Она задумчиво посмотрела на муаровую юбку. – Эта одежда идеально на мне сидит, в этом есть чтото сверхъестественное, не так ли? Будто все это сшито специально для меня.

– Берил, ты уверена, что готова ко всему этому?

– Почему ты спрашиваешь?

– Все дело в том… – Джордан обеспокоенно покачал головой, – в том, что ты кажешься не похожей на себя.

– Мы оба так выглядим, Джорди. Да и как может быть иначе?

Берил снова выглянула из окна, заметив удлиняющиеся тени на Вандомской площади. Тем же самым видом любовалась, должно быть, ее мать, когда бывала в Париже. Она останавливалась в том же отеле, возможно, как раз в этом номере. «На мне даже надето ее платье», – подумала Берил.

– Мы оба это чувствуем… Словно не знаем, кто мы есть на самом деле, откуда взялись… – сказала она.

– Но я никогда не сомневался по поводу того, кто ты и кто я, Берил. И независимо от того, что мы узнаем о родителях, мы не изменимся.

Помолчав, Берил взглянула на брата:

– Так ты думаешь, что это может оказаться правдой?

Джордан немного помедлил.

– Я не знаю, – ответил он, – но готовлю себя к самому худшему. Да и тебе следует настраиваться так же.

Джордан зашел в гардеробную и взял оттуда ее накидку:

– Пора идти. Настало время столкнуться лицом к лицу с фактами, сестренка. Независимо от того, какими они могут оказаться.

В семь часов вечера Джордан и Берил прибыли в ресторан «Маленький цирк», где Домье назначил им встречу. Было еще довольно рано для парижского времени ужина – в зале была всего лишь одна пара. Тэвистоки заняли отдельную кабинку вдали от входа и, чтобы утолить голод, заказали вино, хлеб и салат из корня сельдерея под соусом ремулад на основе горчицы. Одинокая пара закончила поздний обед и покинула ресторан; назначенное время встречи прошло, а Домье все не было. Неужели он передумал и отказался от разговора?

Лишь в семь двадцать дверь заведения распахнулась, и в ресторан вошел элегантный маленький француз в костюме и при галстуке. Благодаря седеющим вискам и солидному портфелю его можно было принять за прославленного банкира или адвоката. Но в то мгновение, когда пристальный, цепкий взгляд незнакомца скользнул по Берил, она уже знала, что это и есть Клод Домье. Подтверждая ее догадку, француз учтиво поклонился.

Но Домье пришел не один. Он бросил взгляд через плечо, когда дверь открылась снова и в ресторан вошел еще один мужчина. Они вместе подошли к кабинке, в которой сидели Тэвистоки. Берил в волнении напряглась всем телом, когда осознала, что во все глаза смотрит не на Домье, а на его спутника.

– Добрый вечер, Ричард, – тихо произнесла она. – Я и понятия не имела, что ты собирался в Париж.

– Я тоже, – ответил Вулф. – До сегодняшнего утра.

Присутствующие поприветствовали друг друга, обменялись рукопожатиями. После того как с формальностями было покончено, двое мужчин скользнули в кабинку. Ричард уселся напротив мисс Тэвисток. Они встретились взглядами, и Берил почувствовала, как прежние искры начинают разгораться между ними, а память о страстном поцелуе будоражит сознание.

«Берил, ты идиотка, – раздраженно подумала она, – ты позволяешь ему отвлекать себя, уводить от главного. Смущать. Ни один мужчина не вправе влиять на тебя подобным образом – и, уж конечно, не мужчина, с

которым ты целовалась всего один раз в своей жизни. Не тот, кого ты встретила всего двадцать четыре часа назад».

И все же Берил никак не могла выкинуть из головы воспоминания о тех сладостных моментах в саду Четвинда. Как не могла забыть и вкус губ Ричарда. Она неотрывно следила за тем, как он налил себе бокал вина, как поднял его и сделал глоток. Их глаза снова встретились, на сей раз над мерцающей рубиновой жидкостью. Берил облизнула губы, смакуя послевкусие бургундского.

– Итак, что же привело тебя в Париж? – спросила она, поднимая бокал.

– Собственно говоря, Клод. – Он кивнул в сторону Домье.

Заметив вопросительный взгляд Берил, тот поспешил объяснить:

– Когда я услышал, что мой старый друг Ричард оказался совсем рядом, в Лондоне, я подумал: а почему бы не проконсультироваться с ним? Ведь он – настоящий авторитет в интересующем меня вопросе.

– Речь идет о взрыве в квартире СенПьера, – подхватил Ричард. – Некая группировка, о которой никто никогда не слышал, взяла на себя ответственность за покушение. Клод, должно быть, подумал, что я смогу пролить свет на личность организаторов взрыва. На протяжении многих лет я отслеживаю все сообщения о террористических организациях.

– И как, удалось пролить свет? – осведомился Джордан.

– Боюсь, нет, – признал Вулф. – Мне не удалось обнаружить в своем компьютере ни одного упоминания о некоей «Мировой солидарности».

Ричард сделал еще один глоток вина, и его внимательный взор вновь встретился с взглядом Берил.

– Но поездка не обернулась пустой тратой времени, – добавил он, – ведь я узнал, что вы тоже находитесь в Париже.

– Нас привели сюда исключительно дела, – заметила Берил. – К сожалению, у нас нет времени на развлечения.

– Неужели вообще нет?

– Ни минутки свободной, – решительно отрезала она и подчеркнуто переключила свое внимание на Домье: – Мой дядя звонил вам, не так ли? Говорил, зачем мы приехали сюда?

Француз кивнул:

– Как я понимаю, вы оба прочитали досье.

– От корки до корки, – сказал Джордан.

– Тогда вы изучили все доказательства. Я лично подтвердил правоту свидетельских показаний, сведений следователя…

– Возможно, он неверно истолковал факты, – заявил Джордан.

– Я своими глазами видел их тела в мансарде. И вряд ли когданибудь это забуду. – Домье ненадолго замолчал, словно освежая в памяти ужасные воспоминания. – Ваша мать погибла в результате трех огнестрельных ранений в области груди. Рядом с ней лежал Бернард, в его голове была однаединственная пуля. На пистолете остались отпечатки его пальцев. Ни очевидцев произошедшего, ни других подозреваемых не было.

Домье решительно тряхнул головой:

– Улики говорят сами за себя.

– Но где же мотив? – осведомилась Берил. – Почему он убил ту, которую любил?

– Возможно, это и есть мотив, – ответил Домье. – Любовь. Или потеря любви. Она, вероятно, нашла когото еще…

– Это невозможно! – яростно возразила Берил. – Она любила его.

Домье отвел глаза, уставившись в свой бокал. Затем тихо произнес:

– Вы еще не читали протокол допроса полицией домовладельца, месье Ридо?

Берил и Джордан в замешательстве взглянули на него.

– Ридо? Не помню, чтобы в деле был подобный протокол, – сказал Джордан.

– Его нет только потому, что я предпочел исключить этот документ, когда отправлял дело Хью. Это был вопрос… оставленный на мое усмотрение.

«Оставленный на усмотрение…» – про себя повторила Берил. – Это означает, что он пытался скрыть какойто неудобный, вызывающий смущение факт».

– Квартира в мансарде, в которой были найдены их тела, была сдана в аренду мадемуазель Скарлатти, – объяснил Домье. – По словам домовладельца, Ридо, эта Скарлатти пользовалась квартирой всего пару раз в неделю. И только ради…

Домье деликатно смолк, подбирая нужные слова.

– Встреч с любовником? – напрямик спросил Джордан.

Домье кивнул:

– После убийства хозяина дома попросили опознать тела. Ридо сказал полиции, что женщина, которую он знал как мадемуазель Скарлатти, и была найдена мертвой в мансарде. Это была ваша мать.

Потрясенная, Берил во все глаза смотрела на него.

– Вы хотите сказать, что моя мать встречалась там с любовником?

– Так утверждал домовладелец.

– Тогда мы должны лично поговорить с этим домовладельцем.

– Это невозможно, – сказал Домье. – Здание было несколько раз перепродано. А месье Ридо покинул страну. Я не знаю, где он сейчас.

Берил и Джордан сидели в оглушающей тишине. «Так вот каково предположение Домье! – думала Берил. – Этот француз считает, что у моей матери был любовник. Пару раз в неделю она встречалась с ним в этой мансардной квартире на улице Мира. А потом отец все узнал. Именно поэтому он ее и убил. А потом свел счеты с жизнью».

Взглянув на Ричарда, Берил заметила проблеск сочувствия в его глазах. «Он тоже в это верит!» – с укоризной подумала она. Неожиданно Берил почувствовала негодование: да как этот Вулф вообще смеет присутствовать здесь, слушать самую постыдную тайну ее семьи!

До слуха присутствующих донесся слабый звуковой сигнал. Домье запустил руку внутрь пиджака и, нахмурившись, посмотрел на телефон.

– Боюсь, я должен идти, – сказал он.

– А что насчет секретных документов? – спросил Джордан. – Вы ни слова не сказали о Делфи.

– Мы поговорим об этом позже. Этот взрыв, вы понимаете, – сложилась кризисная ситуация. – Домье выскользнул из кабинки ресторана и взял

свой портфель. – Может быть, встретимся завтра? Между тем советую от души насладиться своим пребыванием в Париже – всем вам. Да, и если вы собираетесь здесь ужинать, рекомендую попробовать утку. Тут ее готовят изумительно!

Отвесив прощальный поклон, Домье повернулся и поспешно направился к выходу.

– Мы получили лишь блистательные отговорки, – пробормотал разочарованный Джордан. – Он шокирует нас своими домыслами, потом, отговорившись срочными делами, уносится прочь, избегая отвечать на наши вопросы.

– Думаю, именно таким и был его план с самого начала, – сказала Берил. – Сказать нам нечто столь же ужасное, в надежде на то, что мы побоимся продолжить наше расследование. И перестанем задавать неудобные вопросы.

Она взглянула на Ричарда:

– Я права?

Он без колебаний ответил на пристальный взгляд Берил:

– Почему ты спрашиваешь об этом меня?

– Потому что очевидно: вы двое хорошо знаете друг друга. Домье всегда использует подобные методы в своей работе?

– Клод не из тех, кто будет выбалтывать тайны. Но он всегда готов выручить старых друзей, а ваш дядя Хью – его хороший приятель. Убежден, Клод действовал из лучших побуждений и в ваших интересах.

«Старые друзья, ну конечно!» – с издевкой подумала Берил. Домье, дядя Хью и Ричард Вулф – все они были связаны какимто прошлым. Туманным прошлым, о котором предпочитали молчать. Берил чувствовала это еще в те времена, когда росла в Четвинде. В имение нередко заглядывали таинственные мужчины в лимузинах, навещавшие Хью. Иногда до Берил доносились обрывки разговоров, произносимые шепотом имена, о значении которых она могла только догадываться. Юрченко. Андропов. Багдад. Берлин. Берил давнымдавно усвоила, что не стоит задавать лишних вопросов и ждать откровенных ответов. «Не стоит забивать этим свою прелестную головку», – только и сказал бы ей дядя Хью.

Но на сей раз Берил не могла отложить свои вопросы. Теперь ей позарез нужны были ответы.

Официант подошел к столику и протянул меню. Берил покачала головой.

– Мы не останемся, – отрезала она.

– Вы не хотите поужинать? – поинтересовался Ричард. – Клод говорит, что это превосходный ресторан.

– Это Клод попросил, чтобы ты тут нарисовался? – в лоб спросила Берил. – Откармливал нас и развлекал до потери пульса, чтобы мы не создавали ему хлопот?

– Я получил бы большое удовольствие, откармливая вас. И, если бы вы пожелали, с радостью развлек. – Ричард улыбнулся Берил, и в этой улыбке мелькнула озорная искорка. Взглянув в его глаза, она вдруг осознала, что балансирует на грани искушения. «Поужинай со мной, – читалось в улыбке Вулфа. – А потом – кто знает? Возможно все…»

Берил медленно откинулась на спинку стула в кабинке:

– Мы поужинаем с тобой, но при одном условии.

– Каком же?

– Ты играешь с нами честно, в открытую. Никаких уловок, никаких хитростей.

– Я постараюсь.

– Зачем ты приехал в Париж?

– Клод попросил меня проконсультировать его. В качестве личного одолжения. Экономический саммит закончился, так что график позволяет мне выкроить время. К тому же мне было любопытно.

– Выяснить насчет взрыва?

Ричард кивнул:

– «Мировая солидарность» – раньше я никогда не слышал о подобной организации. Я пытаюсь отслеживать появление новых террористических группировок. Это мой бизнес. – Он протянул меню Берил и снова улыбнулся. – И это, мисс Тэвисток, чистейшая правда.

Встретившись с Ричардом взглядом, Берил не заметила в его глазах ни малейшей вспышки хитрости, желания увильнуть от ответа. И все же

интуиция подсказывала ей, что за этой улыбкой крылось нечто большее, нечто невысказанное…

– Ты не веришь мне, – констатировал он.

– Как ты догадался?

– Это значит, что вы с братом не поужинаете со мной?

До этого момента Джордан сидел тихо, внимательно следя за сестрой и американцем, наблюдая за их словесным пингпонгом. Теперь он нетерпеливо вмешался в разговор:

– Мы обязательно поужинаем. Я так голоден, Берил, что не двинусь с места, пока чтонибудь не съем.

Берил вздохнула, выражая согласие уступить, и взяла меню:

– Полагаю, ответ понятен. Желудок Джорди сказал все сам.

* * *

Телефон Амьеля Фоша зазвонил точно в семь пятнадцать.

– У меня для вас новое задание, – раздался голос на том конце провода. – Это вопрос, не терпящий отлагательств. Может быть, хоть на этот раз вы справитесь с поставленной задачей.

Критическое замечание уязвляло самолюбие, и Амьель Фош, имевший двадцатипятилетний опыт работы в своем деле, едва удержался, чтобы не броситься резко возражать. Но звонивший щедро ему платил – выходит, мог себе позволить швыряться оскорблениями. Что ж, видимо, не зря Фош все чаще задумывался о том, чтобы отойти от дел. Его услуги требовались все реже, да и этих нечастых заказов приходилось ждать подолгу. В конце концов, рефлексы ведь с возрастом лучше не становятся.

Спокойно, стараясь держать эмоции под контролем, Фош ответил:

– Я установил механизм в соответствии с вашими инструкциями. Устройство сработало в назначенное время.

– И оно всего лишь наделало много шума! Цель не была достигнута, объект почти не задело.

– Она действовала непредсказуемо. Подобные вещи нельзя прогнозировать.

– Что ж, будем надеяться, что на сей раз вы все будете держать под контролем.

– Итак, каково имя нового объекта?

– У нас два объекта. Брат и сестра, Джордан и Берил Тэвисток. Они остановились в «Рице». Я хочу знать, куда они будут ходить. С кем станут встречаться.

– И ничего больше?

– Пока – просто наблюдение. Но все может измениться в любое время – в зависимости от того, что им удастся выяснить. Если повезет, они просто откажутся от своей затеи и сбегут домой, в Англию.

– А если не сбегут?

– Тогда нам придется предпринимать определенные шаги.

– А что насчет мадам СенПьер? Вы хотите, чтобы я попробовал еще раз?

Звонивший ненадолго замолчал.

– Нет, – наконец сказал он, – мадам СенПьер может и подождать. В данный момент на первый план выходят Тэвистоки.

* * *

За ужином, состоявшим из тушеного лосося и утки под малиновым соусом, Берил с Ричардом осыпали друг друга колкостями и парировали взаимные нападки. Вулф, искусный словесный дуэлянт, лишь бегло, в общих чертах обрисовал свою личную жизнь.

Как выяснилось, он родился и вырос в Коннектикуте. Его отец, вышедший в отставку коп, до сих пор был жив. После окончания Принстонского университета Ричард поступил на работу в Государственный департамент США, был чиновником в посольствах по всему миру. Пять лет назад он оставил государственную службу, чтобы организовать собственный бизнес – работать консультантом по безопасности. Так на свет появилась фирма «Сакарофф и Вулф», которая располагается в Вашингтоне, округ Колумбия.

– Именно дела фирмы привели меня в Лондон на прошлой неделе, – объяснил Ричард. – Несколько американских фирм хотели обеспечить безопасность своих руководителей во время экономического саммита. Меня наняли в качестве консультанта.

– И это все, чем ты занимался в Лондоне? – уточнила Берил.

– Это все, чем я занимался в Лондоне. До тех пор, пока не получил от Хью приглашение в Четвинд. – Его пристальный взгляд вновь устремился через стол и впился в мисс Тэвисток.

Американец казался откровенным, но Берил все равно было не по себе. «Что он мне рассказывает – правду, вымысел или нечто среднее?» – мучилась она. Сухое перечисление не вызывающих сомнений фактов производило впечатление отрепетированного рассказа – и это все действительно могло быть легендой. Люди, работавшие в разведывательной службе, обычно в совершенстве заучивали придуманные истории жизни, запоминали детали, ловко смешивали факты с фантазиями. Что Берил действительно знала об этом Ричарде? Только то, что он часто улыбался, легко и открыто смеялся. А еще то, что у него был здоровый аппетит и он пил черный кофе. И, безусловно, то, что ее безумно, неудержимо влекло к нему.

После ужина Вулф любезно предложил Тэвистокам отвезти их обратно в «Риц». Джордан уселся на заднее сиденье автомобиля, Берил заняла место впереди, справа от Ричарда. Она продолжала искоса посматривать на специалиста по безопасности, пока он ехал по бульвару СенЖермен к Сене. Даже оживленное уличное движение, возмутительно грубое и шумное, казалось, совершенно его не раздражало. Замерев перед светофором, Ричард обернулся и взглянул на Берил – одного мимолетного взгляда, едва различимого в окутавшей салон темноте, было достаточно, чтобы заставить ее сердце перевернуться в груди.

Вулф между тем невозмутимо переключил свое внимание обратно на дорогу.

– Еще так рано, – сказал он. – Вы уверены, что хотите вернуться в отель?

– А какой у нас выбор?

– Поездить по городу. Прогуляться. Куда только не пожелаете. В конце концов, вы в Париже. Так почему бы этим не воспользоваться?

Ричард наклонился, чтобы переключить передачи, и его рука проскользнула мимо колена Берил. Ее тело мгновенно пронзила дрожь – страстное, восхитительное чувство предвкушения.

«Он соблазняет меня, – подумала Берил. – Кружит мне голову всеми этими возможностями. Или это изза вина? В любом случае чем может повредить небольшая прогулка, немного свежего воздуха?»

Она оглянулась через плечо:

– Как ты думаешь, Джорди? Не хочешь немного прогуляться по городу?

Ей ответствовал громкий храп.

Повернувшись, Берил с изумлением увидела, что ее брат растянулся на заднем сиденье. Бессонная ночь и пара бокалов вина за ужином сделали свое дело: Джордан спал как убитый.

– Полагаю, это значит «нет», – со смехом констатировала она.

– А как насчет только тебя и меня?

Это приглашение, прозвучавшее так мягко и нежно, заставило Берил вновь ощутить дрожь, пробежавшую вдоль спины. «В конце концов, – повторила она про себя его аргумент, – ты в Париже…»

– Хорошо, только короткая прогулка, – согласилась она. – Но сначала давай проводим Джордана до кровати.

– Камердинер к вашим услугам, – засмеялся в ответ Ричард. – Итак, первая остановка – «Риц».

Джордан прохрапел всю дорогу до отеля.

* * *

Они прогуливались по саду Тюильри, гравийная дорожка вела через регулярный, строгих форм парк; в свете уличных фонарей статуи прежних времен светились белым, напоминая привидения.

– И снова мы в знакомой обстановке, – сказал Ричард, – прохаживаемся по другому саду. Если бы мы только могли найти лабиринт со славной каменной скамеечкой в центре.

– Зачем? – спросила Берил с улыбкой. – Надеешься повторить сценарий?

– С немного другим окончанием. Знаешь, после того, как ты оставила меня там, внутри лабиринта, мне понадобилось минут пять, чтобы найти выход.

– Я знаю, – рассмеялась она. – Я ждала у двери, считая минуты. Пять минут – неплохой результат на самом деле. Но другие мужчины добивались большего успеха.

– Так вот какие проверки ты устраиваешь мужчинам! Ты словно сыр в этом лабиринте…

– А ты был крысой.

Они снова рассмеялись, и звуки их голосов прорезали ночную тишину.

– Выходит, мой результат оказался… не самым лучшим? – спросил Вулф.

– Нормальным.

Ричард подошел к Берил, его улыбка замерцала в сумерках.

– Больше, чем средненьким?

– Специально для тебя я сделаю скидку. В конце концов, там было темно…

– Да, темно, это стоит принять в расчет.

Ричард придвинулся еще ближе, так близко, что Берил пришлось откинуть голову назад, чтобы взглянуть на него. Так близко, что она почти могла ощущать жар, исходящий от его тела.

– Очень темно, – прошептал он.

– И, возможно, ты был дезориентирован?

– В высшей степени.

– И с моей стороны это была отвратительная, злая шутка, которую я сыграла…

– …И за которую ты должна понести самое суровое наказание.

Ричард потянулся к Берил и сжал ее лицо в ладонях. Берил ощутила вкус его губ, и дрожь удовольствия пронзила ее тело. «Если это – мое наказание, – подумала она, – о, позволь мне снова совершить преступление…» Пальцы Ричарда скользнули в ее волосы, спутывая пряди, а его поцелуй становился все глубже, все настойчивее…

Берил почувствовала, как ноги начали дрожать и предательски слабеть, но ее это не беспокоило – Ричард был здесь, рядом, он не даст ей упасть. Берил услышала его неясный шепот страстного желания и осознала, насколько опасными были эти поцелуи, – Ричард, как и она сама, стремительно несся к самому краю соблазна. Но ее это не волновало – она была готова сорваться в эту манящую бездну…

И тут, совершенно неожиданно, Ричард застыл на месте. Еще секунду назад он целовал Берил, а теперь сильные руки, все еще сжимавшие ее лицо, будто оцепенели. Но Вулф не отстранился. Совсем наоборот: стоило Берил почувствовать, что все его тело напряглось, как он еще крепче сжал дикарку в своих объятиях. Губы Ричарда скользнули к ее уху.

– Давай прогуляемся, – прошептал он. – К площади Согласия.

– Что?

– Просто иди. Не показывай никаких признаков тревоги. Я буду держать тебя за руку.

Внимательно посмотрев на лицо Ричарда, Берил сквозь полумрак заметила в его взгляде чрезвычайную настороженность. Отложив на потом все вопросы, она позволила американцу взять себя за руку. Они повернулись и, стараясь ничем не выдать своего волнения, направились к площади Согласия.

Специалист по безопасности ничего не объяснял, но Берил уже по одному тому, как он сжал ее руку, знала: чтото идет не так, и это уже не игра. Как любая другая парочка возлюбленных, они неспешно побрели через сад, мимо спрятавшихся в тени клумб, мимо выстроившихся в ряд статуй, походивших на призраки. Понемногу Берил начинала улавливать звуки: отдаленный рев уличного движения, шелестевший листвой ветер, их обувь, хрустящая по гравию… И шаги, неотступно следующие за ними.

Берил нервно вцепилась в руку спутника. В ответ он сжал ее ладонь ободряющим жестом, и этого было достаточно, чтобы притупить острое, словно лезвие бритвы, чувство страха. «Я знаю этого человека всего один день, – подумала она, – но уже чувствую, что могу на него рассчитывать».

Ричард ускорил темп – постепенно, так что Берил почти не заметила этого. Шаги все еще слышались гдето позади них. Пара повернула направо и пересекла парк, направившись к улице Риволи. Шум дорожного движения усилился, поглощая звуки шагов их преследователя.

Судя по всему, настал самый опасный момент этой рискованной игры – темнота осталась позади, и у человека, шедшего следом, был последний шанс напасть на них. Яркий свет с улицы звал вперед, суля скорое избавление от преследования. «Мы можем сделать это, если побежим, – пронеслось в голове Берил. – Пронесемся между деревьями – и

окажемся в безопасности, окруженные другими людьми». Она приготовилась к рывку, ожидая только команды Ричарда.

Но ее спутник не совершал никаких внезапных действий. Не был склонен к неожиданностям и их преследователь. Все так же, рука об руку, Берил и Ричард беззаботно прогуливались в обнажающеослепительном сверкании улицы Риволи.

Только когда они присоединились к потоку вечерних пешеходов, пульс Берил стал снова замедляться. Она понимала, что здесь никакой опасности уже нет: разумеется, никто не посмел бы напасть на них на этой оживленной улице.

Взглянув на лицо Ричарда, Берил увидела, что напряженное выражение еще его не покинуло. Они пересекли улицу и прогулочным шагом одолели квартал.

– Остановись на минутку, – вдруг пробормотал Вулф. – Внимательно посмотри на ту витрину.

И пара замерла перед магазином сладостей. Через стекло они смотрели на выставленные напоказ соблазнительные творения кондитерского искусства: сливки с малиной, бархатистые трюфели и рахатлукум, обернутые сетями из сахарных волоконец. Внутри магазина молодая женщина стояла над чаном с растопленным шоколадом, опуская туда свежую клубнику.

– Чего мы ждем? – прошептала Берил.

– Смотрим, что произойдет дальше.

Она послушно смотрела на витрину, замечая отражения людей, проходивших позади них: пары, держащейся за руки, троих студентов с рюкзаками, семьи с четырьмя детьми.

– Давай пойдем дальше, – наконец произнес Вулф.

Они направились западнее улицы Риволи, и темп снова стал спокойным, неторопливым. Берил была поймана врасплох, когда Ричард вдруг потянул ее направо, на соседнюю, пересекающуюся с их улицей дорогу.

– Шевелись же! – рявкнул он.

Внезапно они рванули с места и побежали. Снова резко свернули направо, на улицу МонТабор, и спрятались, пригнувшись под какойто аркой. Там, съежившись в тени дверного проема, Ричард прижал Берил к себе так крепко, что она могла слышать биение его сердца у своей груди и

чувствовать тепло его дыхания, касавшееся ее лба. Потянулись мгновения напряженного ожидания.

Несколько секунд спустя звук бегущих ног пронесся вдоль улицы. Шаги приблизились, замедлились, остановились. А потом все стихло. Слишком напуганная, чтобы следить за происходящим, Берил медленно переместилась в руках Ричарда – совсем чутьчуть, только чтобы краешком глаза заметить тень, скользнувшую мимо их арки. Шаги прозвучали по улице и смолкли.

Ричард рискнул бросить быстрый взгляд на улицу, потом с усилием потянул Берил за руку.

– Все чисто, – прошептал он. – Давай выбираться отсюда.

Они свернули на улицу Кастильон и пустились бежать не останавливаясь, до тех пор, пока снова не оказались в отеле. Только когда они благополучно поднялись в номер Берил и Ричард закрыл дверь на замок, к ней опять вернулся дар речи.

– Что там произошло? – спросила Берил.

Ее спутник лишь покачал головой:

– Я и сам до конца не понял.

– Думаешь, тот человек хотел нас ограбить? – Она подошла к телефону. – Мне стоит позвонить в полицию…

– Ему были нужны явно не наши деньги.

– Что? – Берил повернулась и, нахмурившись, взглянула на Ричарда.

– Посуди сама. Даже на улице Риволи, при всех свидетелях, он не переставал идти за нами. Любой другой вор давно бросил бы эту затею и вернулся в парк. Просто нашел бы другую жертву. Но он этого не сделал. Он попрежнему преследовал нас.

– Я даже не видела его! Откуда ты знаешь, что там вообще ктото был…

– За нами шел мужчина средних лет. Невысокий, коренастый. Неприметное лицо, из таких, которое не запомнилось бы большинству людей.

Берил во все глаза смотрела на него со все нараставшей тревогой.

– Что ты имеешь в виду, Ричард? Ты считаешь, что он шел именно за нами?

– Да.

– Но с какой стати комуто преследовать тебя?

– Я могу задать тебе тот же самый вопрос.

– Я не представляю интереса для кого бы то ни было.

– Подумай об этом. Вспомни о том, зачем вы с братом приехали в Париж.

– Это дело касается только нашей семьи.

– Очевидно, нет. С тех пор как вы здесь, странные мужчины ходят за вами по всему городу.

– Как я могу быть уверена, что тот человек следил не за тобой? В конце концов, ты работаешь на ЦРУ!

– Поправочка: я работаю сам на себя.

– О, вот только не надо забивать мне голову этим вздором! Я практически выросла в МИ6! Я за милю могу учуять запах таких, как ты!

– И в самом деле можешь? – Его бровь удивленно выгнулась. – И этот аромат тебя не отпугивает?

– Возможно, должен отпугивать.

Теперь Ричард прохаживался по комнате, передвигаясь словно встревоженный зверь, закрывая окна, опуская шторы.

– Раз уж мне, как оказалось, не удалось обмануть твой весьма проницательный нос, остается признаться. Диапазон моей работы немного шире, чем я говорил.

– Ах, как я удивлена!

– Но я все еще убежден в том, что этот человек следил именно за тобой.

– Зачем комуто следить за мной?

– Потому что вы с братом копаетесь на минном поле. Ты не понимаешь, Берил! Гибель ваших родителей – дело сложное, запутанное, это не какойто там очередной скандал с сексуальным оттенком.

– Погодика минутку. – Берил подошла к Ричарду и пристально, твердо взглянула ему в глаза. – Что ты знаешь об этом?

– Я знал, что вы приехали в Париж.

– Кто тебе сказал?

– Клод Домье. Он позвонил мне в Лондон. Сказал, что Хью сильно обеспокоен. Что ктото должен присмотреть за тобой и Джорданом.

– Выходит, ты наша нянька?

Он рассмеялся:

– Если можно так выразиться.

– А что еще ты знаешь о моих матери и отце?

Ричард замолчал на мгновение, и по этой паузе Берил догадалась: он обдумывает ответ, осторожно взвешивая последствия своих слов. Ничего не оставалось, как приготовиться к очередной порции лжи. Но американец удивил ее, неожиданно сказав правду.

– Я знал твоих родителей, обоих, – признал он. – Я был здесь, в Париже, когда произошло это несчастье.

Его откровение потрясло Берил. Она ни на мгновение не сомневалась, что это была правда, – ну зачем ему выдумывать подобную историю?

– Это было мое самое первое назначение, – объяснил Ричард. – Мне казалось, что это невероятная удача – сразу попасть в Париж. Большинство новичков отправляют в кишащие паразитами и опасными вирусами джунгли гдето у черта на куличках. А мне выпала удача отправиться в Париж. Именно там я и познакомился с Мэдлин и Бернардом. Вулф устало опустился на стул.

– Это поразительно, – пробормотал он, изучая лицо Берил, – как ты похожа на нее. Те же зеленые глаза, те же темные волосы… Обычно она убирала их назад, делала чтото вроде мягкого пучка. Но пряди вечно выбивались, свободно падая на шею…

Ричард с нежностью улыбнулся своим воспоминаниям.

– Бернард с ума по ней сходил! Собственно, как любой мужчина, имевший счастье встретить ее.

– И ты тоже?

– В ту пору мне исполнилось всего двадцать два. Мэдлин была самой очаровательной женщиной из всех, которых я когдалибо встречал. – Он выразительно посмотрел на Берил и тихо добавил: – Правда, тогда я еще не знал ее дочь.

Их взгляды встретились, и Берил почувствовала, что связана с Ричардом шелковистыми нитями сладострастного желания, которые неумолимо влекут ее к нему. К мужчине, от поцелуев которого кружилась голова, чьи прикосновения могли растопить даже камень. К мужчине, который с самого начала не был с ней до конца честен.

«Я так устала от тайн, меня так измучили эти дразнящие попытки отделить истину от полуистины! – с горечью подумала она. – И я никогда не узнаю, что это на самом деле за человек…»

Повинуясь внезапному порыву, Берил направилась к двери.

– Если мы не можем быть честными друг с другом, – резко бросила она, – нет никакого смысла в том, чтобы вообще проводить время вместе. Итак, почему бы нам не пожелать друг другу спокойной ночи и не попрощаться?

– Не думаю, что это хорошая идея.

Берил обернулась и, насупившись, взглянула на него:

– Извини?

– Я не готов прощаться. По крайней мере, не сейчас, когда я знаю, что ктото следит за тобой.

– Ты беспокоишься о моем благополучии, не так ли?

– А разве я не должен беспокоиться?

Она одарила его беззаботной улыбкой:

– Я умею отлично заботиться о себе сама.

– Ты находишься в чужом городе. Может произойти все что угодно…

– Но я здесь не одна. – Берил прошла через весь номер к межкомнатной двери, ведущей в сьют Джордана. Дернув за ручку, она вошла в комнату и позвала: – Проснись, Джорди! Нужно, чтобы ты мне помог, побратски!

Но никакого ответа со стороны кровати не последовало.

– Джорди? – еще раз позвала она.

– Что и требовалось доказать, твой телохранитель держит ухо востро, не так ли? – усмехнулся Ричард.

Раздраженная, Берил щелкнула выключателем на стене. Номер неожиданно ярко осветился, и она зажмурилась в изумлении.

Кровать Джордана была пуста.

Глава 4

«Эта женщина снова уставилась на меня…» Джордан размешал чайную ложку сахара в своем капучино и как бы ненароком взглянул в сторону блондинки, сидящей за три столика от него. Она тут же отвела глаза.

От внимания Джордана не укрылось, что это была довольно привлекательная женщина – лет двадцать пять, худощавая спортивная фигура без малейшего намека на зрелые формы… У блондинки была короткая мальчишеская стрижка, пряди волос спадали на лоб. На ней были надеты черный свитер, черная юбка, черные чулки – дань моде или маскировка?

Джордан бросил взгляд на улицу, на вечернее дефиле пешеходов. Краешком глаза он заметил, что женщина снова смотрит на него. При обычных обстоятельствах Джордану польстило бы осознание того, что он стал объектом столь пристального внимания представительницы слабого пола. Но чтото в этой одинокой блондинке его тревожило. Неужели парню нельзя побродить по парижским улочкам спокойно, не будучи преследуемым плотоядными женщинами?

Подумать только, а ведь до сего момента экскурсия складывалась так приятно… Спустя несколько минут после того, как Берил и Ричард отправились немного прогуляться, Джордан выскользнул из своего гостиничного номера и пустился на поиски приличного бара. Прошелся по Вандомской площади, заглянул в концертный зал «Олимпия», потом закатил легкий полуночный пир в «Кафе де ла Пэ» – лучшего способа провести свой первый вечер в Париже и не придумаешь!

Но между тем вечер постепенно превратился в ночь.

Джордан допил свой капучино, оплатил счет и пешком направился к улице де ла Пэ. Ему потребовалось пройти всего полквартала, чтобы понять: женщина в черном следит за ним. Остановившись у витрины, Джордан сделал вид, что рассматривает мужские костюмы, и заметил, как в стекле отразилась промелькнувшая сзади светлая голова.

Обернувшись, он увидел, что женщина стоит по другую сторону улицы, тоже сосредоточенно разглядывая витрину. Как заметил Джордан, это был магазин дамского белья. Учитывая остальные детали одеяния блондинки, можно было не сомневаться: она обязательно выбрала бы трусики черного цвета.

Джордан продолжил прогулку в направлении Вандомской площади. Женщина двигалась по противоположной стороне улицы тем же маршрутом, параллельно объекту наблюдения.

«Это уже начинает надоедать, – подумал Тэвисток. – Если ей вздумалось пофлиртовать, почему бы просто не подойти и не похлопать призывно ресницами?» По крайней мере, это было бы уже откровенное заигрывание. Недвусмысленное и честное, а он любил прямых женщин. Но это хождение за ним по пятам так нервировало!

Джордан прошел еще половину квартала. И она тоже. Остановившись, он притворился, будто изучает еще одну магазинную витрину. Блондинка сделала то же самое. «Это просто смешно! – с досадой решил он. – Я больше не собираюсь выносить эту глупую игру!»

Тэвисток пересек улицу и направился прямо к следовавшей за ним женщине.

– Мадемуазель? – обратился он к ней.

Блондинка обернулась и изумленно уставилась на него. Она явно не ожидала, что встретится с объектом наблюдения лицом к лицу.

– Мадемуазель, – повторил Джордан, – могу я осведомиться, почему вы идете за мной?

Таинственная незнакомка открыла рот и снова его закрыла, не переставая смотреть на Тэвистока большими серыми глазами. Он обратил внимание на то, что это были весьма красивые глаза.

– Может быть, вы не понимаете меня? Вы говорите поанглийски?

– Да, – пробормотала она, – я говорю поанглийски.

– Тогда, возможно, вы сможете объяснить, почему следите за мной?

– Но я за вами не слежу.

– Конечно следите.

– Нет, ни в коем случае! – Блондинка окинула взглядом улицу. – Я просто прогуливаюсь. Так же, как и вы.

– Вы идете за мной след в след. Останавливаетесь там же, где и я. Внимательно наблюдаете за каждым моим движением.

– Это просто нелепо! – выпалила незнакомка, и искорка гнева осветила ее глаза.

Интересно, она возмущается понастоящему или искусно прикидывается? Джордан не был до конца уверен…

– Я не проявляю к вам никакого интереса, месье! Должно быть, вы чтото себе нафантазировали.

– Я?

Вместо ответа, она повернулась к Джордану спиной и зашагала прочь по улице де ла Пэ.

– Не думаю, что я фантазирую! – крикнул он вслед загадочной незнакомке.

– Все вы, англичане, одинаковы! – бросила она через плечо.

Джордан посмотрел вслед возмущенной блондинке и принялся гадать, не поспешил ли он с выводами. Если это действительно так, каким же дураком он предстал! Женщина свернула за угол и исчезла, а Джордан ощутил нечто вроде сожаления. В конце концов, она была довольно привлекательна: восхитительные серые глаза, стройные, идеальной формы ноги. Ах, он упустил такую красотку!

Повернувшись, Тэвисток продолжил путь по Вандомской площади к отелю. Лишь когда он потянулся к двери фойе, шестое чувство снова кольнуло его душу. Джордан замер на месте и оглянулся. В отдаленной арке, как он едва успел заметить, мелькнула белокурая женская головка, которая тут же стремительно нырнула в темноту.

Она все еще следила за ним.

* * *

Домье подошел к телефону после пятого гудка.

– Алло?

– Клод, это я, – отозвался Ричард. – Ты приставил к нам «хвост»?

На том конце провода ненадолго затихли, потом Домье сказал:

– Мера предосторожности, мой друг. Ничего больше.

– Охрана? Или наблюдение?

– Охрана, естественно! Одолжение Хью…

– Понятно, но это чрезвычайно нас встревожило. По крайней мере, тебе следовало предупредить меня.

Ричард взглянул на Берил, которая в волнении мерила шагами гостиничный номер. Упрямица никогда не признала бы этого, но Вулф прекрасно понимал: Берил напугана, и при всей ее браваде, при всех попытках выпроводить его из номера ей было бы спокойнее, если бы он остался.

– И еще одно, – сказал Ричард Клоду. – Мы, похоже, потеряли Джордана.

– Как это – потеряли?

– В его сьюте никого нет. Мы оставили его здесь несколько часов назад. А теперь выяснили, что он исчез.

На другом конце провода снова повисла тишина.

– Это меня беспокоит, – наконец изрек Домье.

– У твоих людей есть хоть какоето представление о том, где он может находиться?

– Мой агент еще не докладывал об этом. Я ожидаю ее сообщения в ближайшее…

– Ее? – удивленно перебил Ричард.

– Это не самый опытный наш детектив, признаю. Но она очень способная.

– А за нами сегодня вечером следил мужчина.

Домье рассмеялся:

– Ричард, я разочарован! Мне казалось, уж кто, кто, а тыто способен различить пол человека!

– Черт побери, я и могу различить!

– В отношении Колетт никаких сомнений быть не может. Ей двадцать шесть, довольно привлекательная. Светлые волосы.

– Это был мужчина, Клод.

– Ты видел его лицо?

– Не четко. Успел разглядеть, что он был низким, коренастым…

– Колетт пяти футов ростом, стройная, даже худая.

– Это явно была не она.

Домье снова помолчал несколько секунд.

– Эта ситуация меня беспокоит, – признался он. – Если это не был ктото из наших людей…

Ричард внезапно повернулся к двери. Ктото постучал. Берил застыла на месте, в ужасе уставившись на Вулфа.

– Я перезвоню, Клод, – прошептал Ричард в телефон и тихо повесил трубку.

Раздался еще один стук, на этот раз более громкий.

– Не бойся, – пробормотал он. – Спроси, кто там.

Дрожащим голосом Берил произнесла:

– Кто это?

– Вы в приличном виде, к вам можно? – последовал ответ. – Или мне заглянуть утром?

– Джордан! – с облегчением вскрикнула Берил и побежала открывать дверь. – Где ты пропадал?

Брат неторопливо вошел в номер, его светлые волосы были взъерошены ночным ветром. Завидев Ричарда, он в нерешительности остановился:

– Мне очень жаль. Если я вам помешал…

– Ничего ты не помешал, – резко бросила Берил. Заперев дверь на замок, она обернулась к брату: – Мы так за тебя волновались!

– Я просто вышел прогуляться.

– Ты мог хотя бы оставить мне записку!

– Зачем? Я же был поблизости. – Джордан устало опустился в кресло. – Вечер проходил весьма недурно – ровно до того момента, как за мной не стала повсюду ходить какаято женщина.

Ричард удивленно вскинул подбородок:

– Женщина?

– Красивая. Но, к сожалению, не мой типаж. На мой вкус, немного вампирского вида.

– Это была блондинка? – спросил Ричард. – Ростом примерно пять футов? Лет двадцати шести?

Джордан в изумлении тряхнул головой:

– Ну а теперь ты должен сказать ее имя!

– Колетт.

– Это что, новый светский талант, Ричард? – усмехнулся Джордан. – Проявление экстрасенсорных способностей?

– Эта женщина – агент, работающий на французскую разведку, – объяснил Ричард. – Она наблюдает за тобой в целях охраны, только и всего.

С уст Берил сорвался вздох облегчения:

– Так вот почему за нами следили! А ты напугал меня до смерти.

– Тебе есть чего бояться, – веско произнес Ричард. – Мужчина, который ходил за нами, не работает на Домье.

– Но ты только что сказал…

– Сегодня вечером Домье поручил наблюдение только одному агенту. Той женщине, Колетт. Очевидно, она приглядывала за Джорданом.

– Тогда кто же следил за нами? – спросила Берил.

– Не знаю.

В номере надолго повисло молчание. Наконец Джордан с раздражением осведомился:

– Я чтото пропустил? С какой стати за нами начали следить? И когда Ричард успел присоединиться к нашему общему веселью?

– Ричард, – с нажимом произнесла Берил, – не был абсолютно честен с нами.

– По поводу чего?

– Он не потрудился упомянуть о том, что находился здесь, в Париже, в 1973 году. Он знал маму и папу.

Цепкий взгляд брата метнулся в сторону Ричарда.

– Именно поэтому ты и приехал сюда? – тихо спросил Джордан. – Чтобы помешать нам узнать правду?

– Нет, – отозвался Ричард. – Я здесь, чтобы убедиться: эта правда не приведет вас обоих к гибели.

– Неужели правда действительно может быть такой опасной?

– Ваши намерения уже взволновали когото достаточно сильно – настолько, что к вам даже приставили слежку.

– Значит, и ты не склонен верить в то, что это были обычное убийство и сведение счетов с жизнью, – заключил Джордан.

– Если бы все на самом деле было так просто – Бернард застрелил Мэдлин, а потом убил себя, – никого бы это не беспокоило сейчас, спустя столько лет. Но, судя по всему, эта история комуто до сих пор не дает покоя. И этот ктото – он или она – внимательно следит за вашими передвижениями.

Берил, непривычно притихшая, села на кровать. Темные волосы, которые она заколола назад шпильками, начали выбиваться из пучка, и теперь шелковистые завитки сбегали по шее. Внезапно Ричард застыл, пораженный ее сверхъестественным сходством с Мэдлин – та же прическа, то же муаровое платье… Теперь он узнал наряд Берил – когдато это платье носила ее мать. Вулф легонько тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, – казалось, будто он смотрит на призрак Мэдлин.

В этот момент Ричард решился: пришло время сказать правду, и ничего, кроме правды.

– Я никогда в это не верил, – сказал он. – Ни на секунду не мог представить, что это именно Бернард спустил курок.

Берил медленно подняла глаза на Ричарда. То, что он ясно прочел в этом пристальном взгляде – осторожность, сомнение, – вызвало в нем страстное желание убедить ее в своей откровенности, заслужить ее доверие... Но Берил явно не была готова верить ему – по крайней мере, не сейчас. А возможно, и вообще никогда.

– Если не папа спустил курок, – спросила она, – тогда кто же это сделал?

Ричард подошел к кровати и нежно коснулся ее лица.

– Я не знаю, – признался он. – Но я собираюсь помочь вам это выяснить.

* * *

После того как Ричард ушел, Берил обернулась к брату.

– Я ему не доверяю, – сказала она. – Этот американец слишком много лгал нам.

– Если быть точным, он нам не лгал, – заметил Джордан. – Он лишь опустил несколько фактов.

– О, в самом деле! Он с легкостью «забыл» упомянуть о том, что был знаком с мамой и папой. О том, что находился в Париже в момент их гибели. Джорди, учитывая все, что мы знаем, можно предположить: вероятно, он и был тем, кто спустил тогда курок!

– Но он, кажется, давний друг Домье.

– И что из этого?

– Дядя Хью доверяет Домье.

– И из этого следует, что мы должны доверять Ричарду Вулфу? – Берил упрямо тряхнула головой и рассмеялась. – О, Джорди, похоже, ты порядком утомился, гораздо больше, чем думаешь!

– А ты увлечена этим Ричардом гораздо больше, чем думаешь, – просто без ума от него! – парировал Джордан. Зевая, он поднялся со стула и побрел к двери своего номера.

– Что ты имеешь в виду? – требовательным тоном остановила Берил брата.

– Только то, что ты, очевидно, питаешь к этому мужчине слишком сильные и пылкие чувства. Вы с ним вступаете в перепалку по каждому удобному случаю!

Берил настигла брата у межкомнатной двери.

– Сильные? – скептически переспросила она. – Пылкие?

– Неужели ты сама не понимаешь? – Джордан несколько раз глубоко, с притворной страстью вздохнул и усмехнулся. – Сладких снов, сестренка! Рад, что ты вновь готова к романтическим отношениям.

И он захлопнул дверь перед удивленным лицом Берил.

* * *

Когда Ричард добрался до квартиры Домье, француз уже проснулся, но все еще был одет в купальный халат и тапочки. Последние донесения по поводу взрыва в квартире СенПьера были разложены на кухонном столе, рядом с тарелкой нарезанной колбасы и стаканом молока. Сорок лет во французской разведке не изменили его привычки работать в непосредственной близости к холодильнику.

Махнув в сторону донесений, Домье признался:

– Это все для меня – большая загадка. Взрывчатка «семтекс» была заложена под кроватью. Часовой механизм был установлен на двадцать один десять – именно в это время СенПьеры наверняка смотрели бы любимый телесериал Мари. Это происшествие по всем признакам напоминало бы покушение на чиновника, если бы не одна явная ошибка – Филипп находился в Англии.

Домье взглянул на Ричарда:

– Тебя не поражает столь грубый, просто невообразимый просчет?

– Обычно террористы действуют более четко, – согласился Вулф. – Возможно, с их стороны это было лишь предупреждением. Чтото вроде декларации о намерениях. Мол, «если захотим, мы до тебя доберемся!», чтото в этом роде...

– У меня все еще нет никакой информации по поводу этой «Мировой солидарности». – Домье устало провел рукой по волосам. – Расследование зашло в тупик.

– Тогда, возможно, ты сможешь ненадолго переключить внимание на мою маленькую проблему.

– Проблему? Ах да, Тэвистоки! – Домье откинулся на стуле и улыбнулся приятелю. – Племянница Хью оказалась тебе явно не по зубам, Ричард?

– Ктото еще определенно приставил к нам «хвост» сегодня вечером, – не поддержал шутливого тона Вулф. – За нами следила вовсе не твоя сотрудница Колетт. Ты можешь выяснить, кто это был?

– Дай мне еще какиенибудь сведения для работы, – попросил Домье. – Мужчина средних лет, невысокий и коренастый – это мне ни о чем не говорит. Его мог нанять кто угодно.

– Это был тот, кто знал о приезде Тэвистоков в Париж.

– Знаю, что Хью говорил об этом Вэйнам. А они, в свою очередь, могли разболтать остальным. Кто еще был в Четвинде?

Ричард мысленно перенесся в тот вечер, ознаменованный пышным приемом и неосмотрительной выходкой Реджи. Черт побери этого Реджи Вэйна и его пристрастие к выпивке! Именно с подачи Вэйна и началась вся эта история: слишком много бокалов шампанского развязали ему язык. И все же Ричард не мог вызвать в себе неприязнь к этому любителю спиртного: бедняга Реджи был безобидным малым, он, разумеется, не хотел причинить Берил боль. Напротив, было совершенно очевидно, что Реджи обожал ее, как дочь.

– На приеме было множество людей, которым Вэйны могли проболтаться, – сказал Ричард. – Тому же Филиппу СенПьеру. Нине и Энтони. Возможно, комуто еще.

– Значит, речь идет о большом количестве людей, – со вздохом констатировал Домье.

– Да, не самый короткий список, – согласился Вулф.

– Возможно, снова копаться в этом – не самая лучшая идея, Ричард? – тихо произнес Клод. – Однажды, если ты помнишь, нам уже помешали узнать правду.

Как Вулф мог этого не помнить? Он был потрясен, прочитав ту директиву из Вашингтона: «Прекратить расследование». Клод получил те же самые указания от своего шефа во французской разведке. Таким образом, все поиски Делфи и бреши в системе безопасности НАТО были внезапно остановлены. Никаких объяснений не последовало, никаких причин этого решения не было названо, но у Ричарда возникли свои собственные подозрения. Совершенно ясно, что в Вашингтоне были

прекрасно осведомлены об этой ситуации, там знали правду и боялись последствий ее обнародования.

Месяц спустя, когда американский посол Стивен Сазерленд спрыгнул с парижского моста, Ричард подумал о том, что его подозрения подтвердились. Сазерленд был представителем государства – его разоблачение в качестве вражеского шпиона могло бы поставить в неудобное положение лично президента.

Вопрос по поводу того, кто же оказался «кротом», так и не был решен на официальном уровне. Вместо того чтобы продолжить расследование, Бернарда Тэвистока после смерти негласно объявили тем самым Делфи. Ричарду подумалось, что это был самый удобный и простой способ найти виновного. В самом деле, почему бы не перевести стрелки на Тэвистока? Мертвый не будет отвергать обвинения.

«И теперь, двадцать лет спустя, призрак Делфи вернулся, чтобы неотступно преследовать меня», – мелькнуло в голове Ричарда.

Полный решимости, Вулф поднялся со стула.

– На этот раз, Клод, – обратился он к другу, – я выслежу и поймаю его. И никакой приказ из Вашингтона не сможет меня остановить.

– Прошло слишком много времени – двадцать лет. Доказательства исчезли. Политика изменилась.

– Не изменилось лишь одно – виновный в этой трагедии. А что, если мы ошибались? Что, если «кротом» был не Сазерленд? Тогда Делфи, возможно, все еще жив. И попрежнему занимается своим делом.

– А еще он очень, очень встревожен, – добавил Домье.

* * *

На следующее утро Берил разбудил Ричард, постучавший в дверь номера. Она удивленно сощурилась, когда американец протянул ей бумажный пакет, благоухающий свежеиспеченными круассанами.

– Завтрак, – объявил он. – Можешь съесть его в машине. Джордан уже ждет нас внизу.

– Ждет? Зачем?

– Он ждет, пока ты оденешься. Тебе стоит поторопиться. На восемь часов у нас назначена встреча.

Приведенная в замешательство, Берил отбросила назад несколько прядей спутанных волос.

– Чтото не припомню, чтобы мы назначали какието встречи на это утро.

– Я сделал это за всех нас. Есть шанс встретиться с одним человеком – это несказанная удача, учитывая то, что сейчас он избегает людей. Его жена не позволяет с ним общаться.

– Чья жена? – с раздражением бросила Берил.

– Главного инспектора Бруссара. Сотрудника полиции, отвечавшего за расследование убийства твоих родителей. – Ричард немного помедлил. – Ты ведь на самом деле хочешь с ним поговорить, не так ли?

«Он знает, что хочу, – подумала Берил, придерживая края своего распахивающегося шелкового халата. – Но зачемто поставил меня в неловкое положение. Я еще проснуться толком не успела, а он уже стоит передо мной, как ясно солнышко!» Да, и с каких это пор Джордан превратился в жаворонка? Ее брат почти никогда не вставал с кровати раньше восьми.

– Ладно, тебе не обязательно ехать. – Ричард прервал размышления Берил и повернулся к двери, собираясь уходить. – Мы с Джорданом можем...

– Дай мне десять минут! – мгновенно отреагировала она и захлопнула за ним дверь.

Берил спустилась вниз через девять минут. Ричард вел машину с самоуверенностью человека, знающего парижские улицы как свои пять пальцев. Они пересекли Сену и направились на юг по переполненным проспектам. Глядя на скопление автобусов и такси, Берил подумала, что уличное движение здесь такое же безумное, как в Лондоне. «Слава богу, что за рулем сидит Ричард!» – пронеслось в ее голове.

Покончив с круассаном, Берил стряхнула крошки с тонкой папки, лежавшей на коленях. Это был полицейский отчет двадцатилетней давности, подписанный инспектором Бруссаром. Оставалось только гадать, помнит ли этот человек хоть чтонибудь о столь давнем деле. Лет прошло немало, и детали происшествия наверняка смешались с воспоминаниями о расследованиях других убийств, выпавших на время службы инспектора. И всетаки существовал шанс на то, что в его памяти задержались какиенибудь маленькие подробности дела, не попавшие в полицейский рапорт.

– Ты когданибудь встречал этого Бруссара? – спросила Берил у Ричарда.

– Мы общались во время расследования. Когда меня допрашивала полиция.

– Они допрашивали тебя? Почему?

– Инспектор разговаривал со всеми знакомыми ваших родителей.

– Я ни разу не встречала твое имя в полицейском досье.

– Многие имена не попали в ту папку.

– Какие, например?

– Филиппа СенПьера. Посла Сазерленда.

– Мужа Нины?

Ричард кивнул:

– Там были имена, связанные с государственной властью. СенПьер работал в министерстве финансов, слыл близким другом премьерминистра. Сазерленд служил американским послом. Ни тот ни другой не проходили по делу в качестве подозреваемых, поэтому их имена были изъяты из полицейского протокола.

– Значит, этот «хороший инспектор» защищал высокопоставленных и могущественных?

– Это лишь значит, что он был осмотрительным.

– Почему в дело не попало твое имя?

– В этом расследовании я был лишь статистом, меня всегонавсего попросили прокомментировать отношения ваших родителей. Ссорились ли они когдалибо, выглядели ли когданибудь несчастными – только и всего. Я не был одним из главных действующих лиц расследования.

Берил задумчиво коснулась папки, лежавшей на ее коленях.

– Так скажи мне, – произнесла она, – почему ты впутался в это дело сейчас?

– Изза тебя и Джордана. А еще потому, что Клод Домье просил меня позаботиться о вас. – Он посмотрел на Берил и тихо добавил: – И потому,

что я должен сделать это в память о вашем отце. Он был… хорошим человеком.

Берил думала, что Ричард скажет чтото еще, но он лишь отвернулся и стал внимательно смотреть вперед, на дорогу.

– Вулф, – вдруг произнес Джордан, сидевший на заднем сиденье, – ты в курсе, что за нами ктото едет?

– Что? – Берил обернулась и стала внимательно изучать автомобильный поток. – Какая машина?

– Синий «пежо». Через два автомобиля от нас.

– Я его вижу, – отозвался Ричард. – Он ведет нас всю дорогу, от самого отеля.

– Ты все это время знал, что за нами едет машина? – удивилась Берил. – И не подумал о том, чтобы сказать об этом?

– Я ожидал чегото подобного. Посмотрика на шофера хорошенько, Джордан. Светлые волосы, темные очки. Определенно это женщина.

Джордан засмеялся:

– Да ведь это моя маленькая вампирша в черном! Колетт!

Ричард кивнул:

– Одна из тех, кто настроен по отношению к нам дружелюбно.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – спросила Берил.

– Я знаю, что она агент Домье. Клод отправил ее защищать, а не угрожать.

Ричард свернул на бульвар Распай. Спустя мгновение он уже нашел место для парковки и остановился у обочины.

– Очень кстати: Колетт сможет приглядеть за машиной, пока мы будем внутри.

Берил взглянула на большое кирпичное здание по другую сторону улицы. Над арочным входом висела вывеска: «Центр реабилитации».

– Что это за место?

– Частный санаторий.

– Здесь живет инспектор Бруссар?

– Он находится здесь уже многомного лет, – объяснил Ричард, и в его взгляде, направленном в сторону здания, мелькнуло сочувствие. – С тех пор, как перенес инсульт.

* * *

Судя по фотографии, прикрепленной кнопкой к стене комнаты, бывший главный инспектор Бруссар был когдато мужчиной впечатляющей внешности. На снимке был изображен здоровенный француз с лихо закрученными усами и львиной гривой волос, который царственно позировал на ступеньках парижского полицейского участка. Этот бравый инспектор имел лишь отдаленное сходство со сморщенным человечком, чье наполовину парализованное тело теперь с трудом опиралось о кровать.

Мадам Бруссар суетливо металась по комнате, разговаривая с визитерами с отточенной грамматикой бывшей учительницы английского языка. Она взбивала подушку мужа, расчесывала его волосы, вытирала слюни с его подбородка.

– Он помнит все, – настаивала преданная супруга. – Каждое дело, каждое имя. Но он не может говорить, не может держать ручку. И именно это просто убивает его! Поэтомуто я и не разрешаю ему принимать посетителей. Он так много хочет сказать, но не может складывать слоги в слова. Издает лишь немного звуков, довольно смазанно. И это так его огорчает! Разреши ему принимать друзей, и он потом будет стонать днями напролет.

Мадам Бруссар подошла к изголовью кровати и встала там словно ангелхранитель.

– Вы сможете задать ему всего несколько вопросов, понимаете? И если он расстроится, вам придется тут же уйти.

– Мы понимаем, – сказал Ричард. Он подвинул стул ближе к кровати.

Берил и Джордан внимательно следили за тем, как американец открыл папку с полицейским досье и медленно положил фотографии с места преступления на кровать, чтобы Бруссар мог получше их разглядеть.

– Я знаю, что вы не можете говорить, – обратился к нему Ричард, – но я хочу, чтобы вы посмотрели на эти снимки. Кивните, если помните этот случай.

Мадам Бруссар перевела слова Вулфа мужу. Тот бросил взгляд на первое фото – ужасные изображения смертельных поз, в которых застыли Мэдлин и Бернард. Они лежали рядом, словно любовники, их переплетенные тела покоились в луже крови. Бруссар неловко коснулся фотографии, его пальцы задержались на лице Мэдлин. С губ еле слышным шепотом сорвалось неразличимое слово.

– Что он сказал? – спросил Ричард.

– La belle – «красавица», – пояснила мадам Бруссар. – Вы видите? Он действительно помнит!

Когда старик посмотрел на другие фотографии, его левая рука начала в волнении дрожать. Губы бывшего инспектора беспомощно задвигались, но его усилия были тщетными: вместо слов вырывалось лишь невнятное бормотание. Мадам Бруссар наклонилась вперед, силясь разобрать, что сказал муж. Потом в замешательстве покачала головой.

– Мы ознакомились с его отчетом, – сказала Берил. – С тем самым, который он представил двадцать лет назад. Тогда он пришел к выводу, что произошло убийство, за которым последовало самоубийство. Он на самом деле верил, что так и было?

Мадам Бруссар перевела вопрос мужу.

Бывший инспектор взглянул на Берил, его взгляд впервые с момента визита сосредоточился на ее темных волосах. На лице Бруссара появилось удивленное выражение, будто он когото узнал…

Жена повторила ему вопрос: как он считает, это было убийство и самоубийство? Бруссар медленно покачал головой.

– Он понимает вопрос? – спросил Джордан.

– Конечно понимает! – резко отозвалась мадам Бруссар. – Я ведь сказала вам, что он понимает все!

Между тем немощный старик постукивал по одному из снимков, словно пытаясь обратить на чтото внимание присутствующих. Его жена задала вопрос пофранцузски. Но бывший инспектор лишь сильнее хлопнул по фотографии.

– Он пытается нам чтото показать? – догадалась Берил.

– Это всего лишь угол фотографии, – заметил Ричард. – Там изображен только кусок пустого пола.

Все тело Бруссара, казалось, уже сотрясалось от дрожи в попытке чтото сказать. Жена снова наклонилась вперед, вся превратившись в слух и пытаясь разобрать смазанные слова. Потом снова покачала головой:

– В этом нет ни малейшего смысла.

– Что он сказал? – спросила Берил.

– Он только и твердит serviette, то есть «салфетка». То ли салфетка, то ли полотенце – не могу разобрать. – Мадам Бруссар схватила висевшее у раковины полотенце для рук и показала его мужу: – Ручное полотенце?

Но старик лишь тряхнул головой и сердито оттолкнул полотенце.

– Я не знаю, что он имеет в виду, – со вздохом признала мадам Бруссар.

– Возможно, я знаю, – отозвался Ричард, ближе пододвинулся к бывшему инспектору и спросил пофранцузски: – Porte documents – «то, в чем носят документы»?

Бруссар издал вздох облегчения и рухнул обратно на подушки. Немного придя в себя, он устало кивнул.

– Так вот что он пытался сказать! – заключил Ричард. – Serviette porte documents, то есть «портфель».

– Портфель? – эхом отозвалась Берил. – Так ты думаешь, что он имеет в виду тот самый портфель с секретными документами?

Ричард, нахмурившись, посмотрел на Бруссара. Старик вконец обессилел, его доселе болезненносерое лицо стало белым, как простыня. Бросив взгляд на мужа, мадам Бруссар подскочила к нему, чтобы оградить от Ричарда.

– Больше никаких вопросов, мистер Вулф! Вы только посмотрите на него! Он измучен, он больше не в состоянии общаться с вами. Пожалуйста, вы должны уйти!

Она торопливо выпроводила визитеров из комнаты в коридор. Мимо проскользнула монахиня с подносом, заставленным лекарствами. В конце коридора женщина в инвалидном кресле пела самой себе колыбельные на французском.

– Мадам Бруссар, – обратилась к супруге бывшего инспектора Берил, – у нас возникло еще больше вопросов, но ваш муж не может на них ответить. В том самом отчете значилось имя еще одного сотрудника

полиции – Этьена Жигера. Вы не подскажете, как с ним можно связаться?

– Этьен? – Мадам Бруссар в удивлении воззрилась на нее. – Вы хотите сказать, что ничего не знаете?

– Не знаем? О чем?

– Он погиб девятнадцать лет назад. Этьена сбила машина, когда он переходил улицу. – Она печально покачала головой. – Водителя, по вине которого это произошло, так и не нашли.

Берил поймала испуганный взгляд Джордана, в глазах брата мелькнула тревога, которую чувствовала и она сама.

– И самый последний вопрос, – взмолился Джордан. – Когда вашего мужа сразил удар?

– В 1974 году.

– Тоже девятнадцать лет назад?

Мадам Бруссар кивнула:

– Такая трагедия для их полицейского отдела! Сначала мужа разбил инсульт. Потом, всего три месяца спустя, они потеряли Этьена.

Вздохнув, она повернулась в сторону комнаты мужа:

– Но, думаю, такова жизнь. И мы не в силах сделать хоть чтонибудь, чтобы ее изменить…

Выйдя на улицу, трое посетителей немного постояли под солнечными лучами, пытаясь стряхнуть с себя гнетущее впечатление от этого унылого здания.

– Сыщика сбили и уехали, – сказал погруженный в свои мысли Джордан. – И водителя так и не нашли. У меня плохое предчувствие насчет всей той истории.

Берил взглянула на вывеску при входе в здание.

– «Центр реабилитации», – саркастически пробормотала она. – Едва ли это похоже на место, где можно выздороветь. Скорее на место, где предстоит умереть.

Вздрогнув, Берил повернулась к машине:

– Пожалуйста, давайте как можно быстрее уедем отсюда.

Они направились на север, к Сене. И снова синий «пежо» следовал за машиной Ричарда, но никто больше не обращал на это внимания: присутствие француженкиагента стало уже чемто привычным, даже успокаивающим.

Неожиданно Джордан взмолился:

– Притормози, Вулф! Высади меня на бульваре СенЖермен. Вот тут, прямо здесь, будет просто прекрасно.

Ричард остановился у обочины:

– Почему именно здесь?

– Мы только что проехали мимо кафе…

– О, Джордан, – простонала Берил, – ты ведь еще не проголодался, не так ли?

– Я встречусь с вами в отеле, – ответил Джордан, вылезая из машины. – Если, конечно, вы, двое, не хотите ко мне присоединиться.

– Мы что, еще и наблюдать должны, как ты поглощаешь еду? Нет уж, покорно благодарю, обойдусь и без этого зрелища!

Джордан ободряюще сжал сестру за плечо и захлопнул дверцу автомобиля.

– Обратно доберусь на такси. Увидимся позже. – Махнув рукой, он повернулся и побрел по бульвару, его светлые волосы ярко блестели в лучах солнца.

– Вернемся в отель? – тихо спросил Ричард.

Берил взглянула на него и задумалась: «Между нами будто искры летают – нас явно влечет друг к другу. Какое искушение! Я смотрю в его глаза и неожиданно вспоминаю, какой защищенной чувствовала себя в его объятиях… Как легко, должно быть, довериться ему! И как опрометчиво, опасно было бы это сделать».

– Нет, – ответила она, смотря прямо перед собой. – Не сейчас.

– Тогда куда мы отправимся?

– Отвези меня в район Пигаль. На улицу Мира.

Ричард немного помолчал.

– Ты на самом деле уверена, что хочешь попасть туда?

Она кивнула и посмотрела на папку, лежавшую на коленях:

– Я хочу увидеть место, где они умерли.

* * *

«Кафе Гюго». Да, то самое кафе», – подумал Джордан, внимательно оглядывая переполненные столики на открытом воздухе, скатерти в клетку, армию официантов, снующих с эспрессо и капучино на подносах.

Двадцать лет назад в это кафе зашел Бернард Тэвисток. Посидел, выпил кофе. А потом оплатил счет и отбыл – на встречу с собственной смертью, которая нашла его в одном из обшарпанных домов района Пигаль. Все это Джордан узнал из протокола допроса официанта. «Но это произошло много лет назад, – с досадой подумал Тэвистокмладший. – Тот официант, должно быть, успел сменить несколько рабочих мест. И все же попытаться нужно: эта игра стоит свеч».

К своему большому удивлению, Джордан обнаружил, что Марио Кассини все еще трудится в этом самом кафе. Теперь официанту было уже далеко за сорок, его волосы тронула седина, а лицо изрезали морщины – последствия два дцати лет улыбок. Выслушав Джордана, Марио кивнул:

– Дада, конечно, я помню! Полиция наведывалась сюда, со мной беседовали тричетыре раза. И всякий раз я говорил им одно и то же. Месье Тэвисток приходил сюда каждое утро, чтобы выпить кофе с молоком. Иногда с ним была мадам. Ах, какая красавица!

– Но мадам не было с ним в тот самый, особенный день?

Марио покачал головой:

– Месье пришел один. Он сидел вон за тем столиком. – Официант показал на пустой стол у тротуара. Скатерть в краснобелую клетку трепетала на ветру. – Он очень долго ждал мадам.

– Она так и не пришла?

– Нет. Но она звонила. Попросила передать мужу, чтобы он встретился с ней в другом месте. В районе Пигаль. Я принял сообщение и передал его месье Тэвистоку.

– Она разговаривала с вами? По телефону?

– Да. Я записал адрес, который она назвала, и передал месье.

– Это в районе Пигаль?

Марио кивнул.

– А мой отец, то есть месье Тэвисток… Не показалось ли вам, что в тот день он был чемто расстроен? Может, рассержен?

– Нет, он не сердился. Он казался… как бы это сказать… взволнованным. Он не мог понять, почему мадам оказалась в таком злачном районе, как Пигаль. Месье заплатил за свой кофе и ушел. Позже я прочитал в газете, что он умер. Ах, какой ужас! Полиция через газету просила откликнуться всех, кто чтолибо знает о происшествии. Я и позвонил, рассказал им все, что знаю.

Марио горестно тряхнул головой. Похоже, он искренне переживал смерть такой красивой женщины, как мадам Тэвисток, и такого щедрого мужчины, как ее супруг.

«Увы, ничего нового выяснить не удалось», – с грустью подумал Джордан. Он уже повернулся, приготовившись уходить, но вдруг остановился и вернулся к официанту.

– А вы уверены, что это именно мадам Тэвисток оставила то сообщение по телефону? – спросил он.

– Она же представилась, – бесхитростно ответил Марио.

– И вы узнали ее голос?

Официант задумался. Его замешательство длилось всего мгновение, но и этого было вполне достаточно, чтобы Джордан понял: этот человек не до конца уверен в своих словах.

– Да, – наконец произнес Марио. – Кто бы еще это мог быть?

Погрузившись в мрачные мысли, Джордан вышел из кафе и немного прошелся по бульвару СенЖермен, решив вернуться в отель пешком. Но, одолев полквартала, он заметил знакомый синий «пежо». И понял, что его маленькая белокурая «вампирша» все еще неотступно следует за ним. Они двигались в одном направлении – так почему бы не попросить ее подвезти его до отеля?

Джордан подошел к «пежо» и бесцеремонно открыл дверцу у пассажирского сиденья.

– Вы не могли бы подбросить меня до «Рица»? – с улыбкой спросил он.

Колетт с негодованием уставилась на наглеца с водительского места.

– Что это вы себе позволяете?! – взвилась она. – Отойдите от моей машины!

– Ой, да бросьте вы! Не нужно истерик…

– Убирайтесь вон! – закричала она так громко, что прохожие остановились и с любопытством принялись наблюдать за этой сценой.

Джордан невозмутимо скользнул на переднее сиденье. Он заметил, что и на этот раз блондинка была одета во все черное. Видимо, такая экипировка и положена секретным агентам?..

– Идти до «Рица» так далеко! Это ведь не запрещено, правда, – подбросить меня до отеля?

– Я даже не знаю, кто вы! – настаивала она.

– Зато я знаю, кто вы. Вас зовут Колетт, вы работаете на Клода Домье, и вам поручено за мной присматривать. – Джордан одарил блондинку фирменной улыбкой, которая всегда позволяла ему получать именно то, что он хочет. И привел более чем разумный довод: – Вместо того чтобы красться за мной всю дорогу по бульвару, не лучше ли проследить за мной в открытую? Спасти нас обоих от этой неудобной, глупой игры в кошкимышки?

Искорки смеха запрыгали в глазах Колетт. Она вцепилась в руль и постаралась смотреть прямо на дорогу, но Джордан заметил, как ее губы невольно растягиваются в улыбке.

– Закройте дверь, – бросила она, – и пристегните ремень безопасности. Не стоит нарушать правила.

Пока они ехали по бульвару СенЖермен, Джордан то и дело поглядывал на «вампиршу», гадая, действительно ли она такая несгибаемая, жесткая, какой кажется. Но черная кожаная юбка и хмурое выражение лица не могли скрыть тот факт, что Колетт на самом деле была весьма привлекательна.

– Давно вы работаете на Домье? – завел разговор Джордан.

– Три года.

– И это обычный род вашей деятельности? Следовать за незнакомцами по всему городу?

– Я следую инструкциям. Независимо от того, в чем они заключаются.

– Ах, какое послушание! – Джордан откинулся на сиденье и усмехнулся. – Что Домье поручил вам в этом конкретном случае?

– Я должна следить, чтобы вам и вашей сестре не причинили вреда. Сегодня она уехала с месье Вулфом, поэтому я решила присмотреть за вами. – Колетт недолго помолчала, потом еле слышно добавила: – Это не так просто, как я думала.

– Со мной совсем не тяжело.

– Но вы ведете себя непредсказуемо. Ловите меня врасплох.

В этот момент какаято машина яростно загудела на них. Раздраженная, Колетт бросила взгляд в зеркало заднего вида:

– Этот уличный трафик создает проблемы каждый раз, когда…

Колетт резко смолкла, и Джордан с тревогой посмотрел на нее:

– Чтото не так?

– Нет, – помедлив, ответила она, – должно быть, показалось.

Джордан обернулся и попытался разглядеть чтонибудь подозрительное через заднее стекло. Но увидел лишь потоки автомобилей, ползущих по бульвару. Успокоившись, он снова обратился к Колетт:

– Скажите на милость, что такая красивая девушка, как вы, делает во французской разведке?

Колетт улыбнулась – это была первая настоящая улыбка, которую Джордан увидел на ее лице с момента их знакомства. Ему даже показалось, будто солнце выглянуло изза туч.

– Зарабатываю себе на жизнь.

– Встречаете интересных людей?

– Случается.

– Заводите романы?

– К моему прискорбию, нет.

– Какая жалость! Возможно, вам стоит подыскать новую сферу деятельности.

– Какую, например?

– Мы могли бы обсудить это за ужином.

Колетт покачала головой:

– Нам запрещено вступать в неформальные отношения с объектами наблюдения.

– Так вот, кто я для вас, – вздохнул Джордан, – лишь объект наблюдений.

Колетт высадила его в переулке, поблизости от «Рица». Он вылез из машины, потом обернулся и спросил:

– Почему бы нам не пропустить по стаканчику?

– Я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

– Должно быть, это так скучно – сидеть в машине весь день! Ожидая, что я опять выкину чтонибудь непредсказуемое.

– Спасибо, и все же – нет. – Она улыбнулась. Это была очаровательная озорная усмешка, таившая намек на то, что возможно все…

Джордан повернулся и пошел в отель.

Поднявшись наверх, он некоторое время прохаживался по номеру, размышляя над тем, что удалось выяснить в «Кафе Гюго». Этот телефонный звонок от Мэдлин… чтото здесь не сходилось. С какой стати она стала бы назначать Бернарду встречу в районе Пигаль? Очевидно, это совершенно не вяжется с версией убийствасамоубийства. Официант мог солгать? Или просто ошибиться? Как в окружавшем шуме битком набитого кафе Марио мог четко уловить, что по телефону с ним разговаривала именно Мэдлин Тэвисток?

«Я должен вернуться в кафе, – решил Джордан. – И поточнее разузнать у него, действительно ли тот голос принадлежал англичанке».

Тэвистокмладший снова вышел из отеля, ступив в ослепительную яркость полуденного солнца. Такси стояло у главного входа, словно поджидая пассажиров, но водителя нигде не было. Может быть, машина Колетт все еще стоит за углом – Джордан мог бы попросить ее подбросить обратно, на бульвар СенЖермен. Свернув в переулок, он заметил синий «пежо» на старом месте.

Колетт сидела внутри – через лобовое стекло можно было разглядеть ее силуэт за рулем. Джордан подошел к автомобилю и наклонился к окну со стороны пассажирского места.

– Колетт, – позвал он, – вы не могли бы снова меня подвезти?

Она не ответила.

Джордан распахнул дверцу и скользнул в машину, устроившись рядом:

– Колетт?

Она сидела совершенно неподвижно, ее глаза не мигая смотрели вперед. На мгновение Джордан пришел в замешательство, не понимая, в чем дело. А потом заметил яркую струйку крови, стекавшую с виска и исчезавшую в черной ткани ее водолазки. В панике Джордан потянулся к ней и легонько потряс за плечо:

– Колетт?

Она безвольно скользнула изза руля и рухнула прямо ему на колени. Джордан в ужасе уставился на ее голову, которая теперь покоилась в его ладонях. На виске девушкиагента зияло четкое, аккуратное отверстие от пули.

Шокированный, Тэвистокмладший едва не забыл выбраться из машины. В его памяти остались лишь крики проходивших мимо женщин. Только спустя некоторое время Джордан смог сфокусировать взгляд на потрясенных лицах людей, привлеченных в этот тихий переулок возгласами ужаса. Все они показывали на женскую руку, безвольно свисавшую из машины. И все они смотрели на него.

Потерявший способность думать, будто оцепеневший, Джордан перевел взгляд на свои собственные руки. Они были испачканы кровью.

Глава 5

Затерявшись в толпе зевак на углу улицы, Амьель Фош проследил, как полицейские надели на англичанина наручники и увели с собой.

«Неожиданное развитие событий», – подумал Фош. Он и предположить не мог, что все обернется именно так.

Впрочем, Фош не мог вообразить и того, что когдалибо снова встретит Колетт ЛяФарж. Или, того хуже, попадется ей на глаза. Они работали вместе всего один раз, это было три года назад на Кипре. Проходя мимо ее машины, Фош опустил голову и сгорбил плечи в надежде, что Колетт его не заметит. И надо же такому случиться, что, уже отойдя на почтительное расстояние, Амьель услышал, как бывшая коллега в изумлении окликает его.

«Что ж, иного выбора просто не было, – думал Фош, глядя, как санитары загружают ее тело в машину скорой помощи. – Французская разведка уверена, что я мертв. Колетт, возможно, убедила бы своих шефов в обратном».

Пойти на подобный шаг было нелегко. Но, стоило Фошу обернуться и оказаться с ней лицом к лицу, как решение уже было принято. Он медленно подошел к ее машине. Через лобовое стекло он видел, как Колетт, не веря своим глазам, смотрит на умершего коллегу, неожиданно вернувшегося к жизни.

Она замерла на месте, уставившись на Фоша в таком ужасе, будто увидела призрак. Бедняжка словно оцепенела, она и не шелохнулась, когда он подошел к ее машине со стороны водительского места. Колетт не двинулась с места даже тогда, когда он резко пихнул пистолет с глушителем в приоткрытое окно автомобиля и выстрелил.

«Какая бессмысленная смерть настигла эту красивую девчонку!» – мелькнуло в голове Фоша, когда машина скорой помощи унеслась прочь. И все же она сама виновата: следовало знать, что к чему, и не лезть на рожон.

Толпа постепенно рассеялась. Пора бы и ему скрыться.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Фош подошел к обочине, бесшумно выронил пистолет в грязь и незаметно подтолкнул ногой вниз, прямо в водосточную канаву. Оружие краденое, выйти на его последнего владельца просто невозможно, – будет лучше, если пистолет найдут поблизости от места происшествия. Это лишь укрепит подозрения против Джордана Тэвистока.

Прошагав несколько кварталов, Фош нашел телефонавтомат. Зайдя в будку, он набрал номер своего клиента.

– Джордан Тэвисток арестован по подозрению в убийстве, – отрапортовал Фош.

– Чье убийство? – тут же последовал резкий вопрос.

– Одного из агентов Домье. Женщины.

– Это сделал Тэвисток?

– Нет. Это сделал я.

Человек на том конце провода неожиданно разразился громким смехом:

– Это бесподобно! Просто бесподобно! Я прошу вас проследить за Джорданом, и вы подставляете его под обвинение в убийстве. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что вы сотворите с его сестрой!

– Что вы хотите теперь? Что я должен сделать? – осведомился Фош.

В трубке ненадолго повисло молчание.

– Думаю, пришла пора разобраться со всем этим безобразием, – подумав, изрек клиент. – Покончите с этим.

– С женщиной никаких проблем не возникнет. Но добраться до ее брата будет трудно, если, конечно, мне не удастся както проникнуть в тюрьму.

– Вы всегда можете сами спровоцировать свой арест.

– И что будет, когда полиция опознает меня по отпечаткам пальцев? – Фош решительно тряхнул головой. – Для этой работы мне нужен ктото еще.

– Тогда я подыщу когонибудь вам в помощь, – последовал ответ. – А пока давайте разбираться с каждым пунктом нашего плана по отдельности. Займемся Берил Тэвисток.

* * *

Дом на улице Мира теперь принадлежал турецкому предпринимателю. Новый владелец постарался привести здание в порядок. Наружные стены были покрашены, осыпавшиеся балконы – укреплены, дыры на крыше – покрыты шифером. Но, несмотря на эти улучшения, и сам дом, и улица, на которой он стоял, казалось, существенных изменений не претерпели.

«Во всем виноваты жильцы», – объяснял господин Замир, ведя Берил и Ричарда через два лестничных пролета наверх, к квартире в мансарде. Действительно, ну что можно поделать с жителями дома, которые не следят за детьми, позволяя им на голове стоять! Судя по всему, господин Замир был успешным бизнесменом: его дорогой, великолепно скроенный костюм и превосходный английский свидетельствовали о преуспевающем положении.

Владелец дома поведал, что здесь живут четыре семьи, которые довольно аккуратно вносят арендную плату. Но мансардная квартира попрежнему пустует – господину Замиру никак не удается ее сдать. Приходили люди, осматривали жилье, но стоило им услышать о произошедшем здесь убийстве, как они тут же отказывались от найма. А все эти глупые суеверия! Ох, люди утверждают, что они не верят в призраки, но когда заходят в комнату, где погибли два человека...

– А давно квартира пустует? – спросила Берил.

– Вот уже год. С тех пор, как я приобрел этот дом. А что было перед этим, – господин Замир пожал плечами, – я не знаю. Возможно, там никто не жил много лет.

Домовладелец отпер замок:

– Можете осмотреться здесь, если хотите.

Господин Замир открыл дверь, и в лицо им ударил поток спертого воздуха – это был затхлый дух квартиры, которая многие годы была спрятана от окружающего мира. И все же мансарда не производила неприятного, отталкивающего впечатления. Солнечный свет струился в большое, в прожилках грязи окно.

Выглянув вниз, на улицу Мира, Берил увидела детей, пинающих футбольный мяч. Квартира была полностью освобождена от мебели – только голые стены и пол. Через открытую дверь Берил мельком заглянула в ванную, заметив сколотую раковину и старую, потускневшую сантехнику.

Берил молча ходила кругами по комнате, ее пристальный взгляд скользил вдоль деревянного пола. Снова подойдя к окну, она вдруг остановилась. Пятно было едва различимым – просто потускневшая коричневая точка на толстых дубовых досках. «Чья это кровь? – спрашивала себя Берил. – Мамина? Папина? Или их общая, соединившаяся навечно?»

– Я пытался зачистить это пятно, зашлифовать его, – пояснил господин Замир. – Но оно просто въелось в древесину! Даже когда я думаю, что мы окончательно его соскоблили, проходит несколько недель, и пятно проступает снова.

Домовладелец вздохнул:

– Это отпугивает людей, понимаете? Ни одному жильцу не понравилось бы напоминание о подобном происшествии на собственном полу.

Берил сглотнула стоявший в горле горький ком и, повернувшись, снова выглянула из окна. «Почему на этой улице? – думала она. – В этой квартире? При всех местах, имеющихся в Париже... почему они погибли именно здесь?»

Она тихо спросила:

– А кто владел этим зданием прежде, мистер Замир? До того, как вы его приобрели?

– Владельцев было немало. До меня дом принадлежал месье Розенталю. А перед ним хозяином был месье Дюдо.

– Когда произошло убийство, – заметил Ричард, – владельцем был некий Жак Ридо. Вы его знали?

– К сожалению, нет. Это было так много лет назад...

– Двадцать.

– Тогда я точно не мог его знать. – Господин Замир направился к двери. – Я оставлю вас одних. Если возникнут вопросы, я в квартире номер три, пробуду там некоторое время.

Берил рассеянно слушала, как скрипит лестница под тяжестью хозяина дома. Очнувшись от своих мыслей, она взглянула на Ричарда и увидела, что он отошел в дальний угол комнаты и, нахмурившись, изучает пол.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Я размышляю об инспекторе Бруссаре. Вспоминаю, как он пытался обратить наше внимание на ту фотографию. Пустой кусок пола на снимке, на который он показывал, должен быть гдето здесь. Как раз налево от двери.

– Тут не на что смотреть. Да и на снимке тоже ничего не было видно.

– Именно это меня и беспокоит. Бруссар, казалось, был так взволнован, когда увидел ту фотографию! И пытался чтото сказать о портфеле…

– С секретными документами НАТО, – тихо добавила Берил.

Ричард пристально посмотрел на нее:

– Как много тебе рассказали о Делфи?

– Я знаю, что это не мама и не папа. Они никогда бы не переметнулись к нашим противникам.

– Люди могут перейти на другую сторону по разным причинам.

– Но не они. И безусловно, они не нуждались в деньгах.

– Возможно, они питали симпатии к коммунистам?

– Только не Тэвистоки!

Ричард направился к Берил. С каждым шагом, который он делал, ее пульс становился все чаще и чаще. Он подошел достаточно близко для того, чтобы ее сердце предательски защемило. Это было опасное чувство, соблазн, противиться которому было непросто. Вулф еле слышно произнес:

– Любого человека можно шантажировать.

– Ты имеешь в виду, что у них имелись тайны, которые не должны были выплыть наружу?

– Такие тайны есть у всех.

– Но не все становятся предателями.

– Это зависит от тайны, не так ли? И от того, как много можно потерять, если она станет известна всем.

В полной тишине они смотрели друг другу в глаза, и Берил невольно задавалась вопросом: как много Ричард на самом деле знает о ее родителях? Явно гораздо больше, чем он готов был признать. Берил чувствовала это, понимала, что он лишь делает вид, будто не был в курсе их дел, и это подозрение принимало угрожающие размеры, барьером вставая между ними.

Ах, снова эти тайны! Эта недосказанная правда! Берил выросла в доме, где было не принято болтать лишнего, а некоторые двери всегда

держались запертыми. «Я отказываюсь жить в подобном стиле! – решительно подумала она. – Больше никогда!»

Она отвернулась:

– У них не было никаких причин быть настолько уязвимыми, чтобы поддаться на шантаж!

– Ты ведь была сущим ребенком, тебе исполнилось восемь! Училась далеко от родителей, в закрытом пансионе в Англии. Что ты на самом деле знала о них? Об их браке, их тайнах? А что, если это именно твоя мать сняла эту квартиру? Встречалась здесь со своим любовником?

– Я не верю в это. И никогда не поверю.

– Неужели так трудно с этим смириться? С тем, что она была прежде всего человеком, со всеми достоинствами и недостатками, что у нее, возможно, был любовник? – Ричард сжал ее плечи, заставив посмотреть прямо себе в глаза. – Она была красавицей, Берил. Стоило ей захотеть, и у нее было бы бесчисленное множество любовников.

– Ты выставляешь ее гулящей женщиной!

– Я всего лишь рассматриваю все возможные варианты.

– Выходит, ты допускаешь, что моя мать предала королеву и страну? Предала все, чем так дорожила, и только ради того, чтобы маленький омерзительный секрет не выплыл наружу? – Берил сердито вырвалась из рук Вулфа. – Извини, Ричард, но мою веру подобными предположениями не поколебать!

Она резко повернулась и зашагала к двери.

– Я действительно знал твоих родителей, – бросил ей вслед Ричард. – И знал их довольно хорошо.

Берил остановилась и медленно обернулась к нему:

– Что ты подразумеваешь под «довольно хорошо»?

– Мы… вращались в одних и тех же кругах. Мы не работали в одной команде, если уж быть совсем точным. Но перед нами стояли одни и те же задачи.

– Ты никогда не упоминал об этом.

– Я не знал, как много мне следует рассказать тебе. Как много тебе следует знать. – Ричард принялся медленно, кругами прохаживаться по комнате. Было заметно, что он тщательно взвешивает каждое слово перед тем, как произнести его. – Это было мое первое назначение. Я только что закончил свою подготовку в Лэнгли…

– В штабквартире ЦРУ?

Он кивнул:

– Меня завербовали еще во время учебы в университете. Не то чтобы я всю жизнь мечтал работать в разведке… Но к ним какимто образом попала моя кандидатская диссертация – «Анализ мощности ливийского вооружения». Мои выкладки оказались удивительно близкими к их оценке. В ЦРУ знали, что я бегло говорю на нескольких языках. А еще были прекрасно осведомлены о том, что я взял довольно большую сумму в кредит, в качестве ссуды на образование. Это и было приманкой: мол, выплатишь кредит, будешь путешествовать по разным странам. И, должен признать, эта идея меня заинтриговала, как и шанс поработать аналитиком разведки…

– Именно так ты и познакомился с моими родителями?

Ричард снова кивнул:

– В НАТО знали, что произошла утечка секретных сведений, источник которой находился в Париже. Какимто образом данные об оружии ускользнули к восточным немцам. В то время я как раз только прибыл в Париж, поэтому никаких вопросов ко мне не возникло: сразу было понятно, что я чист. Мне поручили работать с Клодом Домье из французской разведки. Помнится, тогда меня попросили составить фальшивый отчет об оружии – нечто близкое к истине, но всетаки поддельное. Это сообщение было зашифровано и передано некоторым избранным сотрудникам посольств в Париже. Идея заключалась в том, чтобы засечь возможный источник утечки информации.

– Как это могло касаться моих родителей?

– Они были прикомандированы к британскому посольству. Бернард – к службе связи, Мэдлин – к протокольному отделу. Они оба действительно работали на МИ6. Бернард был одним из немногих, кто имел доступ к секретным документам.

– И он был подозреваемым?

Ричард кивнул.

– Тогда подозревали всех и каждого – британцев, американцев, французов. Вплоть до самого высокого уровня, до послов. – Вулф снова принялся расхаживать по комнате, тщательно подбирая слова. – Итак, тот фиктивный отчет был передан посольствам, – продолжил он. – Мы выжидали, чтобы понять, окажутся ли эти поддельные данные, как и другие сведения, в ру ках восточных немцев. Этого не произошло. Зато отчет нашелся здесь, в портфеле. – Ричард остановился и взглянул на Берил. – Рядом с твоими родителями.

– И это помогло закрыть дело Делфи, – подхватила она и с горечью добавила: – Как все просто и ясно! Вы получили виновного. На ваше счастье, он был мертв и не мог защитить себя.

– Я в это не верил.

– И все же ты прекратил расследование.

– У нас не было выбора.

– Ты недостаточно хорошо заботился о том, чтобы выяснить правду!

– Нет, Берил. У нас действительно не было выбора. Нам приказали прекратить расследование.

Она в изумлении посмотрела на него:

– Кто приказал?

– Инструкции мне поступили прямо из Вашингтона. Клод получил указания от французского премьерминистра. Именно поэтому дело и было прекращено.

– А моих родителей официально объявили предателями, – заметила Берил. – Какой удобный способ закрыть сложное дело!

Она с отвращением вздрогнула, повернулась и вышла из комнаты. Ричард сбежал следом за ней по лестнице.

– Берил! Я и в самом деле никогда не верил в то, что Бернард был предателем!

– И все же ты позволил, чтобы на него возложили вину!

– Я же тебе говорил, мне приказали…

– И, разумеется, ты всегда подчиняешься приказам.

– Вскоре после этого происшествия меня отправили обратно в Вашингтон. Я не мог продолжать расследование.

Они вышли из дома, попав в обычный бедлам, царивший на улице Мира. Мимо то и дело пролетал футбольный мяч, за которым гналась стайка одетых в лохмотья ребятишек. Берил остановилась на тротуаре, ее глаза на мгновение ослепил солнечный свет. Шум улицы и крики детей дезориентировали, не давали собраться. Обернувшись, она взглянула на дом, на мансардное окно. Взор тут же затуманили подступившие слезы.

– Какое место для смерти! – прошептала Берил. – Господи, какое ужасное место, чтобы умереть…

Она забралась в машину Ричарда и захлопнула за собой дверцу. Какое же это было облегчение – отгородиться от шума и хаоса улицы Мира…

Ричард скользнул в автомобиль, на водительское место. Некоторое время они посидели в тишине, рассеянно наблюдая за игрой оборванцев в футбол.

– Я отвезу тебя обратно в отель, – нарушил молчание Ричард.

– Мне нужно увидеть Клода Домье.

– Зачем?

– Хочу услышать его версию произошедшего. Хочу убедиться в том, что ты говоришь мне правду.

– Я не лгу, Берил.

Она обернулась к своему спутнику. Его взгляд казался твердым, решительным. «Это самый честный взгляд из всех, что мне доводилось видеть, – мелькнуло в голове Берил. – И это лишний раз доказывает, насколько я доверчива». Видит бог, она хотела ему верить, и именно в этом таилась опасность. Между ними попрежнему ощущалось это окаянное влечение – лихорадочный всплеск гормонов, воспоминание о его поцелуях, которое затуманивало ее разум. «И что такого особенного есть в этом мужчине? – досадовала она. – Стоит мне бросить взгляд на его лицо, вдохнуть его аромат, и я уже сгораю от желания сорвать с него одежду… Ну да, хорошо, и с себя тоже».

Берил упорно смотрела прямо перед собой, стараясь не поддаваться этим страстным сигналам, летавшим между ними.

– Я хочу поговорить с Домье.

Немного подумав, Ричард решился:

– Хорошо. Если это именно то, что требуется, чтобы ты поверила мне, я согласен.

Позвонив Домье, Вулф выяснил, что приятель находился вне офиса: он недавно уехал, чтобы еще раз побеседовать с Мари СенПьер. Ничего не оставалось, как ехать следом за Клодом в госпиталь «Кошан», где все еще находилась на излечении Мари.

Даже с самого дальнего конца больничного коридора они могли точно определить палату мадам СенПьер – у ее двери дежурило полдюжины полицейских. Домье еще не появился. Мари сообщили, что ее приехала навестить племянница лорда Ловата, и Берил с Ричардом тут же проводили в ее палату.

Тамто и выяснилось, что они были не единственными посетителями, которые развлекали Мари в тот день. На стульях, придвинутых к кровати пациентки, сидели Нина Сазерленд и Хелена Вэйн. Маленькая вечеринка была в самом разгаре: у окна стояла тележка на колесах, на которой были выставлены подносы, ломившиеся от бисквитов и канапе.

Но пациентка не принимала участия в этом небольшом празднике желудка. Мари восседала, прислонившись к спинке кровати. На этой грустной, утомленной французской матроне был надет серый больничный халат, в тон ее седым волосам. Ее единственными заметными глазу травмами были синяк на щеке и несколько царапин на руках. По несчастному виду Мари было ясно, что взрыв затронул ее прежде всего эмоционально. Любому другому пациенту вряд ли было бы позволено гонять чаи и принимать у себя многочисленных посетителей, но статус супруги месье СенПьера позволял ей побаловать себя общением.

Налив две чашки чаю, Нина вручила их Берил и Ричарду.

– Когда вы прибыли в Париж? – поинтересовалась она.

– Мы с Джорданом прилетели вчера, – ответила Берил. – А вы?

– Мы летели домой вместе с Хеленой и Реджи. – Нина уселась на стул и скрестила ноги в шелковых чулках. – Сегодня утром я встала с мыслью о том, что мне стоит заглянуть в больницу, проверить, как себя чувствует Мари. Бедняжка, в этот тяжелый момент ее так нужно ободрить, поддержать!

Судя по мрачному лицу пациентки, визит Нины явно не принес желаемого эффекта.

– Куда катится этот мир, я вас спрашиваю? – риторически вопросила Нина, пытаясь удержать на весу чашку чаю. – Кругом безумие и анархия! И никто от этого не защищен, даже высшие слои общества!

– Особенно высшие слои общества, – поддакнула Хелена.

– Удалось чтонибудь выяснить по поводу покушения? – спросила Берил.

Мари СенПьер лишь вздохнула:

– Они настаивают, что это была акция террористов.

– Конечно террористов, – согласилась Нина. – Кто еще устанавливает взрывные устройства в домах государственных деятелей?

Взгляд Мари быстро скользнул к ее коленям. Она посмотрела на свои костлявые переплетенные пальцы.

– Я сказала Филиппу, что нам стоит на некоторое время уехать из Парижа. Сегодня вечером, возможно, меня выпишут. Мы могли бы отправиться в Швейцарию…

– Великолепная идея, – мягко пробормотала Хелена и потянулась, чтобы сжать руку Мари ободряющим жестом. – Вам нужно поехать в отпуск, только вам вдвоем.

– Но это будет напоминать позорное бегство, – встряла Нина. – Так они дадут преступникам понять, что те победили.

– Тебе легко говорить, – тихо проворчала Хелена. – Это не в твоем доме взорвалась бомба.

– Если бы это произошло в моем доме, я бы точно осталась в Париже, – парировала Нина. – Я бы не отдала и пяди…

– Ты бы никогда так не поступила.

– Что?

Хелена отвела взгляд:

– Ничего.

– О чем ты там бормочешь, Хелена?

– Я лишь думаю, – объяснила миссис Вэйн, – что Мари следует делать только то, чего она сама хочет. И в том, чтобы на время уехать из Парижа, определенно есть здравый смысл. Любая подруга поддержала бы ее в этом решении.

– Я – ее подруга.

– Да, – скептически покачала головой Хелена, – ну конечно!

– А ты хочешь сказать, что это не так?

– Я ничего подобного не говорила.

– Что ты все время бурчишь себе под нос, Хелена? Ну, в самом деле, это так меня раздражает! Неужели тебе трудно быть открытой и прямо называть вещи своими именами?

– О, пожалуйста! – простонала Мари.

Стук в дверь неожиданно прервал начавшуюся было ссору. В палату вошел сын Нины Энтони, как обычно одетый в полном соответствии со своим оригинальным вкусом – в рубашку цвета электрик и кожаный пиджак.

– Ты готова ехать, мама? – обратился он к Нине.

Раздраженная Нина тут же вскочила со стула.

– Более чем готова, – фыркнула она и проследовала с сыном к двери. Остановившись у порога, она одарила Мари прощальным взглядом. – Я просто рассуждаю как твоя подруга, – объяснила она. – И лично мне кажется, что вам стоит остаться дома, в Париже.

Взяв Энтони за руку, Нина вышла из палаты.

– Ради всего святого, Мари! – пробормотала Хелена после небольшой паузы. – Почему ты терпишь эту женщину?

Мари, казавшаяся сейчас такой маленькой в своей огромной пышной кровати, еле заметно пожала плечами. «Они так похожи», – подумала Берил, невольно сравнивая Мари СенПьер и Хелену. Ни одну из них природа не одарила красотой, обе женщины находились в свойственном зрелым годам увядании, и обе попали в ловушку брачного союза с мужчинами, которые уже не питали к ним нежных чувств.

– Я всегда думала, что ты святая, раз позволяешь этой стерве приближаться к своей двери! – раздосадованно бросила Хелена. – Если бы я была на твоем месте…

– В любой ситуации нужно сохранять мир, – только и ответила Мари.

Они все, вчетвером, пытались продолжить беседу, но разговор явно не клеился. Во время мрачного обсуждения взрыва и его последствий в виде разрушенной мебели, утраченных произведений искусства и пострадавших семейных реликвий не покидало ощущение какойто недосказанности. Все эти утраты казались не такими страшными по сравнению с более серьезной потерей. Достаточно было взглянуть в глаза Мари СенПьер, чтобы осознать: эта женщина переживала прежде всего изза своей разрушенной жизни.

Мари не воспрянула духом, даже когда в палату вошел ее муж Филипп. Скорее наоборот: показалось, что она отклонилась от поцелуя супруга. Вместо нежного приветствия она отвернулась и посмотрела на дверь, которая снова распахнулась. На этот раз в палате оказался Клод Домье. Заметив Берил, он в изумлении замер на месте.

– Так вы здесь?

– Мы с нетерпением вас ждали, – отозвалась Берил.

Домье бросил всполошенный взгляд на Ричарда, потом снова посмотрел на Берил:

– Я пытался найти вас обоих.

– Что случилось? – всполошился Ричард.

– Это вопрос… деликатный. – Домье жестом пригласил их следовать за ним. – Будет лучше обсудить это с глазу на глаз.

Ричард и Берил вышли за ним в коридор, миновали пост дежурной сестры. В тихом уголке Домье остановился и обернулся к Вулфу:

– Мне только что звонили из полиции. Колетт нашли застреленной в своем автомобиле. Около Вандомской площади.

– Колетт? – в ужасе переспросила Берил. – Та девушкаагент, которая присматривала за Джорданом?

Домье мрачно кивнул.

– О боже, – одними губами прошептала Берил, – Джорди…

– Он в безопасности, – поспешил заверить Домье. – Уверяю вас, его жизни ничего не угрожает.

– Но если убили ее, могли убить и…

– Он взят под стражу, – пояснил Домье. Его взгляд, полный сочувствия, сосредоточился на потрясенном лице Берил. – Задержан по подозрению в убийстве.

* * *

После того как все посетители наконецто покинули больничную палату, у кровати Мари осталась только верная Хелена. Некоторое время они почти не обменивались репликами – в конце концов, хорошие друзья могут и помолчать, не испытывая чувства неловкости. Но вскоре Хелена не выдержала: держать в себе накопившееся возмущение было просто невозможно.

– Это невыносимо! – воскликнула она. – И как ты можешь все это терпеть, Мари?

Мадам СенПьер вздохнула:

– А что еще мне остается делать? У нее так много друзей, вокруг нее вертится немало людей, которых она вполне может настроить против меня. Против Филиппа.

– Но ты просто обязана чтото предпринять! Хоть чтонибудь. Например, отказаться с ней разговаривать!

– У меня нет доказательств. Я не могу так поступить, не имея никаких доказательств.

– Тебе и не нужны доказательства. Просто раскрой глаза пошире! Посмотри, как они ведут себя, оказываясь гденибудь вместе. Обрати внимание, как она все время вьется вокруг него, как улыбается ему. Может быть, Филипп и заверил тебя, что все в прошлом, но ты сама можешь убедиться, что это не так. Как бы то ни было, где его носит? Ты находишься в больнице, а он едва тебя навещает. А если и приходит, то лишь для того, чтобы чмокнуть тебя в щечку и тут же унестись прочь.

– Он так занят, так озабочен своими мыслями. Экономический саммит…

– О да! – презрительно фыркнула Хелена. – Мужские дела всегда так чертовски важны!

Мари начала плакать – это были не рыдания, а бесшумные, вызывавшие жалость слезы. Молчаливое страдание давно стало образом ее жизни. Никаких жалоб, никаких недовольств – лишь тихо плачущее разбитое сердце. «Какую же боль мы выносим изза любви к мужчинам!» – с горечью мелькнуло в голове Хелены.

Мари доверительно прошептала:

– На самом деле все еще хуже, чем ты думаешь.

– Еще хуже? Как это вообще может быть?

Мари не ответила, лишь снова посмотрела на свои покрытые ссадинами руки. Это были лишь незначительные царапины, последствия пореза об осколки вылетевшего окна, но она уставилась на них с чемто вроде тихого отчаяния.

«Так вот в чем дело! – Хелена застыла, пораженная ужасной мыслью. – Мари думает, что они пытаются ее убить. Почему же не наносит ответный удар? Почему не борется за свою жизнь?»

Но у Мари, очевидно, не было ни малейшего желания вступать в нелегкую схватку – это было заметно уже по одному тому, как обессиленно, безвольно упали ее плечи.

«Моя бедная дорогая подруга, – думала Хелена, с сочувствием глядя на Мари, – как же мы с тобой похожи! И какие же мы всетаки разные…»

* * *

На скамейке напротив сидел мужчина, который молча разглядывал Джордана – его одежду, ботинки, часы. От этого типа исходило столь сильное алкогольное амбре, что Джордана передернуло от отвращения. Или это «восхитительное благоухание», этот «прекрасный аромат» дешевого вина и немытых подмышек исходил от другого обитателя тюремной камеры? Джордан бросил взгляд на человека, мирно храпящего в дальнем углу. Да, судя по всему, именно он был источником неприятного запаха.

Между тем сидящий на скамейке тип все еще продолжал пристально смотреть на него. Джордан пробовал не обращать внимания на сокамерника, но взгляд был таким назойливым, что он не выдержал и резко бросил:

– На что это вы так смотрите?

– Это золото? – осведомился мужчина пофранцузски.

– Что, простите?

– Часы. Они золотые? – снова на французском уточнил сокамерник, показав на наручные часы Джордана.

– Да, конечно, они золотые! – с раздражением ответил тот.

Мужчина усмехнулся, обнажив полный рот гнилых зубов. Поднявшись, он прошаркал по полу камеры и сел рядом с Джорданом. Прямо возле него. Задумчивый взгляд сокамерника переместился на ботинки Джордана:

– Они итальянские?

Джордан нетерпеливо вздохнул:

– Да, они итальянские.

Надоедливый малый протянул руку и бесцеремонно потрогал рукав льняного пиджака Джордана.

– Эй, парень, а нука, прекрати! Убери от меня свои руки! – возмутился Джордан и добавил пофранцузски: – Оставь меня в покое!

Но сокамерник лишь усмехнулся еще шире и показал на свою пару обуви – вернее, ее убогое подобие из картона и пластмассы:

– Нравится?

– Очень славные, – грубо бросил Джордан.

В этот момент послышались звук приближающихся шагов и бряцание ключей. Спавший в углу человек тут же проснулся и принялся вопить пофранцузски:

– Я невиновен! Я невиновен!

– Месье Тэвисток? – окликнул охранник.

Джордан моментально вскочил на ноги:

– Да?

– Вы должны пройти со мной.

– Куда?

– К вам посетители.

Охранник повел его по коридору, мимо камер, битком набитых заключенными. «Ничего себе! – пронеслось в голове Джордана. – А ято думал, что мне досталась плохая камера!» Охранник отпер дверь и проводил его в комнату для встреч с посетителями. Стоило туда войти, как на Джордана обрушилась какофония звуков.

Повсюду раздавались телефонные звонки, слышались громкие голоса, убеждавшие в своей невиновности. Неопрятные, одетые в лохмотья заключенные, выстроившись в ряд, ожидали санитарной обработки, а какаято женщина не переставая кричала: «Это ошибка! Это все ошибка!» Среди болтовни на французском Джордан вдруг различил собственное имя.

– Берил? – с облегчением выдохнул он.

Сестра подбежала к Джордану и бросилась ему на шею, едва не сбив с ног.

– Джорди! О, мой бедный Джорди, с тобой все в порядке?

– Все хорошо, моя дорогая.

– На самом деле все в порядке?

– Сейчас, когда ты здесь, намного лучше.

Бросив взгляд через плечо Берил, он заметил стоявших рядом с ней Ричарда и Домье. Что ж, вся доблестная гвардия в сборе. Теперьто эта жуткая история обязательно прояснится!

Наконецто оторвавшись от брата, Берил взглянула на его лицо и нахмурилась:

– Ты выглядишь просто ужасно!

– А пахну, должно быть, еще хуже. – Джордан повернулся к Домье и спросил: – Полиции удалось чтонибудь выяснить насчет Колетт?

Домье отрицательно покачал головой:

– Одна пуля калибра девять миллиметров, выстрел в висок. Сработано чисто, без свидетелей.

– А что насчет оружия? – осведомился Джордан. – Как они могут обвинять меня, если нет орудия убийства?

– Полиция нашла оружие, – объяснил Домье. – Оно валялось в сточной канаве, совсем рядом с машиной.

– И никаких свидетелей? – удивилась Берил. – Средь бела дня?

– Это узкий переулок. Там обычно совсем мало прохожих.

– Но неужели нет никого, кто хоть чтонибудь видел?

Домье грустно кивнул:

– Одна женщина действительно сообщила, что видела мужчину, который пытался силой забраться в машину Колетт. Но это было на бульваре СенЖермен.

– О боже! – простонал Джордан. – Это наверняка был я!

– Ты? – нахмурилась Берил.

– Я всегонавсего попросил Колетт подбросить меня до отеля. Мои отпечатки пальцев должны быть по всему салону ее автомобиля.

– Что случилось после того, как ты сел в машину? – спросил Ричард.

– Она высадила меня недалеко от «Рица». Я поднялся в свой номер, провел там несколько минут, а потом спустился вниз, чтобы поговорить с ней. И вдруг я обнаружил… – Снова застонав, он в ужасе схватился за голову. – Господи, это не может быть правдой!

– Ты заметил хоть чтонибудь? – попытался добиться конкретики Ричард.

– Ничего особенного. Но… – Джордан медленно поднял голову. – Колетт могла чтото видеть.

– Ты в этом не уверен?

– Когда мы ехали в отель, она то и дело хмурилась и бросала взгляды в зеркало заднего вида. Потом сказала, будто ей чтото показалось. Я оглянулся, но увидел лишь обычный уличный трафик. – Подавленный, Джордан обратился к Домье: – Я и в самом деле виню во всем себя. Не перестаю думать о том, что если бы я уделил этому больше внимания, если бы не болтал все время без умолку…

– Она знала, как защитить себя, – прервал его Домье. – Она должна была быть готова к любым неожиданностям.

– Именно этого я и не понимаю, – с недоумением произнес Джордан. – Того, что ее явно застали врасплох.

Он бросил взгляд на часы:

– Еще довольно светло. Мы могли бы вернуться на бульвар СенЖермен. Снова проехать той же дорогой. Возможно, это помогло бы мне чтонибудь вспомнить.

Предложение Джордана было встречено мертвой тишиной.

– Джорди, – еле слышно сказала Берил, – ты не можешь.

– Не могу? Что ты имеешь в виду?

– Они не выпустят тебя на свободу.

– Но они должны меня освободить! Я не совершал этого! – Он взглянул на Домье и, к своему ужасу, увидел, как француз сочувственно покачал головой.

– Мы сделаем все, что потребуется, Джордан, – заверил его Ричард. – Мы найдем способ вытащить тебя отсюда.

– Ктонибудь звонил дяде Хью?

– Он не в Четвинде, – ответила Берил. – Никто не знает, куда он делся. Кажется, он уехал вчера вечером, никого не предупредив. Мы собираемся встретиться с Реджи и Хеленой, у них есть друзья в посольстве. Возможно, влиятельные знакомые помогут нам чтонибудь выяснить.

Встревоженный новостями, Джордан так и стоял в окружении хаоса, который создавали толпившиеся заключенные и полицейские. «Я – в тюрьме, дядя Хью исчез, – думал он. – Этот кошмар с каждой секундой становится все страшнее».

– Полиция считает меня виновным? – осмелился спросить Джордан.

– Боюсь, что да, – ответил Домье.

– А вы, Клод? Что думаете вы?

– Разумеется, он знает, что ты невиновен! – решительно заявила Берил. – Мы все это знаем. Просто дай мне время во всем разобраться.

Джордан повернулся к сестре – к своей красивой упрямой сестре. Только Берил он берег, именно о ней заботился больше всего на свете. Сняв часы, он твердо прижал их к руке сестры. Она нахмурилась:

– Зачем ты мне их отдаешь?

– На хранение. Я могу пробыть здесь довольно долго. А сейчас, Берил, я хочу, чтобы ты отправилась домой. На следующем же самолете в Лондон. Ты поняла?

– Я никуда не полечу.

– Нет, ты должна это сделать! Да и Ричард наверняка захочет отправить тебя подальше отсюда.

– Как? – резко возразила она. – Будет тащить меня отсюда за волосы?

– Будет, если понадобится.

– Но я нужна тебе здесь!

– Берил. – Он крепко взял ее за плечи и постарался говорить спокойно, рассудительно. – Одну женщину уже убили. А ведь она специально обучалась, чтобы уметь защитить себя!

– Это не означает, что я следующая.

– Это означает, что эти люди – кто бы они ни были – напуганы. И готовы нанести ответный удар. Ты должна вернуться домой.

– И оставить тебя здесь, в этом ужасном месте?

– Здесь будет Клод. И Реджи…

– А я, значит, улечу домой, оставив тебя гнить в тюрьме? – Берил резко тряхнула головой, выражая свое категорическое несогласие. – Ты и в самом деле думаешь, что я сделаю это?

– Если ты меня любишь, сделаешь.

Подбородок Берил метнулся вверх.

– Если я тебя люблю, – сказала она, – я никогда не сделаю ничего подобного.

Упрямица снова бросилась брату на шею, обняв его крепко, ободряюще. Потом, смахнув слезы, она обернулась к Ричарду:

– Пойдем. Чем быстрее мы поговорим с Реджи, тем быстрее разберемся во всей этой путанице.

Джордан посмотрел вслед сестре. «Это так похоже на нее!» – подумал он, глядя, как Берил уверенно прокладывает путь сквозь буйную толпу карманников и проституток.

– Берил! – изо всех сил закричал Джордан. – Убирайся домой! Не будь упрямой идиоткой!

Сестра остановилась и оглянулась на него:

– Но я ничего не могу поделать с этим, Джорди. Это у нас семейное – яблоко от яблони недалеко падает.

И, повернувшись, она скрылась в проеме двери.

Глава 6

– Твой брат прав, – сказал Ричард. – Ты должна уехать домой.

– Ну вот, теперь еще ты! Не начинай все это снова! – резко бросила Берил через плечо.

– Я подброшу тебя в отель, чтобы собрать вещи. А потом отвезу в аэропорт.

– Вы что все, сговорились?

– Может быть, ты хоть раз прислушаешься к моему совету?! – закричал он.

Берил остановилась как вкопанная посреди людной улицы и обернулась, оказавшись лицом к лицу с Ричардом:

– К совету – да. К приказу – нет.

– Хорошо, тогда задержись на минутку и послушай меня. Ваша с Джорданом поездка в Париж с самого начала была безумной затеей. Безусловно, я понимаю, почему вы пошли на это. Знаю, что вы хотели узнать правду о гибели родителей. Но все изменилось, Берил. Погибла женщина. Теперь дело приняло новый оборот.

– И как же, потвоему, я должна поступить с Джорданом? Просто бросить его в тюрьме?

– Я позабочусь об этом. Поговорю с Реджи. Мы найдем для Джордана лучшего адвоката, который…

– А я трусливо побегу домой? Умою руки, бросив все, как есть?

Берил посмотрела на часы, которые теперь носила на руке. Часы Джордана. И тихо сказала:

– Брат – вся моя семья. Ты видел, каким несчастным он выглядел? Если он останется в том жутком месте… это его просто убьет! Я бы никогда не простила себе, если бы бросила его там.

– Но если чтото случится с тобой, Джордан никогда не простит себе. И я тоже.

– Я тебе не подчиняюсь.

– Но тебе придется подчиниться.

– И кто это решил?

Ричард подлетел к Берил и сжал ее лицо в своих ладонях.

– Я, – прошептал он, прижавшись губами к ее губам.

Берил была так ошеломлена пылкостью, даже дикостью его поцелуя, что в первый момент просто растерялась – слишком много восхитительных ощущений обрушилось на нее одновременно. Она слышала, как Ричард бормочет чтото в пылу страсти, чувствовала, как ее захлестывает горячая волна любовной лихорадки. Ее тело невольно ответило на этот внезапный порыв, и каждый нерв зазвенел от чувственного желания.

Берил не обращала внимания на шумное движение, прохожих на тротуаре. Здесь и сейчас были только они двое – и то, как буквально изнемогали от обжигающей страсти их тела, их губы. Берил думала о том, что они весь день боролись с этим искушением. И весь день она понимала, что это бесполезно. Она знала, что все придет именно к этому – поцелую на парижской улице, – и теперь была совершенно потеряна. Ричард мягко оторвался от ее губ и взглянул ей в глаза.

– Вот почему ты должна уехать из Парижа, – с нежностью произнес он.

– Потому что ты всем командуешь?

– Нет. Потому что в этом есть смысл.

Берил отстранилась, отчаянно пытаясь отойти от Ричарда на почтительное расстояние, чтобы наконецто обрести способность контролировать – хоть какнибудь – свои эмоции.

– Возможно, для тебя это и имеет смысл, – тихо сказала она, – но не для меня.

И, повернувшись, она села в его машину.

Ричард скользнул следом и захлопнул за собой дверцу. Теперь они вместе сидели в тишине, и Берил физически чувствовала, как разочарование столь желанного для нее мужчины наполнило весь салон.

– Что я должен сказать, чтобы заставить тебя передумать? – спросил Ричард.

– Передумать? – Берил взглянула на него и с трудом изобразила улыбку, которая вышла напряженной, упрямой. – Нет ничего, что могло бы заставить меня изменить свое решение.

* * *

– Ситуация довольно скользкая, – сказал Реджи Вэйн. – Если бы обвинения не были столь серьезными – кража, например, или даже изнасилование, – посольство могло бы чемнибудь помочь. Но убийство? Подобные дела находятся вне дипломатического вмешательства.

Они беседовали в личном кабинете Реджи – это была типично мужская, обшитая темными панелями комната, живо напомнившая Берил кабинет дяди Хью в Четвинде. Книжные полки были заставлены творениями английских классиков, на стенах висели картины с охотничьими сюжетами – лисы, гончие, джентльмены верхом на лошадях. Камин из камня, как упомянул Реджи, был точной копией очага в доме его детства, что в Корнуолле. Даже запах табака для трубки, которую курил Реджи, напоминал Берил о доме. Как успокаивало осознание того, что здесь, в предместьях Парижа, существовал знакомый мир, будто перенесенный сюда прямо из Англии!

– Но посол, несомненно, может чтонибудь предпринять? – спросила Берил. – Мы ведь говорим о Джордане, а не о какомнибудь футбольном хулигане. Кроме того, он невиновен.

– Разумеется, он невиновен, – поспешил согласиться Реджи. – Поверь мне, если бы я хоть чтонибудь мог сделать, наш Джордан больше ни секунды не оставался бы в этой камере.

Вэйн опустился на диван рядом с Берил и сжал ее руки, внимательно глядя на нее своими голубыми глазами, в которых отчетливо читалось сострадание.

– Берил, дорогая, ты должна понять. Даже сам посол не может творить чудеса. Я разговаривал с ним, и он настроен отнюдь не оптимистично.

– Выходит, ни вы, ни он ничего не можете поделать? – упавшим голосом спросила Берил.

– Я договорюсь насчет адвоката – приглашу того, которого рекомендует наше посольство. Он превосходный специалист, обычно ему звонят в подобных случаях. Специализируется на помощи английским клиентам.

– И это все, на что мы можем надеяться? На помощь хорошего адвоката?

Вместо ответа Реджи лишь с сожалением кивнул.

Разочарованная, Берил и не услышала, как Ричард подошел и встал прямо за ней, зато почувствовала, как его руки опустились ей на плечи, словно пытаясь защитить. «И как я дошла до того, что начала полагаться на него? – невольно подумала она. – На человека, которому мне не следует доверять? И все же я доверяю».

Реджи взглянул на Ричарда и спросил:

– А удалось ли чтонибудь выяснить по линии разведки? Возможно, обнаружены какието доказательства?

– Французская разведка сотрудничает с полицией. Они проведут баллистическую экспертизу, проверят оружие. Никаких отпечатков пальцев на пистолете обнаружено не было. Тот факт, что подозреваемый – племянник лорда Ловата, заслуживает особого внимания. Расследование будет вестись тщательно, и все же он обвиняется в убийстве. А жертва – француженка. Как только эта история попадет в местные газеты, все представят так, будто испорченный англичанин, представитель золотой молодежи, пытается ускользнуть от ответственности за совершенное преступление.

– И это вызовет к нам, британцам, еще больше неприязни, – заметил Реджи. – Я провел в этой стране тридцать лет и знаю, о чем говорю. Уверяю вас, как только истечет этот год моей работы в банке, я отправлюсь домой.

Взгляд Реджи уже тоскливо блуждал по картине, висевшей над каминной полкой. Она изображала загородный дом, стены которого были увиты лиловыми цветами глицинии.

– Хелена ненавидела это местечко в Корнуолле – считала, что дом слишком простой, старомодный. Но он подходил моим родителям. И устраивает меня. – Вэйн взглянул на Берил. – Как же это страшно – попасть в беду так далеко от дома! Мы все прекрасно знаем, насколько уязвим каждый из нас. И ни положение, ни деньги не помогут уладить дело.

– Я сказал Берил, что она должна лететь домой, – заметил Ричард.

Реджи кивнул:

– И я так думаю.

– Но я не могу! – стояла на своем Берил. – Я бы чувствовала себя как крыса, бегущая с корабля.

– По крайней мере, ты была бы живой крысой, – сказал Ричард.

Берил гневно тряхнула плечами, пытаясь сбросить его руки.

– Но все равно я осталась бы крысой! Реджи с нежностью взял ее ладонь.

– Берил, – тихо сказал он, – послушай меня. Я был давним другом твоей матери – мы росли вместе. Именно поэтому я чувствую свою особенную ответственность. И ты даже понятия не имеешь, как больно мне видеть одного из детей Мэдлин в столь бедственном положении! Просто ужасно, что Джордан попал в беду, но я волнуюсь и о тебе тоже...

Он сжал руку Берил:

– Здесь, в Париже, ты должна слушаться мистера Вулфа. Он здравомыслящий парень. Тот, кому ты можешь доверять.

«Тот, кому я могу доверять», – про себя повторила Берил. Она чувствовала на своей спине пристальный взгляд Ричарда, чувствовала так остро, словно это было прикосновение. От его жгучего взора напряглось все тело. Берил внимательно посмотрела на Реджи – милого Реджи, который был связан одним прошлым с Мэдлин, что делало его частью семьи Тэвисток.

– Я знаю, что вы желаете мне только добра, Реджи, – сказала она, – но я не могу уехать из Парижа.

Вэйн и Вулф с пониманием посмотрели друг на друга, обменявшись разочарованными, но отнюдь не удивленными взглядами. В конце концов, они оба знали Мэдлин и понимали: от ее дочери нельзя было ожидать ничего, кроме упрямства.

В это время в дверь кабинета постучали, и в нее просунулась голова Хелены.

– Вы не возражаете, если я войду?

– Конечно, – отозвалась Берил.

Хелена вплыла в кабинет, неся поднос с чаем и бисквитами, угощение она разместила на маленьком столике, стоявшем возле дивана.

– Я привыкла проявлять осмотрительность и всегда стучу, – с улыбкой объяснила она, налив четыре чашки чаю, – прежде, чем нарушить границы личной территории Реджи.

Хелена вручила Берил чашку и спросила:

– Вы ведь продвинулись в решении проблемы, не так ли?

По молчанию, которое последовало за вопросом, Хелена безошибочно угадала ответ. В ее голосе зазвучали нотки извинения:

– О, Берил, мне так жаль! Неужели ты совсем ничего не можешь поделать, Реджи?

– Я уже делаю все, что в моих силах, – бросил Реджи, и в его тоне послышался намек на раздраженность. Повернувшись спиной к жене, он взял трубку с каминной полки и зажег ее. В кабинете ненадолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь звоном чашек о блюдца и мягким «пухпухпух», который производили губы Реджи, прильнувшие к чубуку трубки.

– Реджи? – снова осмелилась обратиться к супругу Хелена. – Мне кажется, этот звонок адвокату – лишь пассивная реакция на происходящее. Может быть, ты можешь сделать чтонибудь… ну… более активное?

– Например? – отозвался Ричард.

– Допустим, заняться расследованием преступления. Мы все знаем, что Джордан не мог совершить убийство. Тогда кто же это сделал?

– Ты вряд ли подойдешь на роль детектива! – презрительно хмыкнул Реджи.

– И все же это вопрос, на который просто необходимо ответить. Та молодая женщина была убита во время наблюдения за Джорданом. Возможно, это происшествие связано с причиной, по которой Джордан

прибыл в Париж. Хотя у меня в голове не укладывается, как убийство двадцатилетней давности может быть для когото столь опасным!

– Это было больше, чем убийство, – заметила Берил. – Дело было связано со шпионажем.

– Ну, та история с «кротом» в НАТО, – объяснил Реджи супруге. – Ты наверняка помнишь! Хью рассказывал нам об этом.

– Ах да, Делфи! – Хелена взглянула на Ричарда. – МИ6 так и не удалось установить личность предателя, не так ли?

– У них были подозрения, – ответил Ричард.

– Лично меня всегда мучили сомнения, – сказала Хелена, протягивая руку за бисквитом, – по поводу посла Сазерленда. И того, почему он свел счеты с жизнью вскоре после гибели Мэдлин и Бернарда.

Ричард кивнул:

– Наши мысли сходятся, леди Хелена.

– Впрочем, не могу сказать, что у него не было других причин для прыжка с того моста. Если бы я была мужчиной, который женился на Нине, давно бы совершила самоубийство! – Хелена впилась зубами в бисквит, будто напоминая о том, что даже у безобидных с виду тихих серых мышек есть зубы.

Реджи выбил трубку и бросил:

– Нам не следует обсуждать все эти домыслы.

– А вдруг это поможет – не одно, так другое?

К тому моменту, как Реджи вышел проводить гостей к двери дома, уже сгустились сумерки, а ночь принесла сырую, не по сезону, прохладу. Даже высокие стены, окружавшие внутренний двор владений Вэйнов, не могли, казалось, защитить от ощущения опасности, висевшего в воздухе той ночью.

– Обещаю вам, – сказал Реджи на прощание, – я сделаю все, что в моих силах.

– Не знаю, как вас благодарить, – пробормотала Берил.

– Просто улыбнись мне, дорогая. И еще вот что. – Реджи обнял ее за плечи и чмокнул в лоб. – С каждым днем ты становишься все больше и

больше похожей на свою мать. И из моих уст ты не услышишь более лестного комплимента. – Вэйн обернулся к Ричарду: – Вы ведь присмотрите за девочкой?

– Обещаю, – сказал тот.

– Хорошо. Потому что она – все, что у нас осталось. – Он грустно коснулся щеки Берил. – Все, что у нас осталось от Мэдлин.

* * *

– Они всегда общались подобным образом, – спросила Берил, – Реджи и Хелена?

Ричард вел машину, сосредоточенно глядя на дорогу.

– Что ты имеешь в виду?

– Эти язвительные замечания в адрес друг друга. Оскорбительные выпады.

Ричард усмехнулся:

– Я так привык слышать все эти обмены колкостями, что уже почти не замечаю этого. Да, помнится, именно так они и общались, когда я познакомился с ними двадцать лет назад. Убежден, все это идет от чувства досады, которое испытывает Реджи изза денег. Какому мужчине понравится быть… на содержании у женщины?

– Конечно, – тихо поддакнула Берил, старательно избегая смотреть в глаза Ричарду. – Полагаю, ни одному мужчине не захочется с этим мириться.

«Неужели нас разделяет то же самое? – лихорадочно думала она. – И он мог бы использовать мои деньги в качестве аргумента против меня? Его уязвленное самолюбие пестовало бы обиды в течение многих лет, и в итоге мы бы закончили как Реджи и Хелена, чья семейная жизнь превратилась в ад…»

– Их отношения испортились еще и потому, – добавил Ричард, – что Реджи никогда понастоящему не нравилось это пребывание в Париже, да и быть банкиром ему никогда не хотелось. Именно Хелена уговорила его занять этот пост.

– Похоже, ей и самой не слишком здесь нравится.

– Точно. Вот и получается, что они постоянно язвят, пытаются поддеть друг друга. Я наблюдал за ними на приемах, где присутствовали и твои родители, и всякий раз поражался контрасту. Бернард и Мэдлин казались такими влюбленными… Впрочем, я уже говорил, что каждый мужчина, который был знаком с твоей матерью, просто не мог в нее не влюбиться – хотя бы немножко.

– Что же в ней было особенного? – спросила Берил. – Ты както упомянул, что она была… очаровательной.

– Когда я познакомился с Мэдлин, ей было около сорока. О, у нее, конечно, на висках уже появились седые волосы. И несколько морщинок от смеха. Но она была более обворожительна, чем любая двадцатилетняя девушка из всех, кого я когдалибо встречал. Я сильно удивился, когда узнал, что она не урожденная аристократка.

– Она родом из Корнуолла. Испанских кровей. Они с папой познакомились летом, во время каникул. – Берил улыбнулась. – Он рассказывал, как мама победила его в соревновании по спортивной ходьбе. Причем она шла босиком! И именно тогда папа понял, что она – та самая, единственная.

– Они прекрасно подходили друг другу, дополняли буквально во всем. Думаю, именно это и восхищало меня – их счастье. Мои родители в свое время развелись. Их расставание было довольно неприятным, даже скандальным, и это решительно настроило меня против самой идеи брачного союза. Но отношения твоих родителей казались такими легкими и гармоничными. – Ричард покачал головой. – Их гибель потрясла меня больше чем кого бы то ни было. Я просто не мог поверить, что Бернард…

– Он этого не делал. Я знаю, что он этого не делал.

Немного помолчав, Ричард сказал:

– Я тоже.

Какоето время они ехали в полном молчании, щурясь от ярких огней пролетающих мимо встречных машин, которые отражались в лобовом стекле.

– Именно поэтому ты так никогда и не женился? – наконец решилась спросить Берил. – Изза развода родителей?

– Это лишь одна из причин. Другая – то, что мне так и не удалось найти подходящую женщину. – Ричард взглянул на Берил. – А почему ты еще не вышла замуж?

Она пожала плечами:

– Потому что так и не нашла подходящего мужчину.

– Но в твоей жизни ведь наверняка ктото был.

– Был. Некоторое время. – Берил крепко обняла себя за плечи и уставилась в темноту, царившую за окном.

– Чтото не получилось?

Она выдавила из себя смешок:

– Мне очень повезло, что не получилось.

– В твоем тоне слышится оттенок горечи.

– Разочарования – так точнее. Когда мы познакомились, он показался мне исключительным, весьма неординарным человеком. Он был хирургом, собиравшимся отправиться с миссией милосердия в Нигерию. В наши дни так редко можно встретить человека, который заботится о человечестве. Я два раза навещала его в Африке. Он чувствовал себя там как рыба в воде.

– И что же произошло?

– Какоето время мы были любовниками. А потом я неожиданно осознала, кем он себя мнит – великим белым спасителем. Он бы несся в самую простую, примитивную больницу, спасал несколько жизней, а потом летел бы обратно в Англию за бодрящей дозой лести, которой, как оказалось, ему всегда было недостаточно. Одной восторженной, преклоняющейся перед ним женщины ему явно было мало. Ему требовалась дюжина. – Помолчав, Берил тихо добавила: – А я хотела быть единственной.

Она откинулась на автомобильном сиденье и вновь принялась вглядываться в сверкавшие огни Парижа. «Это просто город света! – подумалось ей. – И все же он полон теней, темных переулков и еще более темных тайн».

Добравшись до Вандомской площади, они ненадолго остались в припаркованной машине, – не заводя разговора, просто сидели рядом, окутанные мраком. «Мы оба измучены, – думала Берил, – и все же этот

день еще не закончился. Я должна собрать вещи Джордана – зубную щетку, смену белья. И привезти все это в тюрьму…»

– Выходит, мне так и не удалось убедить тебя вернуться домой, – констатировал Ричард.

Берил задумчиво посмотрела на площадь: в темноте угадывались два силуэта влюбленных, которые прогуливались, держась за руки.

– Нет, я не вернусь. По крайней мере, до тех пор, пока Джордан не выйдет на свободу. Пока мы не доведем это дело до конца, пока мы во всем не разберемся.

– Я боялся, что ты именно так и скажешь. Но я не удивлен. Ты ведь на днях упоминала, что у тебя твердая голова.

Берил взглянула на него, даже сквозь темноту различая сияние его улыбки.

– Это не твердолобость, Ричард. Это преданность. По отношению к Джордану. К моим родителям. Понимаешь, мы – Тэвистоки, и мы горой стоим друг за друга.

– Ты должна поддерживать Джордана, это я могу понять. Но твои родители умерли.

– Это дело чести.

Он покачал головой:

– Бернарду и Мэдлин уже не помогут твои заботы о чести. Да и вообще, честь – безнадежно устаревшее понятие, оно того же рода, что и отстаивание чегото абстрактного, вроде достоинства фамилии.

Берил выбралась из машины.

– Фамилия Вулф, очевидно, ничего для тебя не значит, – холодно ответствовала она.

Заперев машину, Ричард нагнал Берил, когда та уже прошла через вестибюль отеля и зашла в лифт.

– Может быть, это странная для тебя американская точка зрения, но я считаю, что достоинство моего имени – то, что создаю я сам. И на моем лбу не вытатуирован фамильный герб!

– Похоже, ты не так меня понял.

– О да, ну конечно! – резко бросил он. – Я ведь всего лишь тупоголовый янки!

– Я никогда не говорила в твой адрес ничего подобного!

Ричард зашел за ней в номер и с громким стуком захлопнул дверь.

– И всетаки совершенно понятно, что я не дорос до стандартов вашей светлости!

Берил обернулась и гневно посмотрела на него:

– Ты готов использовать это против меня, не так ли? Мое имя. Мое состояние.

– То, что меня беспокоит, не имеет к этому ни малейшего отношения. К тому, что ты из семьи Тэвисток.

– Что же тогда тебя беспокоит?

– То, что ты не слушаешь доводы разума.

– Ах, эта моя твердая голова!

– Да, твоя твердая, упрямая голова. И твое дурацкое чувство чести. И твои… твои…

Берил подошла к Ричарду совсем близко. Подняв голову, она заглянула ему прямо в глаза.

– Мои – что?

Ричард нежно взял лицо Берил в ладони и прижался к ее губам. Поцелуй был таким длинным, таким пылким, что она чуть не задохнулась от нахлынувших эмоций. Когда Ричард наконецто оторвался от ее уст, ноги Берил дрожали, а пульс громким эхом отдавался в ушах.

– Именно это меня и беспокоит, – сказал он. – Когда ты рядом, я теряю способность четко и быстро мыслить. Не могу сосредоточиться – даже на том, чтобы завязать шнурки своих собственных ботинок. Стоит тебе пройти мимо или просто бросить в мою сторону случайный взгляд, и я буквально теряю разум, мысли разбегаются в разные стороны, я начинаю вести себя странно. Подобные ситуации приводят к ошибкам. А я не люблю ошибаться.

– Значит, ты тот, кто не может сосредоточиться. А я та, кто должна лететь домой?

Берил повернулась и прошла через весь номер к межкомнатной двери, ведущей в сьют Джордана.

– Мне очень жаль, Ричард, – бросила она, проходя мимо окна, – но тебе придется держать свои мощные мужские гормоны под…

Ее слова оборвал звон разбивающегося вдребезги окна.

Хорошие рефлексы помогли Берил увернуться от острых осколков вылетающего стекла. Ричард бросился к ней, в мгновение ока оказавшись рядом и заставив ее пригнуться к усыпанному осколками полу. Еще одна пуля просвистела через окно и с глухим стуком впечаталась в противоположную стену.

– Свет! – закричал Ричард. – Нужно выключить свет!

Он стал осторожно подползать к прикроватной лампе и почти добрался до нее, когда и второе окно внезапно разлетелось на мелкие кусочки. Осколки стекла посыпались сверху прямо на него.

– Ричард! – в ужасе вскрикнула Берил.

– Только не поднимайся!

Он перевел дыхание и перекатился по полу. Наконец, сумев ухватить шнур лампы, Ричард выдернул вилку из розетки. Комната тут же погрузилась во мрак. Теперь единственным источником света было тусклое сияние огней Вандомской площади, проникавшее через оконный проем. Комнату наполнила зловещая тишина, нарушаемая лишь стуком сердца Берил, гулко отдававшимся в ее ушах.

Берил начала подниматься на колени.

– Не двигайся! – предостерег Ричард.

– Он не сможет нас увидеть.

– У него может быть инфракрасный прицел. Оставайся внизу.

Берил опустилась на пол, почувствовав через ткань рукава осколок стекла.

– Откуда могут стрелять?

– Скорее всего, из какогонибудь здания по другую сторону площади. Из снайперской винтовки.

– И что нам теперь делать?

– Вызывать подкрепление.

Берил услышала, как он ползет в темноте, потом раздался стук опущенного на пол телефона. Спустя мгновение Ричард забормотал проклятия:

– Линия не работает! Ктото перерезал провод.

Приступ панического страха сотряс душу Берил.

– Ты хочешь сказать, что они были в номере?

– Это означает... – Он неожиданно затих.

– Ричард?

– Тсс... Слушай.

Сквозь громкое биение собственного сердца Берил удалось уловить слабый гул гостиничного лифта, остановившегося на их этаже.

– Думаю, мы попали в серьезную переделку, – произнес Ричард.

Глава 7

– Он не сможет войти, – отозвалась Берил. – Дверь заперта.

– У них наверняка есть отмычка или подходящий ключ. Если им уже удалось войти сюда раньше...

– Что нам делать?

– В номер Джордана! Быстрее!

Берил тут же встала на колени и поползла к межкомнатной двери. Лишь добравшись до входа в номер брата, она поняла, что Ричард не следует за ней.

– Пойдем со мной! – прошептала она.

– Иди одна. Я их задержу.

Берил в недоумении оглянулась:

– Что?

– Сначала они проверят эту комнату – чтобы узнать, удалось ли нас убить. Я немного их приторможу. А ты выйдешь через сьют Джордана. Выйди на лестничную клетку – и беги что есть сил.

Берил застыла на месте, бессильно прислонившись к дверному проему. «Это безрассудство, – мелькнуло в ее голове. – У Ричарда нет пистолета, у него вообще нет никакого оружия...» А он между тем уже незаметно перемещался по укутанной сумраком комнате. Берил могла разобрать лишь его силуэт, застывший у двери в боевой готовности. В ожидании нападения.

Стук в дверь заставил Берил резко, в панике вздрогнуть.

– Мадемуазель Тэвисток? – позвал мужской голос.

Берил не отвечала, не смея и рта раскрыть.

– Мадемуазель? – снова раздался голос.

Ричард яростно жестикулировал в темноте, пытаясь сказать: «Убирайся отсюда! Немедленно!» А Берил думала: «Я не могу оставить его. Не могу позволить бороться с ними в одиночку».

В замке стал поворачиваться ключ.

Времени просчитывать риски не было. Схватив прикроватную лампу, Берил с трудом пробралась к Ричарду и устроилась бок о бок с ним.

– Что это, черт возьми, ты делаешь? – зашептал он.

– Заткнись! – прошипела упрямица.

Ричард и Берил прижались к стене, напряженно слушая, как перед ними распахивается дверь. Повисла небольшая пауза – всего несколько сердцебиений, – и они уловили звук чьихто шагов, переступивших порог комнаты. Дверь медленно закрылась, и показались силуэты незваных гостей – двоих мужчин, стоявших в темноте. Берил чувствовала, как Ричард напрягся возле нее, готовясь к нападению, и почти могла слышать его тихий обратный отсчет: тридваодин... Внезапно он налетел на человека, который стоял ближе: удар был такой силы, что оба мужчины рухнули на пол.

Подняв лампу, Берил замахнулась и нанесла сокрушительный удар по голове второго злоумышленника. Тот мгновенно ослабел, ткнулся лицом в пол и застонал. Берил присела рядом с ним и принялась ощупывать его одежду, ища оружие. Через ткань пиджака, прямо под рукой поверженного, она почувствовала какойто твердый комок. Кобура?

Берил перекатила его на спину. Только тогда, когда полоска света из полуприкрытой двери упала на лицо незваного гостя, она поняла их с Вулфом ошибку.

– О боже! – воскликнула Берил. Она бросила взгляд на Ричарда, который схватил своего противника за воротник и уже приготовился с силой отшвырнуть того к стене.

– Ричард, не делай этого! – пронзительно закричала она. – Не бей его!

Вулф помедлил, все еще крепко сжимая воротник соперника в своих кулаках.

– Нет? Какого черта, почему? – недоуменно произнес он.

– Потому что это не те, кто мы думаем, вот почему!

Берил потянулась к настенному выключателю, и в следующее мгновение сверху устремился поток света. От этой неожиданной яркости Ричард зажмурился, а когда открыл глаза, увидел прямо перед собой… менеджера отеля, который испуганно съежился в его руках. Обернувшись, Вулф посмотрел на человека, стонавшего у двери. Это был Клод Домье.

Ричард ослабил мертвую хватку, выпустив менеджера, который тут же в ужасе отшатнулся.

– Прошу прощения, – сказал Ричард. – Это моя ошибка.

* * *

– Если бы я только знала, что это вы, – корила себя Берил, прижимая пакет со льдом к голове Домье, – я бы не стала бить так сильно.

– Если бы вы знали, что это я, – слабо произнес Домье, – хочется верить, что вы вообще не стали бы меня бить.

Он выпрямился на кушетке, успев ухватить пакет со льдом прежде, чем тот соскользнул на пол. От потрясения француз даже стал путать родную речь с английскими словами.

– Черт возьми, чем вы воспользовались, дорогуша? Кирпичом?

– Лампой. И притом не слишком большой.

Берил бросила взгляд в сторону Ричарда и менеджера отеля. Оба выглядели изрядно потрепанными, особенно менеджер. Синяк под

глазом красноречиво свидетельствовал о мощном, поистине убийственном потенциале кулака специалиста по личной безопасности.

Теперь, когда ужасный эпизод с нападением был уже позади и все они надежно забаррикадировались в офисе менеджера, эта ситуация даже немного развеселила Берил. Подумать только: старший агент французской разведки повержен лампой! Ричард все еще потирал ушибленные суставы. А бедный менеджер отеля старательно держался от этих самых суставов на безопасном расстоянии. Возможно, Берил и посмеялась бы над этой нелепой картиной – если бы недавнее происшествие не было столь пугающим.

В дверь неожиданно ктото постучал. Берил в волнении напряглась всем телом, но сразу же облегченно перевела дыхание, увидев вошедшего полицейского. «Я все еще в напряжении, – подумала она, наблюдая за Домье и полицейским, которые о чемто говорили пофранцузски. – Все еще ожидаю худшего».

Наконец полицейский удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросила Берил.

– Выстрелы были сделаны с противоположного конца площади, – объяснил Домье. – Полиция нашла гильзы на крыше здания.

– А стрелявший? – спросил Ричард.

Домье с сожалением покачал головой:

– Исчез.

– Выходит, он все еще на свободе, – констатировал Вулф. – И мы не знаем, когда он нанесет новый удар.

Он взглянул на менеджера:

– А что с телефонным проводом? Кто мог его перерезать?

Бедняга отскочил на шаг назад, будто ожидая нового нападения.

– Я не знаю, месье! Одна из горничных сказала, что сегодня она несколько часов не могла найти свои ключи.

– Вот так, возможно, и проникли в номер.

– Никто из нашего персонала в этом не замешан! Все наши служащие тщательно проверены. Вы ведь знаете, как много важных гостей останавливается у нас!

– Я хочу повторно проверить благонадежность ваших сотрудников. Всех, абсолютно каждого.

Менеджер смиренно кивнул. И, все еще морщась от боли и прижимая руку к подбитому глазу, удалился из офиса.

Ричард принялся расхаживать по комнате, он небрежно дергал свой галстук, пытаясь ослабить узел.

– Итак, у нас есть злоумышленник, который перерезал телефонный провод. Снайпер, разместившийся на другой стороне площади. Винтовка высокой мощности, наведенная прямо на Берил. Клод, ситуация осложняется с каждой минутой.

– Почему меня пытались убить? – встряла Берил. – Что я такого сделала?

– Ты задаешь слишком много вопросов – вот что. – Ричард повернулся к Домье: – Ты был прав, Клод. В этом деле еще рано ставить точку, оно отнюдь не закончено.

– В номере нас было двое, Ричард, – заметила Берил. – Откуда ты знаешь, что целились именно в меня?

– Не я проходил мимо того окна.

– Но ты – сотрудник ЦРУ.

– С приставкой «экс». Не забывай, что я больше не связан с управлением. Я не представляю угрозы для кого бы то ни было.

– А я?

– Ты – да. Благодаря твоей фамилии – не говоря уже о твоем любопытстве. – Он взглянул на Домье. – Нам нужен безопасный дом, Клод. Ты можешь это устроить?

– У нас есть квартира в Пасси, мы используем ее для защиты свидетелей. Это как раз то, что вам подойдет.

– Кто еще знает об этом месте?

– Мои люди. Несколько сотрудников министерства.

– Чтото многовато.

– Это лучшее, что я могу предложить. Квартира оборудована системой сигнализации. И я вдобавок приставлю охрану.

Ричард помедлил, размышляя, взвешивая все риски. Недолго помолчав, он кивнул:

– Сегодняшнюю ночь можно будет провести там. А завтра придумаем чтонибудь еще. Возможно, купим билет на самолет.

Он выразительно посмотрел на Берил. На этот раз она и не думала возражать. При мысли о возвращении домой бедняжка почувствовала, как напряжение последних часов начало отступать. Еще секунду назад каждый нерв был натянут как струна, она была готова действовать – решительно и смело, теперь же фраза о самолете начинала звучать разумно. Все, что сейчас нужно Берил, – это совершить короткий перелет через ЛаМанш, и она будет в безопасности, в своем убежище в Четвинде. Этот выход казался таким простым, таким заманчивым. А еще она очень, очень устала…

Будто оцепенев, с несвойственным ей чувством отстраненности, Берил слушала, как Домье давал по телефону необходимые указания. Повесив трубку, Клод сказал:

– Я предоставлю вам машину и охрану. Одежду Берил доставят в квартиру позже. О, и Ричарду, без сомнения, понадобится это…

Домье залез внутрь своего пиджака и, вытащив из наплечной кобуры полуавтоматический пистолет, вручил его Ричарду:

– Даю напрокат. Это только между нами, разумеется.

– Ты уверен, что хочешь расстаться с оружием?

– У меня есть другое. – Домье отстегнул кобуру и тоже отдал ее другу. – Ты хоть помнишь, как всем этим пользоваться?

Ричард проверил патронную обойму и мрачно кивнул:

– Думаю, вспомнить придется.

В дверь постучал полицейский. Машина уже ждала у отеля. Ричард взял Берил за руку и помог ей подняться:

– Настал момент ненадолго исчезнуть из поля зрения. Ты готова?

Берил посмотрела на пистолет, который Вулф держал в руке, отметив про себя, как легко он управляется с оружием, как привычно засовывает его в кобуру. «Настоящий профессионал, – подумала она. Это превращение консультанта по безопасности в бывалого разведчика почти пугало. – Как хорошо я на самом деле знаю тебя, Ричард Вулф?»

Сейчас этот вопрос казался неуместным. Он был тем человеком, на которого Берил могла рассчитывать. Единственным человеком, которому она могла доверять.

И Берил покорно вышла следом за ним из комнаты.

* * *

– Здесь мы в безопасности. По крайней мере, сегодня вечером. – Ричард запер дверь квартиры на два замка и обернулся к ней.

Берил стояла в центре гостиной, обхватив руками плечи и глядя на него ошеломленным взглядом. Вулф с грустью отметил, что это была совсем не та дерзкая и упрямая Берил, которую он успел узнать.

Сейчас перед ним стояла женщина, лицом к лицу столкнувшаяся с самым настоящим кошмаром. Женщина, которая знала, что самое худшее еще не закончилось. Ричарду хотелось подбежать к ней, крепко прижать к себе и сказать, что никто не причинит ей зла, пока он рядом, но оба прекрасно знали, что это не так.

В полной тишине Ричард кружился по квартире, проверяя, надежно ли закрыты длинными и плотными шторами окна. Выглянув на улицу, он заметил двух охранников, следящих за домом, – одного у главного входа и еще одного позади здания. «Хорошо, что есть страховка, – заметил он про себя. – Нам помогут в том случае, если от моего внимания ускользнет нечто важное». А это неумолимо должно было случиться – рано или поздно, но ему нужно было поспать.

Удостоверившись, что все дверные замки надежно заперты, Ричард вернулся в гостиную. Берил сидела на диване – очень тихая, непривычно тихая. Она выглядела так, будто… потерпела сокрушительное поражение.

– С тобой все в порядке? – забеспокоился он.

Бедняжка лишь пожала плечами, давая понять, сколь неуместен этот вопрос, – в конце концов, сейчас у них есть заботы и поважнее.

Ричард снял пиджак и бросил его на стул.

– Ты, наверное, голодна. На кухне есть какаято еда.

Взгляд Берил скользнул по его фигуре, остановившись на наплечной кобуре.

– Почему ты оставил службу? – спросила она.

– Ты имеешь в виду Центральное управление?

Берил кивнула:

– Когда я увидела, как ты держишь этот пистолет, это… это меня просто поразило! Мне показалось, что ты привык обращаться с оружием.

Ричард уселся рядом с ней:

– Если это для тебя так важно, спешу заверить: я никогда никого не убивал.

– Но тебя учили делать это.

– Только в целях самообороны. А это далеко не то же самое, что убийство.

Она снова кивнула, будто заставляя себя согласиться с ним.

Вулф вытащил пистолет «глок» из кобуры и протянул Берил. Она посмотрела на оружие с явным отвращением.

– Да, я понимаю, что ты чувствуешь, – сказал Ричард. – Это полуавтоматический пистолет. Калибр девять миллиметров, семнадцать патронов в магазине. Некоторые считают его произведением искусства, мне же кажется, что к этому средству стоит прибегать лишь в крайнем случае. Надеюсь, мне все же не придется пускать его в ход.

Он положил «глок» на журнальный столик, и теперь пистолет покоился там, словно напоминание о жестокости и насилии.

– Посмотри его, если хочешь. Он не слишком тяжелый.

– Я предпочла бы не делать этого. – Берил вздрогнула и отвела взгляд. – Хотя его и не боюсь. Я имею в виду, что мне уже приходилось держать в руках оружие – винтовку. Мы ходили пострелять с дядей Хью. Правда, тогда я целилась по тарелочкам.

– Да уж, это явно не то же самое, что сейчас.

– Не то же самое определенно.

– Ты спросила, почему я оставил службу в ЦРУ. – Ричард показал на «глок»: – Это было одной из причин. Я никогда никого не убивал, и, надо сказать, не испытываю подобного желания. Работа в разведке была для меня игрой. Вызовом. И враги были хорошо известны – русские, восточные немцы. Но теперь…

Вулф взял пистолет со столика и задумчиво подержал его в руке.

– Мир превратился в сумасшедший дом. Я уже не могу сказать, кто мой враг. А еще я знал, что рано или поздно потеряю свои навыки. Мне казалось, что я уже начинаю их терять.

– Свои навыки?

– Понимаешь, все дело в возрасте. Тебе стукнуло сорок, и ты осознаешь, что уже не так ловок и быстр, как в двадцать. Успокаиваю себя тем, что с годами стал умнее, но на самом деле – осторожнее. Сейчас я не испытываю желания рисковать. – Он пристально посмотрел на Берил. – Рисковать чьейнибудь жизнью.

Она ответила на взгляд Ричарда. Внимательно глядя ей в глаза, он вдруг поймал себя на мысли, что на самом деле хочет ей сказать о том, например, что не может себе позволить рисковать однойединственной жизнью – ее жизнью. «И в какой момент все это перестало быть просто работой няньки? – спрашивал он себя. – Когда это стало чемто большим? Не обычным поручением – миссией. Навязчивой идеей».

– Ты пугаешь меня, Ричард, – произнесла Берил.

– Тебя пугает оружие.

– Нет, ты. Все то, чего я о тебе не знаю. Все эти секреты, которые ты так тщательно хранишь от меня.

– Обещаю: впредь я буду с тобой абсолютно честен.

– Но наше знакомство началось с полуправды. Ты не признался, что был знаком с моими родителями. Не рассказал, как они умерли. У меня такое ощущение, что мое детство возвращается – снова и снова! Голова дяди Хью вечно была забита разного рода тайнами. – Берил разочарованно вздохнула и отвела взгляд. – Теперь я вижу тебя… точно такого же, – раздосадованно добавила она.

Ричард нежно коснулся ее лица, развернув к себе.

– Эта проблема временная, – прошептал он. – До тех пор, пока все это не закончится…

Берил попрежнему смотрела на него – ее влажные глаза ярко блестели, волосы волнами сбегали по плечам. «Она хочет доверять мне, – понял Вулф. – Хочет, но боится».

Ричард больше не мог сдерживать свой порыв и поцеловал Берил. Один раз. И еще один. Теперь он уже чувствовал, как губы упрямицы покорно сдались на его милость, как все ее тело тает от его прикосновений. Он подарил ей третий поцелуй, мягко скользнув ладонями в ее восхитительные волосы, и теперь пальцы безнадежно запутались в этом шелке цвета воронова крыла. Берил чуть слышно вздохнула – это было восхитительное признание собственной капитуляции, приглашение к чемуто большему – и безвольно откинулась на диван.

Ричард потянулся к возлюбленной и тоже оказался на диване, устроившись сверху. Их губы снова встретились – это волнующее прикосновение напоминало электрический разряд. Берил обвила руками его шею, еще крепче прижав к себе… И вздрогнула. Этот проклятый пистолет все время напоминал о себе! Ей в грудь неожиданно уперлась кобура – уродливое напоминание обо всем, что произошло за этот день. Обо всем, что еще может случиться.

Ричард взглянул на лицо любимой, ее волосы, разметавшиеся по подушке, ее глаза, в которых ясно читался страх, смешанный со страстным желанием. «Не теперь, – мелькнуло в его голове. – И не так».

Вулф медленно отпрянул от Берил, и они сели. Какоето время несостоявшиеся любовники сидели рядом на диване – не касаясь друг друга, не разговаривая. Наконец Берил нарушила молчание.

– Я к этому не готова, – сказала она. – Я вручаю свою жизнь в твои руки, Ричард. Но мое сердце – это совсем другое дело.

– Я понимаю.

– Тогда поймешь и то, что я не поклонница Джеймса Бонда или когото, хоть отдаленно его напоминающего. Меня не впечатляют пистолеты или мужчины, которые их используют. – Берил поднялась и встала подчеркнуто далеко от дивана. Далеко от Ричарда.

– Так что же на самом деле тебя впечатляет? – спросил он. – Если твое воображение не поражают все эти мужские игрушки?

Она обернулась, и Вулф заметил, как по ее лицу пробежала едва заметная усмешка. «А вот это уже прежняя Берил, – подумал он. – Слава богу, она все та же!»

– Честный разговор, – ответила она. – Вот то, что производит на меня впечатление.

– В таком случае именно это ты и получишь. Обещаю.

Берил повернулась и направилась в спальню, на ходу бросив:

– Посмотрим.

* * *

Джордан не был поражен этим адвокатом – если честно, хваленый правовед его совсем не вдохновлял. У адвоката были сальные волосы и маленькие сальные усы, он говорил поан глийски с ярко выраженным акцентом второразрядного актера, играющего типичного француза. Он то и дело путался в ударениях, съедал окончания слов и постоянно перемежал речь возгласами «мон дье!». И все же, рассудил Джордан, раз Берил наняла этого человека, он должен быть одним из лучших адвокатов Парижа.

«Что ж, можете начинать меня дурачить», – думал Джордан, внимательно глядя на сидящего по другую сторону тюремного стола для допросов вкрадчивого месье Жарра.

– Не волнуйтесь, – сказал адвокат, – я обо всем позабочусь. В настоящее время я изучаю бумаги, и, смею вас заверить, в самое ближайшее время мы достигнем соглашения относительно вашего освобождения.

– А что с расследованием? – поинтересовался Джордан. – Оно продвигается?

– Очень медленно. Вы ведь знаете, как это бывает, месье Тэвисток. В таком большом городе, как Париж, полиция загружена работой. Вам стоит запастись терпением.

– А мой дядя? Вам удалось с ним связаться?

– Он выразил полное согласие с приведенным мной планом действий.

– Дядя приезжает в Париж?

– Он вынужден отложить поездку. Боюсь, дела держат его дома.

– Дома? Но я думал, что... – Джордан запнулся. Разве Берил не говорила, что дядя Хью отбыл из Четвинда в неизвестном направлении?

Месье Жарр поднялся изза стола.

– Можете быть уверены: все, что можно сделать, будет сделано. Я договорился с полицией, чтобы вас перевели в камеру с более комфортными условиями.

– Благодарю вас, – машинально отозвался Джордан, все еще ломая голову над странной информацией о дяде Хью.

Адвокат уже направился к двери, но Джордан успел его остановить, выдумав на ходу:

– Месье Жарр? А мой дядя случайно не упомянул, как прошли его... переговоры в Лондоне?

Адвокат оглянулся:

– Они все еще в самом разгаре, насколько мне известно. Но, уверен, он скоро расскажет вам все сам. – Адвокат поклонился на прощание. – Всего хорошего, месье Тэвисток. Надеюсь, новая камера покажется вам более приемлемой.

И он вышел из комнаты.

«Что, черт возьми, происходит?» – подумал Джордан. Он задавался этим вопросом всю дорогу к своей камере – своей новой камере.

Одного взгляда на пару темных личностей, находившихся внутри, вполне хватило, чтобы усилить его подозрения в адрес месье Жарра. Выходит, это и есть «более комфортные условия»?

Джордан с неохотой вошел в камеру и вздрогнул от лязга захлопнувшейся за ним двери. Тюремщик тут же удалился, его шаги эхом отозвались вдоль коридора.

Двое заключенных уставились на превосходные итальянские ботинки Джордана, которые так резко контрастировали с арестантской одеждой, в которую его обрядили.

– Добрый день, – поздоровался Джордан просто для того, чтобы хоть чтото сказать.

– Англичанин? – пофранцузски отозвался один из соседей по камере.

Стараясь не выдать волнения, Джордан ответил:

– Да. Англичанин.

Арестант хмыкнул и показал на пустую койку:

– Твоя.

Джордан подошел к койке, положил связанную в узел верхнюю одежду в ногах кровати и растянулся на матрасе. Пока двое заключенных о чемто болтали пофранцузски, Джордан попрежнему размышлял о сальном адвокате и о том, почему он солгал про дядю Хью. Если бы он только мог связаться с Берил, выяснить у нее, что же всетаки происходит...

Заслышав шаги, приближавшиеся к камере, Джордан сел на кровати. Это был охранник, который привел еще одного арестанта – шедшего вразвалочку лысеющего круглолицего мужчину с довольно приятным лицом. Этого малого можно было встретить скорее за прилавком пекарни, но никак не в тюрьме. «Он не похож на типичного уголовника, – мелькнуло в голове Джордана. – Впрочем, как и я».

Мужчина вошел в камеру и был направлен к четвертой, и последней койке. Необычный заключенный уселся на кровать, во всем его облике сквозило чувство глубочайшего потрясения – похоже, он был ошеломлен ситуацией, в которой оказался. Нового соседа по камере звали Франсуа, и из того, что смог разобрать Джордан со своими примитивными познаниями во французском, стало понятно: правонарушение мужчины было связано с прекрасным полом. Возможно, он к комуто приставал? Франсуа явно не горел желанием рассказывать о своих злоключениях. Он просто сидел на своей койке, уставившись в пол. «Для нас обоих все это в новинку», – подумал Джордан.

Двое других сокамерников все еще внимательно наблюдали за Тэвистоком. Это были угрюмого вида юнцы, возможно, довольно неуравновешенные. Джордан понял, что с такими лучше держать ухо востро.

Настало время ужина – арестантам принесли отвратительного вида гуляш, к которому дали французскую булку. Глядя на мутную коричневую подливку, Джордан с тоской вспоминал вчерашний ужин – тушеного лосося и жареную утку. Впрочем, иной альтернативы не существовало: нужно было подкрепиться, невзирая на обстоятельства.

Какая жалость, что здесь нет бутылки вина, чтобы запить всю эту ужасную пищу! Очень кстати пришлось бы изысканное божоле или

просто обычное бургундское. Откусив немного гуляша, Тэвисток решил, что сейчас был бы рад и бутылке плохого вина – хоть чемунибудь, что помогло бы немного притупить вкус этой подливки. Джордан заставил себя проглотить всю отраву и тихо поклялся, что, когда выйдет из тюрьмы – если, конечно, он вообще отсюда выйдет, – первым делом направится в приличный ресторан.

В полночь свет в камере погас. Растянувшись на жалкой койке, Джордан отчаянно пытался уснуть, но не мог. Вопервых, его сокамерники храпели так, что, казалось, могли разбудить мертвых. А вовторых, события прошедшего дня снова и снова всплывали в его памяти. Та поездка с Колетт по бульвару СенЖермен… Джордан вспоминал, с какой тревогой она смотрела в зеркало заднего вида. Эх, если бы только он обратил на это должное внимание, попытался разглядеть, не следует ли ктото за ними до отеля!

Джордан невольно вспоминал и о том ужасе, который охватил его, когда он обнаружил в автомобиле тело Колетт, почувствовал на своих руках ее кровь… Вся душа Джордана буквально кипела от ярости, бессильного гнева, стоило подумать о ее смерти. «Это моя ошибка», – корил он себя. Если бы она не присматривала за ним, не защищала его…

Неожиданно Тэвисток подумал о том, что погиблато Колетт не поэтому. В конце концов, когда это произошло, его рядом не было. Итак, почему же ее убили? Может быть, она знала чтото, видела чтото… или когото?

И мысли Джордана устремились в новом направлении. Колетт наверняка видела лицо, мелькнувшее в зеркале заднего вида, – лицо в машине, следовавшей за ними. После того как девушкаагент высадила Джордана у «Рица», возможно, она заметила этого человека снова. Или он увидел Колетт и понял, что она может его вспомнить. Выходит, Колетт была знакома со своим убийцей и узнала его.

Джордан был полон решимости сложить все разрозненные детали в одну мозаику, поэтому совершенно не обратил внимания на скрип пружин чьейто койки. Только когда до его слуха донесся мягкий шорох движений, он понял, что один из сокамерников приближается к его кровати.

В кромешной темноте Джордан мог различить лишь размытую фигуру, которая явно направлялась к нему. «Один из тех молодых бандитов, – решил он. – Собирается свистнуть мой пиджак».

Тэвисток лежал совершенно неподвижно, стараясь дышать как можно более глубоко и ровно. «Пусть этот трус думает, что я сплю, –

промелькнуло в его голове. – Когда он подберется достаточно близко, я его удивлю».

А тень попрежнему тихо скользила сквозь темноту. Вот до кровати осталось всего шесть шагов, теперь пять… Сердце Джордана стремительно колотилось, а мускулы уже напряглись, приготовившись действовать. «Еще поближе, – думал он, – и еще немного ближе. Он наверняка полезет в пиджак, который лежит в ногах кровати…»

Но вместо этого злоумышленник подкрался к голове Джордана. Слабой дугой мелькнула тень – это занеслась рука, готовая к удару. Тэвисток успел выбросить свою руку в тот момент, когда соперник напал на него. Он поймал противника за запястье, услышав возглас изумления. И в следующую секунду нападавший обрушил на него свободную руку. Джордан ловко уклонился от удара и стремительно сорвался с койки. Все еще удерживая преступника за запястье, он с силой вывернул ему руку, заставив взвизгнуть от боли. Теперь противник извивался, пытаясь вырваться, но Джордан держал его мертвой хваткой. Нет, он не позволит этому трусу выйти сухим из воды, не выучив горький урок! Джордан с силой отбросил нападавшего и с удовлетворением услышал глухой стук тела о бетонную стену.

Злоумышленник поднялся и снова бросился в драку, но Джордан оттолкнул его. На сей раз оба свалились на чужую койку, приземлившись прямо на спящего заключенного. Нападавший, которого все еще крепко удерживал Тэвисток, вдруг скорчился и задергался. Джордан внезапно осознал, что этот человек больше не борется, пытаясь освободиться, – он агонизирует, извиваясь в конвульсиях.

Снаружи послышались шаги, и вскоре камера озарилась светом. Охранник завопил Тэвистоку чтото пофранцузски.

Джордан наконецто выпустил противника из рук и отпрянул в изумлении: это был круглолицый Франсуа. Он распростерся на кровати – конечности все еще дергались, глаза уже закатились. Молодой уголовник, на которого яростно рухнул Франсуа, буквально выкатился изпод агонизирующего тела и теперь в ужасе смотрел на эту зловещую картину.

Франсуа издал последний хрип предсмертной муки и затих. Несколько секунд присутствовавшие молча наблюдали за ним, ожидая, что он хотя бы шелохнется. Но Франсуа лежал неподвижно.

Охранник завопил снова, вызывая подкрепление, и в камеру сбежались другие тюремщики. Криком приказав заключенным держаться в

стороне, они бросились вперед и склонились над неподвижным Франсуа. Потом медленно выпрямились и взглянули на Джордана.

– Он мертв, – тихо произнес один из охранников.

– Но это… это невозможно! – вскричал Тэвисток. – Как он может быть мертвым? Я не бил его так сильно!

Охранники продолжали таращиться на него. Двое других заключенных взглянули на Джордана с чемто вроде уважения и предусмотрительно отошли в дальний угол камеры.

– Дайте мне посмотреть на него! – потребовал Джордан.

Обойдя охранников, он опустился на колени рядом с Франсуа. Одного взгляда на тело хватило, чтобы понять: они не ошиблись. Франсуа был мертв.

Джордан в недоумении тряхнул головой:

– Не понимаю…

– Месье, вы пойдете с нами, – сказал один из охранников.

– Я не мог его убить!

– Но вы лично убедились в том, что он мертв.

Взгляд Джордана вдруг сфокусировался на тонкой струйке крови, сочащейся вниз по щеке Франсуа. Он нагнулся ниже – и только тогда заметил тонкую, как игла, точку, будто чтото пронзило кожу головы мертвеца. Этот след, словно от укуса, был почти незаметен у виска, прикрытого волосами с проседью.

– Какого черта.. – пробормотал Джордан.

Он быстро окинул взором пол в поисках шприца или любого другого подходящего орудия для инъекций, которое, возможно, и оставило след от иглы. Но ни на полу, ни на кровати ничего подозрительного не было. Тогда Джордан посмотрел вниз, на руку мертвеца, и заметил, что в его левом кулаке чтото сжато. Тэвисток раскрыл закоченевшие пальцы, и на покрывало выпал какойто предмет. Это была шариковая ручка.

Джордана тут же оттащили назад и грубо пихнули к двери камеры.

– Идите, – приказал охранник. – Ну же, вперед!

– Куда?

– Туда, где вы не сможете никого травмировать.

Охранник вытолкал Джордана в коридор и закрыл за ним дверь камеры. Тэвисток успел мельком увидеть своих теперь уже бывших соседей, таращившихся на него в благоговейном ужасе. Затем его повели вниз по коридору до одиночной камеры, очевидно предназначавшейся для наиболее опасных заключенных: двойные решетки, никаких окон и мебели, лишь бетонная плита, чтобы лежать. И яркий свет, безжалостно, неустанно бьющий с потолка.

Джордан опустился на плиту и принялся ждать. «Чего? – спрашивал он себя. – Еще одного нападения? Очередной смерти? Неужели этот кошмар может стать еще хуже?»

Прошел час. Он не мог спать – мешал ослепительный свет, сиявший над головой. Неожиданно раздавшиеся шаги и бряцание ключей предупредили его о приходе посетителя. В следующую секунду Джордан через решетки увидел охранника и хорошо одетого джентльмена с портфелем.

– Месье Тэвисток? – осведомился джентльмен.

– Поскольку тут никого больше нет, – пробормотал Джордан, поднимаясь на ноги, – боюсь, что это я.

Охранник отпер дверь, и мужчина с портфелем вошел в камеру. Он с тревогой оглядел спартанскую обстановку камерыодиночки.

– Эти условия… Они просто возмутительны! – сказал джентльмен.

– Да. И этим я обязан своему замечательному адвокату, – ответил Джордан.

– Но ваш адвокат я. – Мужчина протянул руку, приветствуя Джордана. – Анри Лоран. Я приехал бы быстрее, но находился в опере. Я получил задание от месье Вэйна всего час назад. Он сказал, что дело не терпит отлагательств.

Джордан в замешательстве тряхнул головой:

– Вэйн? Так вас прислал Реджи Вэйн?

– Ваша сестра обратилась с просьбой о моих безотлагательных услугах. И месье Вэйн…

– Вас наняла Берил? Но кто же тогда, черт возьми, это был… – Джордан неожиданно запнулся, осознав, что странные события начинают приобретать смысл. Ужасный смысл. – Месье Лоран, – сказал Джордан, – несколько часов назад я виделся с адвокатом. Месье Жарром.

Лоран нахмурился:

– Но меня не предупредили о том, что делом будет заниматься другой адвокат.

– Он утверждал, что его наняла моя сестра.

– Но я говорил с месье Вэйном. Он сказал, что мадемуазель Тэвисток просила именно о моих услугах. Как, вы сказали, фамилия того, другого адвоката?

– Жарр.

Лоран покачал головой:

– Я не знаю подобного адвоката, который специализировался бы в области уголовного права.

Джордан несколько секунд сидел молча, потрясенный ужасной догадкой. Потом медленно поднял голову и взглянул на Лорана:

– Думаю, вам лучше связаться с Реджи Вэйном. Немедленно.

– Но почему?

– Они уже пытались убить меня сегодня ночью. – Джордан решительно тряхнул головой. – Если все это продолжится, месье Лоран, то к утру я уже могу быть мертв.

Глава 8

Они снова гнались за ней. Черные охотничьи собаки неслись по лесу, усыпанному высохшими листьями. Берил услышала, как гончие прошуршали через пролесок, и поняла, что они приближаются.

Она схватила Фрогги под уздцы, изо всех сил пытаясь ее успокоить, но кобыла явно впала в панику. Неожиданно Фрогги вырвалась из крепкой хватки Берил, словно взбесившись.

В этот момент на Фрогги и напали собаки. Они в мгновение ока вцепились в шею лошади и принялись терзать, рвать ее своими острыми как бритва зубами. Фрогги взревела – это был почти человеческий крик,

в котором ясно угадывался страх. «Нужно спасти ее, – подумала Берил. – Отогнать этих собак подальше». Но ее ноги словно вросли в землю. Потеряв способность двигаться, она могла лишь стоять и в ужасе смотреть, как у Фрогги подкосились колени и та рухнула на лиственный покров леса. Собаки с окровавленными пастями обернулись и посмотрели на Берил.

Она проснулась, задыхаясь, лихорадочно отбиваясь и царапаясь. Только когда приступ паники отступил, Берил услышала, как Ричард зовет ее по имени. Повернувшись, она увидела Вулфа, стоявшего в дверном проеме. Лампа сияла в комнате позади него, слабо освещая его голые плечи.

– Берил? – снова позвал Ричард.

Она глубоко вздохнула, все еще пытаясь стряхнуть с себя последние воспоминания о кошмарном сне.

– Я не сплю, – ответила она.

– Думаю, тебе пора вставать.

– Который час?

– Четыре утра. Только что звонил Клод.

– Что произошло?

– Он хочет, чтобы мы встретились с ним в полицейском участке. Как можно быстрее.

– В полицейском участке? – Берил резко села в кровати, пораженная ужасной мыслью. – Джордан? С ним чтото случилось?

В полумраке она увидела, как Ричард кивнул:

– Ктото пытался его убить.

* * *

– Хитроумное устройство, – сказал Клод Домье, осторожно положив шариковую ручку на стол. – Игла для подкожных инъекций, вводится под давлением на шприц. Один укол – и препарат попадает в организм жертвы.

– Что за препарат? – спросила Берил.

– Мы еще исследуем его состав. Вскрытие будет произведено утром. Но уже сейчас понятно, что именно этот препарат – независимо от того, что это было, – стал причиной смерти. На теле погибшего нет серьезных травм, которые могли бы объяснить все иначе.

– Значит, Джордана не обвинят еще и в этой смерти? – облегченно выдохнула Берил.

– Вряд ли. Его поместили в изолятор, там нет других заключенных, двойная охрана. Новых инцидентов быть не должно.

Дверь конференцзала открылась, и на пороге возник Джордан, которого сопровождали два охранника. «Боже праведный, как ужасно он выглядит!» – мелькнуло в голове Берил, когда она мигом слетела со своего стула и бросилась ему на шею. Берил никогда еще не видела своего брата таким неопрятным. Его подбородок был покрыт толстой белой щетиной, тюремная одежда повисла складками. Но стоило Берил оторваться от брата и взглянуть в его глаза, как она увидела прежнего Джордана – жизнерадостного и ироничного, как обычно.

– Ты не пострадал? – обеспокоенно спросила она.

– Ни царапины, – заверил Джордан. – Ладно, возможно, совсем немного, – поправился он, хмуро оглядев ссадины на кулаке. – Просто трагедия для моего маникюра!

– Джордан, клянусь, я никогда не нанимала адвоката по фамилии Жарр. Этот человек тебя обманул.

– Я так и подозревал.

– Человек, которого я на самом деле наняла, – это Лоран, и Реджи уверяет, что он – лучший в своем деле.

– Боюсь, даже лучший адвокат не сможет вытащить меня из этой переделки, – безутешным тоном заметил Джордан. – Похоже, мне суждено надолго стать обитателем этого замечательного учреждения. Если, конечно, здешняя еда не убьет меня сразу.

– Ты можешь хоть раз поговорить серь езно?

– Разумеется, но ты ведь не пробовала тот гуляш!

Берил в раздражении обернулась к Домье:

– А что по поводу погибшего? Кем он был?

– Согласно досье регистрации арестов, – ответил Домье, – его звали Франсуа Парментье, он работал швейцаром. Его обвиняли в нарушении общественного порядка.

– Как же он попал в камеру Джордана? – спросил Ричард.

– Кажется, этот адвокат, Жарр, обратился со специальным запросом, попросив поместить двух его клиентов в одну камеру.

– Это ведь был не просто запрос, – поправил Ричард. – Он наверняка дал комуто взятку. Очевидно, что Жарр и мертвец были одной командой.

– На кого же они работали? – осведомился Джордан.

– На того же, кто пытался убить Берил, – ответил Ричард.

– Что???

– Несколько часов назад. Стреляли из высокомощной винтовки, прямо в окна ее гостиничного номера.

– И после этого она все еще в Париже? – Джордан обернулся к сестре: – Так не пойдет. Ты отправишься домой, Берил. И уедешь немедленно.

– Я пытался убедить ее в этом, – пожаловался Ричард. – Но она не слушает.

– Разумеется, она и не будет. Моя дорогая сестренка никогда никого не слушает! – Джордан бросил в сторону Берил сердитый взгляд. – Но в данный момент тем не менее у тебя нет выбора.

– Ты прав, Джорди, – отозвалась Берил. – У меня нет выбора. И именно поэтому я остаюсь.

– Но ты можешь погибнуть!

– Так же, как и ты.

Они стояли друг против друга, и никто не желал уступать. «Это тупик, – подумала Берил. – Он волнуется обо мне, я – о нем. И мы оба – Тэвистоки, а это означает, что ни один из нас никогда не признает поражение. Но у меня есть определенное преимущество. Он сидит в тюрьме. Я – нет».

Раздосадованный, Джордан повернулся и устало опустился на стул.

– Ради всего святого, повлияйте на нее, Вулф! – пробормотал он.

– Я пытаюсь, – отозвался Ричард. – А между тем мы все еще не ответили на главный вопрос: кто так настойчиво добивается смерти вас двоих?

Они на мгновение притихли. Затуманенным от усталости взором Берил посмотрела на брата, размышляя о том, что всегда считала его самым умным в семье. Уж если Джордан не может понять, в чем дело, кому это вообще по силам?

– Ключ к разгадке, – между тем рассуждал Джордан, – это Франсуа, тот погибший.

Он взглянул на Домье:

– Что еще вы знаете о нем? О друзьях, семье?

– Только о сестре, – сказал Домье. – Она живет в Париже.

– Ваши люди уже беседовали с ней?

– В этом нет ни малейшего смысла.

– Но почему?

– Она… как бы это сказать… – Домье задумчиво похлопал себя по лбу, вспоминая нужное слово поанглийски. – Умственно отсталая. Она живет в частной лечебнице «Святое сердце». Медсестры утверждают, что она не может говорить и у нее очень слабое здоровье.

– А что насчет его работы? – напомнил Ричард. – Ты говорил, что он работал швейцаром.

– Да, в галерее «Анника». Это картинная галерея в Отейе, уважаемое заведение. Известно своей коллекцией работ современных художников.

– И что говорят о нем в галерее?

– Я лишь кратко переговорил с самой Анникой, владелицей галереи. Она говорит, что этот Франсуа был тихим человеком, очень надежным, проверенным. Чуть позже этим утром она ответит на все вопросы. – Клод взглянул на часы. – А между тем, как мне кажется, нам всем не помешает немного поспать. По крайней мере, несколько часов.

– А что насчет Джордана? – в тревоге спросила Берил. – Как я могу быть уверена, что здесь он в полной безопасности?

– Как я уже сказал, он будет содержаться в одиночной камере. В строгой изоляции…

– Это может быть ошибкой, – перебил Ричард. – Не будет никаких свидетелей.

– Если с ним хоть чтонибудь случится… – содрогнулась от ужаса Берил.

Джордан кивнул:

– Вулф прав. Я бы чувствовал себя намного более безопасно, если бы делил с кемнибудь камеру.

– Но они могут запереть тебя с очередным наемным убийцей! – всполошилась Берил.

– Я знаю только тех типов, с которыми сидел в камере, – сказал Джордан. – Парочка довольно безобидных парней. Надеюсь, безобидных.

Домье кивнул:

– Я все устрою.

Берил было мучительно больно видеть, как уводят Джордана. Ненадолго задержавшись в дверном проеме, он помахал сестре на прощание. В этот момент Берил осознала, что она переживает всю эту ситуацию намного тяжелее, чем он. «Но это – прежний Джорди, – подумала она. – Никогда не теряет присутствия духа».

Когда они вышли из здания полиции, первые всполохи зари окрасили небо, и звуки уличного движения уже начинали постепенно нарастать. Берил, Ричард и Домье стояли на тротуаре, едва держась на ногах от усталости.

– Джордан будет в безопасности, – заверил Домье. – Я прослежу.

– Я хочу, чтобы он был больше чем в безопасности, – откликнулась Берил. – Я хочу, чтобы он вышел из тюрьмы.

– Для этого мы должны доказать его невиновность.

– Тогда именно этим мы и займемся, – сказала она.

Домье посмотрел на Берил покрасневшими от бессонницы глазами. Сейчас он казался старше своих лет, этот милый, дружелюбный француз, на лице которого годы проложили глубокие морщины.

– Все, что вы должны делать, моя дорогая, – это быть начеку, – сказал он. – И оставаться вне поля зрения.

Домье направился к своей машине, на ходу пообещав:

– Сегодня вечером мы поговорим снова.

К тому времени как они с Ричардом вернулись в свою квартиру в Пасси, Берил то и дело клевала носом. Последняя вспышка напряженности миновала, и былая энергия стала стремительно покидать ее. «Слава богу, Ричард, похоже, держится молодцом», – мелькнуло в голове Берил, когда они вышли из машины. Если бы она окончательно ослабела, он мог бы протащить ее последние футы до квартиры.

Что, собственно, Ричарду и пришлось сделать. Обвив рукой Берил за талию, он провел ее через дверь, помог подняться по коридору и войти в спальню. Там он усадил ее на кровати.

– Спи, – сказал Ричард. – Можешь спать столько, сколько нужно.

– Думаю, мне понадобится как минимум неделя, – пробормотала Берил.

Он улыбнулся в ответ. И хотя сон уже затуманивал взор бедняжки, она довольно отчетливо видела его лицо, в который раз безошибочно улавливая вспышку притяжения между ними. И эта вспышка, как обычно, готова была в любую минуту разгореться ярким огнем страсти.

Даже теперь, в этом измученном, совершенно обессиленном состоянии, картины чувственного желания мелькали в ее сознании. Берил вспоминала, как Ричард стоял без рубашки в дверном проеме спальни и свет лампы поблескивал на его сильных плечах. Она думала о том, как легко, должно быть, заманить его в свою постель, попросить об объятии, поцелуе… И еще о чемто большем, значительно большем. «Слишком сильна между нами эта проклятая «химия», нас неумолимо влечет друг к другу, – размышляла она. – Это сбивает меня с толку, мешает сосредоточиться на важных делах. Стоит мне бросить на него лишь один взгляд, вдохнуть его запах, и все, о чем я могу думать, – это о том, как привлечь его к себе, оказаться с ним в одной постели».

Ричард нежно поцеловал ее в лоб.

– Я буду по соседству, – сказал он и вышел из комнаты.

Слишком усталая, чтобы раздеваться, Берил легла на кровать прямо в одежде. Из окна в комнату проникал яркий дневной свет, звуки уличного трафика становились все громче. «Если весь этот кошмар закончится, – подумала Берил, – мне придется некоторое время избегать Ричарда. Только для того, чтобы вернуть себе обычное здравомыслие». Да,

именно это она и сделает! Скроется в Четвинде. Подождет, пока это безумное притяжение между ними исчезнет.

Берил была полна решимости осуществить задуманное, но стоило ей закрыть глаза – и перед ней снова предстал Ричард, все эти сладострастные картины, еще более яркие и соблазнительные, чем когдалибо. Эти мечты неотступно преследовали Берил, вторгаясь в ее сны.

* * *

Ричард проспал пять часов и поднялся незадолго до полудня. Приняв душ и подкрепившись яйцами и тостом, он ощутил, как возвращается к нему прежняя энергия. В этом дне осталось так мало часов на то, чтобы переделать уйму дел, поэтому сон в числе его приоритетов занимал одно из последних мест.

Взглянув на Берил, Ричард увидел, что она еще спит. Хорошо. К тому времени, когда она проснется, он как раз вернется из своей поездки. И все же Ричард на всякий случай решил оставить записку на тумбочке: «Ушел ненадолго. Вернусь около трех. *Р.* » Потом он машинально, не задумываясь, положил около записки пистолет. «Если понадобится, она сможет воспользоваться оружием», – рассудил он.

Убедившись, что два охранника все еще берегут покой Берил, Ричард вышел из квартиры, надежно заперев за собой дверь. Первым пунктом его плана было посещение дома номер 66 по улице Мира – здания, в котором погибли Мэдлин и Бернард.

В который раз пробегая глазами донесение полиции, Ричард снова и снова останавливался на показаниях домовладельца. Месье Ридо утверждал, что обнаружил тела днем 15 июля 1973 года, о чем сразу же и уведомил полицию. На допросе он заявил, что мансарду сняла мадемуазель Скарлатти, которая бывала здесь крайне редко и платила за наем квартиры наличными. Время от времени из мансардного жилища доносились стоны, хныканье и звуки мужского голоса. Но единственным человеком, с которым месье Ридо сталкивался лицом к лицу, была мадемуазель Скарлатти. Она постоянно носила косынки и солнечные очки, что не давало домовладельцу получить четкое представление о ее внешности. Тем не менее месье Ридо уверял: погибшая женщина и была той самой весьма привлекательной особой, Скарлатти. А мертвый мужчина? Нет, хозяин дома никогда прежде его не видел.

Спустя три месяца после дачи этих показаний месье Ридо продал дом и уехал из страны в сопровождении своей семьи. Эта последняя деталь

истории значилась лишь в сноске к полицейскому отчету: «Владелец дома для дачи показаний теперь недоступен. Покинул Францию».

Разумеется, у Ричарда возникло подозрение, что спешный отъезд месье Ридо из страны мог быть самой важной ниточкой, которая и приведет в конечном счете к разгадке. Если бы он только мог установить нынешнее местонахождение бывшего домовладельца и расспросить его о событиях двадцатилетней давности…

Ричард стучал в дверь каждой квартиры этого злосчастного здания, но не получил ни малейшего намека на продвижение расследования. Двадцать лет были слишком большим сроком: одни люди въезжали в дом, другие – уезжали. И никто, ровным счетом никто не помнил никакого месье Ридо.

Выйдя из дома, Ричард остановился на тротуаре. Мимо по улице катился мяч, за которым неслась ватага чумазых ребятишек. Рассеянно наблюдая за этим клубком грязных ног и рук, Вулф думал о том, что этот футбольный матч, должно быть, длится бесконечно.

Над детскими головами он заметил пожилую женщину, сидевшую на крыльце соседнего дома. Ричард предположил, что ей должно быть по крайней мере семьдесят лет. Возможно, она живет здесь достаточно давно, чтобы помнить бывших обитателей этой улицы.

Подойдя к женщине, он учтиво заговорил с ней пофранцузски:

– Добрый день.

Старушка расплылась в доброй беззубой улыбке.

– Я пытаюсь найти когонибудь, кто помнит месье Жака Ридо. Это человек, который владел вот тем зданием. – Ричард показал в сторону дома номер 66.

Пожилая женщина ответила ему пофранцузски:

– Он уехал отсюда.

– Выходит, вы его знали?

– Его сын частенько бывал у меня дома.

– Насколько мне известно, вся его семья покинула Францию.

Старуха кивнула:

– Они перебрались в Грецию. И что вы думаете, он ухитрился неплохо там устроиться! Как, ну как ему это удалось, а? С егото старой машиной, с этой потрепанной одеждой, в которой ходили его дети! Зато теперь они живут на собственной вилле. – Женщина горестно вздохнула. – А я осталась здесь, и мне отсюда уже никогда не выбраться.

– Вилла? – нахмурился Ричард.

– Я слышала, что у них вилла, прямо у моря. Конечно, все это может быть и неправдой – их парнишка в свое время любил присочинить. Почему же сейчас он должен быть честным? Но он уверял, что живут они на вилле с колоннами, увитыми цветами. – Старушка рассмеялась. – Они, должно быть, давно уже умерли.

– Семья Ридо?

– Цветы. Они не могли вспомнить даже о том, чтобы полить свои горшки с геранью.

– Вы знаете, где именно в Греции они живут?

Пожилая дама пожала плечами:

– Гдето около моря. Впрочем, разве не вся Греция расположена у моря?

– А точное название местечка?

– И почему я должна помнить подобные вещи? В конце концов, он ведь был не моим бойфрендом.

Расстроенный, Ричард уже собрался уходить, то тут внезапно осознал, что именно сказала старушка.

– Вы имеете в виду, что сын бывшего владельца дома был бойфрендом вашей дочери?

– Моей внучки.

– Он звонил ей? Писал какиенибудь письма?

– Совсем немного. Только о том, как он устроился на месте. – Она покачала головой. – Эх, молодежь, молодежь… Никакой преданности!

– И ваша внучка сохранила хоть одно из этих писем?

Пожилая женщина рассмеялась:

– Абсолютно все. Чтобы напоминать своему мужу, какой бесценный клад ему достался.

От Ричарда потребовалось не слишком много усилий, чтобы получить приглашение в квартиру старухи. Это было темное, тесное жилище. За кухонным столом, грызя кусочки хлеба, сидели два маленьких ребенка. Женщина лет тридцати пяти запихивала ложку каши в рот младенца.

– Он хочет взглянуть на письма Жерара, – обратилась к ней бабушка.

Мать троих детей с подозрением воззрилась на Ричарда.

– Мне очень нужно поговорить с его отцом, – объяснил тот.

– Отец Жерара не хочет, чтобы о его местонахождении знали, – ответила молодая женщина и вновь принялась кормить ребенка.

– Почему не хочет?

– Откуда я знаю? Жерар мне не говорил.

– Это имеет отношение к убийствам? К смерти двух англичан?

Она на секунду задумалась, ложка застыла на полпути ко рту ребенка.

– Вы англичанин?

– Нет, американец. – Ричард уселся за стол напротив нее. – Вы помните эти убийства?

– Это было давнымдавно. – Она вытерла лицо ребенка. – Мне было всего пятнадцать.

– Жерар писал вам письма, а потом перестал. Почему?

С губ женщины сорвался горький смешок.

– Он просто потерял ко мне интерес. С мужчинами так всегда.

– Или с ним, возможно, чтото случилось. Вероятно, он просто не мог вам написать. Хотел, очень хотел, но не мог.

Она снова ненадолго задумалась.

– Если я поеду в Грецию, могу разузнать об этом от вашего имени. Мне лишь нужно знать название места, в котором они живут, – искушал Ричард.

Женщина несколько минут посидела молча, размышляя над заманчивым предложением. Потом вытерла перепачканный кашей рот младенца, задумчиво посмотрела на двух детей постарше – вечно сопливых, шумных, ноющих… «Она только и мечтает, что сбежать отсюда подальше, – догадался Ричард. – Как бы ей хотелось, чтобы жизнь начала течь в другом русле! Хоть в какомнибудь ином. И сейчас она думает о давно потерянном бойфренде, о том, что для них двоих все могло бы сложиться иначе – там, на этой вилле у моря…»

Наконец женщина встала изза стола и прошла в другую комнату. Спустя минуту она вернулась, положив на стол тонкую связку писем. Их было всего четыре – определенно не рекорд преданности. Каждое из посланий было заботливо вложено в свой конверт. Ричард бегло пробежал содержание писем – типичное излияние юношеской тоски: «Я вернусь к тебе. Я буду любить тебя вечно. Не забывай меня никогда…» К четвертому посланию страсть явно охладилась.

Обратного адреса не было – ни на письмах, ни на конвертах. Очевидно, местонахождение семьи необходимо было держать в тайне. Но на одном из конвертов был ясно пропечатан почтовый штемпель: Парос, Греция.

Ричард вернул письма женщине. Она на мгновение бережно прижала послания к груди, словно наслаждаясь сладостными воспоминаниями. «Это было так давно, словно в другой жизни, – будто говорила она. – И посмотри, любимый, что со мною стало…»

– Если вы найдете Жерара… если он все еще жив, – тихо произнесла женщина, – спросите его…

– О чем? – вежливо отозвался Ричард.

Она вздохнула:

– Спросите его, помнит ли он обо мне.

– Я обязательно спрошу.

Женщина еще немного подержала письма в руках. Потом, еще раз горько вздохнув, отложила их в сторону и взялась за ложку. В полном молчании она вернулась к кормлению ребенка.

* * *

Следующим пунктом плана Ричарда, который нужно было выполнить перед возвращением на тайную квартиру, был визит в частную лечебницу «Святое сердце».

Это учреждение производило намного более тягостное впечатление, чем то, которое Ричард посещал днем раньше, беседуя с бывшим инспектором Бруссаром. Здесь не было никаких отдельных комнат, никаких улыбчивых монахинь, услужливо скользящих по коридорам. Это было нечто, недалеко ушедшее от тюрьмы, и при этом явно переполненное: в одной палате ютились по тричетыре пациента, многие из которых были привязаны к своим кроватям.

Жюли Парментье, умственно отсталая сестра Франсуа, занимала самую мрачную комнату лечебницы. Едва одетая, она лежала на покрытом полиэтиленом матрасе. Ее руки покрывали защитные перчатки, талию обвивал широкий пояс, концы которого были прикреплены к кровати – достаточно свободно, чтобы пациентка могла переворачиваться из стороны в сторону, но одновременно и надежно, так, чтобы она не могла сесть. Жюли, казалось, едва ли заметила присутствие Ричарда: вместо того, чтобы взглянуть в сторону посетителя, она застонала и уставилась в потолок.

– Она в таком состоянии уже много лет, – объяснила медсестра. – Когда ей было двенадцать лет, произошел несчастный случай: она упала с дерева и разбила голову о камни.

– Она вообще не может говорить? Не в состоянии общаться?

– Когда к ней приходил брат Франсуа, он говорил, что она может улыбаться. И настаивал, что видел это. Но... – Медсестра пожала плечами. – Я ничего подобного не замечала.

– А брат часто ее навещал?

– Каждый день. В одно и то же время – в девять утра. И оставался вплоть до ланча, до тех пор, пока ему не нужно было идти на работу в галерею.

– И он каждый день так подолгу просиживал у нее?

– Да. А по воскресеньям уходил еще позже – в четыре дня.

Ричард внимательно посмотрел на женщину, лежавшую на кровати, и попытался представить, каково было Франсуа часами просиживать в этой палате, с ее шумом и запахами. Посвящать каждый свободный час собственной жизни сестре, которая даже не могла узнать его лицо.

– Это такая трагедия! – вздохнула медсестра. – Он был хорошим человеком, этот Франсуа.

Они вышли из палаты, подальше от несчастной, вызывающей жалость пациентки, прикованной к своей полиэтиленовой простыне.

– Что же будет с ней теперь? – спросил Ричард. – Хоть ктонибудь сможет о ней позаботиться?

– Едва ли теперь это имеет какоето значение.

– Почему вы так говорите?

– У нее почечная недостаточность. – Медсестра бросила взгляд в сторону палаты Жюли Парментье и грустно покачала головой. – Ее дни сочтены, осталось жить месяцдругой.

* * *

– Но вы должны знать, куда он ушел! – настаивала Берил.

Сотрудник французской разведки лишь плечами пожал:

– Он не сказал, мадемуазель. Он лишь отдал мне распоряжение наблюдать за квартирой. И следить за тем, чтобы вы не пострадали.

– И это все, что он сказал? А потом уехал?

Агент кивнул.

Недовольная, Берил вернулась в квартиру, где в который раз перечитала записку Ричарда: «Ушел ненадолго. Вернусь около трех». И никаких объяснений, никаких извинений! Смяв клочок бумаги, она бросила его в мусорное ведро. И что она теперь, по мнению Вулфа, должна делать? Ждать весь день, пока он вернется? Как там, интересно, Джордан? А что по поводу расследования? И, кстати, насчет ланча?

Голод все настойчивее напоминал о себе. Берил отправилась на кухню, открыла холодильник и в смятении осмотрела содержимое: картонную коробку яиц, буханку хлеба и сухую колбасу. Ни фруктов, ни овощей, ни даже завалящей морковки! Эти запасы были сделаны, без сомнения, мужчиной.

«Я не буду это есть, – решила Берил, захлопывая дверь холодильника. – Но и умирать с голоду тоже не собираюсь. Схожука я куданибудь, где можно нормально перекусить, – и не важно, с Ричардом или без него».

Прошлой ночью сотрудники Домье доставили в квартиру вещи Берил. Зайдя в гардеробную, она выбрала свое самое невзрачное черное платье, заколола волосы наверх, спрятав их под широкополой шляпой, и нацепила на нос темные очки. «И даже не так ужасно», – оценила она, оглядев себя с ног до головы в зеркале. А потом вышла из дома навстречу яркому солнечному свету.

Охранник, стоявший у входной двери, тут же преградил ей путь:

– Мадемуазель, вам не позволено покидать эту квартиру.

– Но ему вы ведь разрешили выйти, – возразила Берил.

– Мистер Вулф в особенности просил следить…

– Я хочу есть, – сказала она. – Становлюсь весьма раздражительной, когда голодна. И не собираюсь жить на яйцах и тостах! Так что, если вы можете подсказать мне дорогу к ближайшей станции метро…

– Вы собираетесь идти одна? – в ужасе спросил охранник.

– Если только вы не пожелаете сопровождать меня.

Мужчина с тревогой окинул взглядом улицу:

– У меня нет никаких инструкций на сей счет.

– Тогда я пойду одна, – беззаботно бросила Берил и направилась по улице.

– Вернитесь!

Но она не обращала внимания на уговоры.

– Мадемуазель! – позвал охранник. – Я найду машину!

Она повернулась и одарила его своей самой ослепительной улыбкой:

– Тогда я угощаю.

В сопровождении обоих охранников Берил отправилась в ресторан, располагавшийся в соседнем районе, в Отейе. Она подозревала, что сотрудники Домье выбрали это место не изза высокого качества здешней еды, а изза удобного расположения ресторана и хорошо просматриваемого главного входа. Сама пища была довольно посредственной: пресный суп вишисуаз и кусок мяса молодого барашка, который, судя по всему, был не так уж и молод. Но Берил так проголодалась, что смаковала каждый кусочек и даже не отказалась от порции открытого яблочного пирога.

К тому времени как с пищей было покончено, два ее спутника пребывали в весьма благодушном настроении. Оживившись, они решили: возможно, работа телохранителя не так уж плоха, особенно если леди будет каждый день угощать их такими блюдами!

Охранники даже уступили Берил, когда она попросила их сделать небольшую остановку на пути домой. Щедрая леди объяснила, что это займет всего минутку – ей хочется хоть одним глазком взглянуть на последнюю художественную выставку. В конце концов, там она может отвлечься и найти то, что поразит ее воображение.

Телохранители послушно сопроводили Берил в галерею «Анника». Выставочная площадь представляла собой одно обширное, высокое помещение – три этажа, связанные открытыми мостиками и винтовыми лестницами. Солнечный свет проникал вниз сквозь стеклянный свод, освещая коллекцию бронзовых скульптур, выставленную на первом этаже.

Поприветствовать посетителей вышла молодая женщина с короткой «рваной» стрижкой с волосами поразительного рыжего оттенка. Она любезно осведомилась, не желает ли мадемуазель осмотреть какието отдельные экспонаты.

– Могу ли я немного здесь оглядеться? – спросила Берил. – Или, возможно, вы могли бы направить меня к некоторым картинам. Ничего чересчур современного – я предпочитаю классических художников.

– Да, конечно, – ответила женщина и повела Берил с ее спутниками вверх по винтовой лестнице.

Большинство работ, которые Берил увидела на стенах, были отвратительными. Они представляли собой пейзажи, населенные деформированными животными. А еще птицами с собачьей головой. Другие картины изображали городские пейзажи с резкой формы кубистскими зданиями. Остановившись у одной из работ, молодая женщина спросила:

– Возможно, это в вашем вкусе?

Берил взглянула на обнаженную охотницу, держащую над головой мертвого зайца, и сказала:

– Нет, я так не думаю.

Она направилась дальше, осматривая эксцентричную коллекцию картин, драпированных тканей и глиняных масок.

– А кто отбирает представленные здесь работы? – поинтересовалась Берил.

– Этим занимается Анника. Хозяйка галереи.

Берил остановилась у кричаще нелепой маски, изображавшей мужчину с раздвоенным языком.

– У нее… уникальный вкус на произведения искусства.

– Довольно смелый, вы имеете в виду? Да, Анника предпочитает художников, любящих рисковать.

– Она сегодня здесь? Мне бы хотелось с ней познакомиться.

– Увы, сейчас ее нет на месте. – Молодая женщина грустно покачала головой. – Один из наших сотрудников умер прошлой ночью, понимаете. Анника должна побеседовать с полицией.

– Мне очень жаль.

– Это наш швейцар. – Сотрудница галереи вздохнула. – Его смерть была такой неожиданной!

Они вернулись на первый этаж. Только тогда Берил заметила работу, которую вполне могла бы приобрести. Это была одна из бронзовых скульптур, вариация на тему Мадонны с младенцем. Но, подойдя ближе, чтобы осмотреть экспонат, Берил не поверила своим глазам: это был не младенец, припавший к материнской груди. Это был шакал.

– Довольно интригующая работа, как вы считаете?

Берил вздрогнула и посмотрела на женщинугида с примечательной стрижкой:

– И чей же блестящий разум породил на свет сие произведение?

– Новый художник. Молодой человек, который только завоевывает репутацию здесь, в Париже. Сегодня вечером мы устраиваем прием в его честь. Возможно, вы тоже почтите это мероприятие своим присутствием?

– Если смогу.

Сотрудница галереи потянулась к стоящей рядом корзине, выдернула оттуда элегантное тисненое приглашение и вручила Берил:

– Если вы свободны сегодня вечером, прошу вас, пожалуйста, загляните к нам.

Берил уже собралась небрежно бросить приглашение в сумочку, когда внезапно ее взгляд сосредоточился на имени художника. Оно было знакомым.

ГАЛЕРЕЯ «АННИКА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Скульптуры Энтони Сазерленда

17 июля, 7 – 9 часов вечера

Глава 9

– Это просто безумие! – воскликнул Ричард. – Ты пошла на недопустимый риск.

К его раздражению, Берил беззаботно провальсировала в гардеробную и застыла, изучая содержимое платяного шкафа.

– Как ты думаешь, какой наряд подойдет для сегодняшнего вечернего приема? Строгое официальное платье, или можно одеться более легкомысленно?

– Ты не должна привлекать к себе всеобщее внимание, – ответил Ричард. – Подумать только: прием в художественной галерее! Едва ли можно придумать более оживленное общественное место!

Берил вытащила из шкафа облегающее фигуру платье из черного шелка, повернулась к зеркалу и приложила наряд к себе.

– Общественное место – самое безопасное из всех мест, которые только могут быть, – заметила она.

– Ты должна безвылазно сидеть здесь! Вместо того чтобы шататься по всему городу…

– Беру пример с тебя.

– Но у меня были дела…

Берил повернулась и направилась в спальню.

– У меня тоже, – весело отозвалась она.

Ричард было направился за Берил, но остановился в дверном проеме, заметив, что она раздевается. Он тут же отвернулся, опершись спиной о косяк двери.

– Тягу к пище из трехзвездочного ресторана нельзя считать делом безотлагательной важности, – бросил Вулф через плечо.

– Я бы не оценила эту пищу на три звезды. Даже ползвезды для такой еды было бы многовато. Но это все же лучше, чем яйца и заплесневелый хлеб.

– Знаешь, на кого ты похожа? На привередливого котенка! Такой скорее умрет с голоду, чем соизволит съесть консервы, как любой другой кот.

– А знаешь, ты прав. Я – избалованная персидская кошка, и я хочу свои сливки и куриную печенку!

– Я принес бы тебе любую еду, какую бы ты ни пожелала. И кошачью мяту в придачу.

– Но тебя здесь не было.

И это его ошибка, понял Ричард. Эту женщину нельзя было оставить одну ни на минуту. Она слишком, черт побери, непредсказуема! Впрочем, совсем наоборот: она слишком предсказуема. Делает все, против чего он ее предостерегает. Еще одной подобной выходкой было намерение покинуть их тайное убежище сегодня вечером.

Сейчас Ричард мог слышать, как Берил надевает черное платье, до него доносились шорох шелка, скользящего по чулкам, шипение молнии, ползущей по ее спине. Он силился подавить восхитительную картину, которую эти звуки рождали в его сознании, – длинные ноги Берил, изгиб ее бедер… Ричард поймал себя на том, что стоит стиснув зубы и досадуя – на нее, на себя, на то, что события и чувства выходят изпод его контроля.

– Ты можешь помочь мне застегнуть платье? – попросила она.

Обернувшись, Ричард увидел, что объект его страстных желаний оказался прямо перед ним. Берил стояла к нему спиной, ее шея была совсем рядом – очень близко, как раз для поцелуя…

– Крючок, – объяснила она, перебрасывая гриву волос на одно плечо. До Ричарда донесся цветочный аромат шампуня. – Я никак не могу застегнуть его.

Вулф ловко справился с застежкой, но никак не мог оторвать пристального взгляда от обнаженных плеч Берил.

– Где ты взяла это платье? – спросил он.

– Я привезла его из Четвинда. – Берил подбежала к комоду и взяла лежавшие на нем серьги. Шелковое платье откровенно облегало каждый соблазнительный изгиб ее тела. – Почему ты спрашиваешь?

– Это ведь платье Мэдлин, не так ли?

Берил обернулась, внимательно посмотрев на него.

– Да, это ее платье, – тихо сказала она. – Это тебя беспокоит?

– Нет, просто… – глубоко вздохнул он. – Оно сидит превосходно. Изгиб к изгибу.

– И ты думаешь, что видишь призрака.

– Я помню это платье. Мэдлин надевала его на прием в посольстве. – Ричард немного помолчал, потом добавил: – Боже, это чтото сверхъестественное, кажется, будто это платье шили на тебя!

Берил медленно подошла к нему, не отрывая своего взгляда от его лица:

– Я не она, Ричард.

– Я знаю.

– Независимо от того, как сильно ты бы хотел ее вернуть…

– Ее? – Он мягко взял Берил за запястья и притянул к себе. – Когда я смотрю на тебя, я вижу только Берил. Конечно, я замечаю и твое сходство с Мэдлин – те же волосы, те же глаза. Но ты единственная, кого я вижу. Единственная, кого я хочу.

Ричард наклонился к Берил и нежно коснулся ее губ:

– Именно поэтому мне и нужно, чтобы ты осталась здесь сегодня вечером.

– Твоей пленницей? – тихо спросила она.

– Если это будет нужно – да. – Он снова поцеловал Берил и услышал, как с ее уст сорвался вздох наслаждения.

Берил откинула голову, и губы Ричарда скользнули по ее шее – такой гладкой, такой восхитительно благоухающей…

– Тогда тебе придется связать меня… – прошептала она.

– Я сделаю все, что только не пожелаешь.

– ...потому что другого способа заставить меня сидеть здесь этим вечером просто нет! – Она разразилась дерзким, приводящим в исступление смехом, выскользнула из его объятий и направилась в ванную.

Ричард с трудом подавил вздох разочарования. Стоя у дверного проема, он наблюдал, как Берил закалывает волосы наверх.

– И всетаки, чего же ты так ожидаешь от этого вечера? – спросил он.

– Кто знает... Удовольствия от сбора оперативной информации, например. Держать свои уши и глаза открытыми, узнавать чтото новое, интересное. Думаю, мы уже выяснили о Франсуа довольно много. Мы знаем, что у него есть сестра, которая тяжело больна. Это значит, что Франсуа нуждался в деньгах. Работа швейцаром в художественной галерее вряд ли приносила ему достаточно средств, чтобы заплатить за весь тот уход, который ей требовался. Возможно, он пришел в отчаяние, был согласен на все что угодно ради денег. Даже на работу наемного убийцы.

– Железная логика, с тобой не поспоришь.

– Спасибо.

– Но твой план действий – просто безумие! Ты не должна так рисковать...

– А я рискну. – Берил повернулась к Ричарду, теперь ее волосы были покоролевски убраны в высокую прическу. – Ктото хочет убить нас с Джорданом. И я пойду туда сегодня вечером. Стану самой удобной, близкой мишенью.

«Какое всетаки изумительное создание эта Берил! – подумал Ричард. – Ох уж эта непобедимая родословная, эти сильные гены Бернарда и Мэдлин! Она думает, что неуязвима».

– В этом и состоит твой план, не так ли? – спросил он. – Спровоцировать убийцу, заставить его действовать?

– Да, если именно это требуется для спасения Джордана.

– И что должно помешать убийце претворить свои намерения в жизнь?

– Два моих телохранителя. И ты.

– Мне тоже свойственно ошибаться, Берил.

– Ты ошибаешься крайне редко.

– Но я могу допустить промах. А вдруг от моего внимания ускользнет чтото важное?

– Я тебе доверяю.

– Но я себе не доверяю! – Взволнованный, Ричард принялся мерить шагами пол спальни. – Я был не у дел в течение многих лет. У меня давно не было практики подобной работы, да и физически я уже не тот, что прежде. Мне сорок два, Берил, и мои рефлексы уже не так сильны, как в былые годы.

– Вчера вечером мне показалось, что ты действовал довольно решительно и проворно.

– Снаружи, за этой дверью, Берил, я не могу гарантировать твою безопасность.

Она подошла к Вулфу и спокойно заглянула ему в глаза:

– Истина заключается в том, Ричард, что ты вообще не можешь гарантировать мою безопасность – нигде. Здесь, на улицах, на приеме в честь художника. Везде, где бы я ни находилась, могут произойти досадные неожиданности, чтото может пойти не так. Если я останусь сидеть взаперти, глядя на эти стены и думая обо всем том ужасном, что еще может случиться, я просто сойду с ума. Лучше уж пойти на прием. Делать хоть чтонибудь. Джордан не в силах себе помочь, значит, действовать должна я.

– Превратив себя в наживку?

– Наша единственная зацепка – погибший Франсуа. Ктото нанял его, Ричард. Некто, возможно связанный с галереей «Анника».

Вулф на мгновение замер, пристально глядя на Берил и размышляя над ее словами: «Она, конечно, права. Я пришел к тому же самому выводу. Она достаточно умна, чтобы точно знать, что нужно делать. И довольно безрассудна, чтобы осуществить задуманное».

Он подошел к тумбочке и взял лежавший на ней «глок». Полтора фунта стали и пластика – вот и все, что у него было, чтобы защитить Берил. Сила оружия казалась непрочной, иллюзорной, неспособной защитить ото всех опасностей, таящихся за дверью.

– Ты пойдешь со мной? – спросила Берил.

Ричард обернулся и взглянул на нее:

– А ты думаешь, я бы позволил тебе идти одной?

Упрямица улыбнулась так самоуверенно, что Ричард испугался. Это была знакомая ему улыбка Мэдлин – той самой Мэдлин, которая верила в себя каждой клеточкой своего существа.

Вулф вложил «глок» в кобуру у плеча.

– Я буду рядом с тобой, Берил, – сказал он. – Ни на шаг не отпущу от себя.

* * *

Энтони Сазерленд горделиво стоял у своей отлитой в бронзе Мадонны с шакалом, позируя, будто маленький император. На нем была надета пиратская рубашка из фиолетового шелка, черные кожаные брюки и ботинки из змеиной кожи. Энтони, казалось, ничуть не досаждали вспышки фотографов, неустанно щелкавших вокруг него своей аппаратурой.

Искусствоведы громко обсуждали выставку, высокопарно бросая в воздух эпитеты. «Пугающе! Волнующе! Ломка условностей!» – вот лишь несколько из комментариев, которые удалось подслушать Берил, пока она прохаживалась по галерее.

Наконец Берил и Ричард остановились, чтобы осмотреть другое бронзовое изваяние работы Энтони. На первый взгляд скульптура напоминала две обнаженные фигуры, переплетенные в любовном объятии. Но при более близком осмотре выяснилось, что это были мужчина и женщина, заживо пожирающие друг друга.

– Вам не кажется, что это аллегория брака? – окликнул Берил и Ричарда знакомый голос. Рядом с ними стоял Реджи Вэйн, стараясь удержать бокал шампанского в одной руке и две изящные тарелки с канапе в другой.

Наклонившись вперед, Реджи с любовью чмокнул Берил в щечку:

– Ты сегодня вечером просто сногсшибательна, дорогая. Твоя мать гордилась бы тобой.

– Реджи, я и понятия не имела, что вы интересуетесь современным искусством, – заметила Берил.

– Ято нет. Хелена притащила меня сюда. – Вэйн с отвращением окинул взглядом толпу. – Боже, как я ненавижу подобные мероприятия! Но СенПьеры собирались прийти, а Мари, разумеется, каждый раз

настаивает, чтобы была и Хелена, которая могла бы составить ей компанию.

Реджи поставил пустой бокал изпод шампанского на самую вершину бронзовой пары и засмеялся над причудливым эффектом:

– Какое усовершенствование, развитие композиции, вы не находите? Раз уж эти двое собираются съесть друг друга, можно дать им немного шампанского, чтобы они могли друг друга запить.

К нему моментально подлетела элегантно одетая женщина, которая тут же убрала бокал.

– Пожалуйста, будьте более почтительны по отношению к произведениям искусства, мистер Вэйн, – проворчала она.

– О, я совсем не собирался проявлять неуважение, Анника, – ответил Реджи. – Я лишь подумал, что этой работе не помешает капелька юмора.

– Эта скульптура превосходна и без этого. – Анника прошлась по бронзовым головам носовым платком и отошла назад, восхищаясь переплетенными фигурами. – Ваши причуды разрушат посыл, который несет в себе эта работа.

– И что же это за посыл? – поинтересовался Ричард.

Хозяйка галереи обернулась, чтобы взглянуть на задавшего вопрос, и ее голова с короткой мальчишеской стрижкой вдруг наклонилась набок, выражая явный интерес.

– А посыл заключается в том, – объяснила она, пристально глядя на Ричарда, – что моногамия – разрушительный, пагубный институт.

– Ах, так это всетаки брак! – бестактно хмыкнул Реджи.

– Но свободная любовь, – продолжала Анника, – любовь без ограничений, открытая для всех удовольствий, – это позитивная, созидательная сила.

– Сам Энтони так интерпретирует это произведение? – осведомилась Берил.

– Нет, эта интерпретация моя. – Взгляд Анники переместился на мисс Тэвисток. – Вы подруга Энтони?

– Знакомая. Я знаю его мать, Нину.

– А кстати, где же Нина? – спросил Реджи. – Сегодня, в ночь славы ее дорогого Энтони, она должна быть в центре всеобщего внимания, аудитория должна пасть у ее ног!

Реджи искусно передразнил Нину, заставив Берил улыбнуться. В самом деле, стоило королеве Нине захотеть покрасоваться на публике, она тут же бросала клич на одно из подобных модных сборищ – и гости валом валили на мероприятие. Вот и теперь на прием пожаловала даже бедная Мари СенПьер, только что покинувшая больницу.

Мари стояла в дальнем углу вместе с Хеленой Вэйн – державшиеся вместе дамы напоминали воробьев, случайно затесавшихся в стаю павлинов. Было сразу понятно, почему они так хорошо дружат: обе не обладали примечательной внешностью, обе не могли похвастать счастливым браком. То, что их союзы действительно не были счастливыми, было очевидно сегодня вечером. Вэйны подчеркнуто избегали друг друга: Хелена из своего угла метала гневные взгляды в сторону супруга, а Реджи просто старался держаться от благоверной как можно дальше. Что же касается Мари СенПьер, то ее мужа в это время и вовсе не было в галерее.

– Выходит, это ода свободной любви, не так ли? – констатировал Реджи, разглядывая бронзу уже с пониманием и симпатией.

– Именно так я это и вижу, – подтвердила Анника. – Именно так должны любить мужчина и женщина.

– Я склонен с вами согласиться, – с неожиданным приступом воодушевления заметил Реджи. – Нужно вообще запретить браки!

Анника провокационно посмотрела на Ричарда:

– А что вы думаете, мистер?..

– Вулф, – отозвался Ричард. – Боюсь, ято согласиться не могу.

Он взял Берил за руку:

– Покорнейше прошу нас извинить. Мы должны осмотреть оставшуюся часть коллекции.

Когда Ричард подвел Берил к винтовой лестнице, она прошептала:

– Наверху смотреть нечего.

– Я хочу проверить верхние этажи.

– Но все работы Энтони здесь, на первом.

– Я видел, как Нина прокралась наверх по лестнице несколько минут назад. Хочу выяснить, что она там делает.

Ричард и Берил поднялись по лестнице на второй этаж галереи. Стоя на открытом мостике, они перегнулись через перила, оглядев толпу на нижнем ярусе. Это было шумное сборище, море тщательно причесанных голов и разноцветного шелка. Анника переместилась к Энтони; оказавшись в центре внимания, они обнялись и поцеловались под новым градом фотовспышек и восторженных аплодисментов.

– Ах, эта свободная любовь! – притворно вздохнула Берил. – Похоже, эта Анника готова раздаривать ее направо и налево.

– Мне тоже так кажется.

Берил лукаво улыбнулась:

– Бедный Ричард! Сегодня вечером он находится при исполнении служебных обязанностей и вынужден отказывать себе в таком удовольствии!

– Это удовольствие меня пугает. Анника съела бы меня заживо. Как героя той бронзовой скульптуры.

– Разве ты не увлечен ею? Хоть немного?

Ричард с удивлением взглянул на нее:

– Ты искушаешь меня, Берил?

– Я?

– Да, так и есть! И я точно знаю, для чего тебе это нужно. Ты хочешь, чтобы я прошел проверку. Заставляешь доказывать, что я не такой, как твой другхирург. Который, судя по твоим словам, тоже был сторонником свободной любви.

Улыбка Берил померкла.

– Ты считаешь, что я этого добиваюсь? – тихо спросила она.

– Ты имеешь на это право. – Ричард доверительно сжал ее руку и снова мельком взглянул на толпу.

«Он всегда в состоянии боевой готовности, всегда так осторожничает со мной, – подумала Берил. – Я доверила бы ему свою жизнь. Но свое сердце?.. Я все еще не знаю…»

На нижнем этаже галереи начал играть дуэт музыкантов. Когда по зданию поплыли мелодичные звуки флейты и гитары, Берил неожиданно почувствовала, как за ней наблюдает пара глаз. Она посмотрела вниз, на группу бронзовых статуй, и заметила Энтони Сазерленда, стоящего у своей Мадонны с шакалом. Он пристально смотрел прямо на нее. И в выражении его глаз ясно читался холодный расчет.

Берил инстинктивно отшатнулась от перил мостика.

– Что случилось? – мгновенно отреагировал Ричард.

– Это Энтони. То, как он смотрит на меня.

Но к этому моменту Энтони уже отвернулся, теперь он пожимал руку Реджи Вэйну. «Странный молодой человек, – подумала Берил. – Какой разум способен породить все эти кошмарные видения? Женщин, которые нянчат шакала. Пары, пожирающие друг друга. Неужели это такая тяжелая ноша – быть сыном Нины Сазерленд?»

Они с Ричардом прогулялись по второму этажу галереи, но ни малейших признаков присутствия Нины не обнаружили.

– Почему тебе так нужно найти ее? – спросила Берил.

– То, как Нина поднималась по лестнице, совсем не походило на нее. Судя по всему, она старалась остаться незамеченной.

– Но ее заметил ты.

– Это все изза платья. Ее фирменный стиль – один сплошной блестящий стеклярус.

Берил и Ричард закончили свой круг по второму этажу и направились по лестнице на третий. Там тоже не было никаких следов Нины. Но когда они проходили по мостику, музыканты на первом этаже неожиданно перестали играть. В воцарившейся оглушительной тишине Берил услышала голос Нины – несколько громких слов, а потом ее речь приглушилась до шепота. Нине отвечал мужской голос, говоривший очень тихо. Звуки голосов неслись из отдаленной ниши в стене, расположенной чуть впереди.

– Не то чтобы я так нетерпелива, – сказала Нина, – не то чтобы я не пытаюсь понять...

– Я знаю, знаю...

– Да? А ты знаешь, на что это было похоже для меня? Для Энтони? Есть у тебя об этом хоть малейшее представление? Все эти годы ждать, когда же ты решишься!

– Благодаря мне ты никогда ни в чем не нуждалась.

– О, как же мне повезло! Боже мой, как ты щедр!

– У мальчика было все самое лучшее, все, чего бы он ни захотел! Теперь ему двадцать один. И моя ответственность на этом заканчивается.

– Твоя ответственность, – отрезала Нина, – еще только началась.

Ричард рывком потянул Берил за угол, и в следующий миг из ниши показалась Нина. Она стремительно пронеслась мимо них, слишком раздраженная, чтобы заметить невольных свидетелей разговора. Они услышали стук ее высоких каблуков по лестнице на первый этаж галереи.

Мгновением спустя из ниши показалась вторая фигура – мужчина передвигался тяжело, как старик. Это был Филипп СенПьер.

Он подошел к перилам и, перегнувшись, внимательно посмотрел на толпу, собравшуюся внизу. Казалось, будто Филипп борется с искушением броситься вниз с высоты второго этажа. Потом, глубоко вздохнув, он отошел от перил и направился вслед за Ниной, к лестнице.

На первом этаже галереи толпа начала постепенно рассеиваться. Энтони уже уехал, как и Вэйны. Лишь Мари СенПьер все еще стояла в своем углу – покинутая жена, покорно ждущая, когда о ней вспомнят. Ровно в противоположном углу зала стоял ее супруг Филипп, медленно потягивающий шампанское. Немой диалог между ними напоминал ту жуткую скульптуру, бронзовых мужчину и женщину, пожирающих друг друга заживо.

Берил подумала, что с этим своим произведением Энтони неожиданно попал в точку. Оно будто говорило: если люди не будут осторожны, любовь поглотит их, уничтожит. Так, как она уничтожила Мари.

Образ Мари СенПьер, которая стояла, одинокая и несчастная, в своем углу, преследовал Берил всю дорогу до тайной квартиры. Она думала, как, должно быть, тяжело играть роль жены политика – всегда

уравновешенной и милой, воплощенной поддержки и опоры, а совсем не мегеры. И все это время знать, что твой муж любит другую женщину.

– Ей, должно быть, все известно. Уже много лет, – тихо сказала Берил.

Ричард внимательно смотрел на дорогу, пробираясь по улочкам обратно в Пасси.

– О ком ты? – спросил он.

– О Мари СенПьер. Она наверняка знает о своем муже и Нине. Каждый раз, когда она смотрит на Энтони, замечает сходство. И это должно причинять ей боль. И тем не менее на протяжении всех этих лет она мирится с его существованием.

– И с Ниной, – поддакнул Ричард.

Озадаченная, Берил откинулась назад на своем сиденье. «Да, Мари действительно терпит Нину, – размышляла она. – И это то, чего я не понимаю. Как она может так вежливо, с такой добротой относиться к любовнице своего мужа? К его внебрачному сыну?..»

– Ты думаешь, что Филипп – отец Энтони? – нарушил молчание Ричард.

– Конечно, именно это Нина и имела в виду. Вспомни всю эту беседу об обязанностях Филиппа, она явно говорила об Энтони. – Берил снова недолго помолчала, а потом добавила: – Обучение в художественном училище стоит недешево.

– И Филиппу все эти годы пришлось платить кругленькие суммы, поддерживая парня. Не стоит забывать и о Нине с ее экстравагантными, мягко говоря, вкусами.

– Ее пенсия для вдов вряд ли позволяла бы…

– О чем это ты? – поинтересовалась Берил.

– Меня только что осенило, я вспомнил о ее муже, Стивене Сазерленде. Он совершил самоубийство спустя месяц после смерти твоих родителей – спрыгнул с моста.

– Знаю, ты уже говорил об этом.

– Все эти годы я думал, что его смерть была связана с делом Делфи. Я подозревал, что именно он и был «кротом», который свел счеты с жизнью, когда подумал, что вотвот будет разоблачен. Но что, если причины его самоубийства были глубоко личными?

– Его брак?

– И Энтони. Мальчик, который, как он выяснил, не был его сыном.

– Но если Стивен Сазерленд не был Делфи…

– Тогда мы снова возвращаемся к тому, что это был неизвестный нам человек… или неизвестные люди.

«Неизвестные люди», – эхом повторила про себя Берил. Выходит, этот предатель все еще может быть жив. И он явно боится разоблачения.

Берил инстинктивно оглянулась через плечо, пытаясь убедиться, что за ними нет слежки. К ее облегчению, позади ехал лишь «пежо» с двумя французскими агентами, остальной уличный поток слился в череду мутных огней.

«Ричард прав», – думала Берил. Ей действительно следует безвылазно сидеть на тайной квартире. Прятать лицо, опасаясь быть узнанной. Этим полднем, например, любой мог ее заметить. Невидимый враг мог ехать за ней прямо сейчас, наблюдать за ней в этом ярком море фар… Неожиданно ей захотелось как можно быстрее попасть в квартиру, надежно окруженную четырьмя стенами. Это возвращение в Пасси казалось уже бесконечным, поездка по темноте таила в себе немало опасностей.

Когда они наконецто остановились перед знакомым домом, Берил уже так нестерпимо хотелось попасть внутрь, в это надежное убежище, что она принялась быстро выбираться из машины. Но Ричард задержал ее.

– Не выходи пока, подожди немного, – сказал он. – Дай этим парням сначала все тут проверить.

– Ты ведь не думаешь, что…

– Это лишь мера предосторожности. Стандартная для охраны процедура.

Берил смотрела, как два французских агента поднялись по лестнице и отперли входную дверь. Один из телохранителей остался стоять на лестнице, другой исчез внутри.

– Но как ктонибудь мог узнать о квартире? – спросила она.

– Взятки. Утечка информации.

– Не думаешь же ты, что Клод Домье…

– Я не пытаюсь напугать тебя, Берил. Я просто уверен, что всегда нужно соблюдать осторожность.

Она заметила, как в квартире зажегся свет – сначала в гостиной, потом в спальне. Наконец стоявший на ступеньках охранник дал им сигнал отбоя.

– Хорошо, в квартире все чисто, – сказал Ричард, выбираясь из автомобиля. – Пойдем.

Берил ступила на обочину. Повернувшись к дому, она сделала один шаг по тротуару – и с силой отлетела на машину, когда земля под ногами зашаталась от взрыва. Осколки разбитых окон дома осыпали улицу колючим дождем. Секундой спустя небо осветилось адским заревом огня, вылетавшего через оконные проемы. Берил в бессилии опустилась на землю, в ушах все еще гудело от мощного взрыва. Будто оцепенев, она смотрела, как языки пламени прорезали темноту.

Берил не слышала отчаянные крики Ричарда, она вообще не понимала, что он склонился над ней, пока не почувствовала прикосновение его ладоней к своему лицу.

– С тобой все в порядке?! – кричал он. – Берил, посмотри на меня!

Она слабо кивнула. Ее рассеянный взгляд переместился вперед, к дорожке, на которой, всего в нескольких шагах от них, лежало тело французского агента.

– Оставайся на месте! – что было сил закричал Ричард, быстро переместившись в сторону. Он бросился к упавшему охраннику, опустился перед ним на колени, нащупывая пульс, и сразу же вернулся к Берил.

– Садись в машину, – сказал он.

– Но как же охранники?

– Этот мертв. У другого не было шансов выжить.

– Но ты не знаешь этого точно!

– Просто садись в машину, – приказал Ричард. Открыв дверцу, он буквально втолкнул ее внутрь и, обежав машину спереди, сел за руль.

– Мы не можем оставить их там! – вскричала Берил.

– Нам придется сделать это. – Ричард завел машину, и та с пронзительным визгом стала отъ езжать от обочины.

Берил растерянно смотрела, как череда расплывшихся улиц проносилась за окном автомобиля. Ричард несся как безумный, но она была слишком потрясена происшедшим, чтобы чувствовать страх, слишком сбита с толку, чтобы сосредоточиться на чемто, кроме реки красных задних огней, простиравшейся перед ними.

– Джордан, – прошептала она. – Что же будет с Джорданом?

– В данный момент я должен думать только о тебе.

– Они обнаружили квартиру. Они могут добраться и до него!

– Я позабочусь об этом позже. Сначала доставлю тебя в безопасное место.

– Куда?

Он развернулся вопреки всем правилам дорожного движения и буквально слетел по наклонному съезду автомагистрали.

– Я чтонибудь придумаю. Куданибудь.

«Куданибудь…» Берил потерянно вглядывалась в ночное сияние Парижа. Безбрежный город, океан света. Здесь миллион различных мест, чтобы спрятаться. Чтобы умереть…

Берил вздрогнула и в страхе вжалась в сиденье.

– А что потом? – прошептала она. – Что будет потом?

Ричард взглянул на нее:

– Мы уедем из Парижа. Из страны.

– Ты имеешь в виду, поедем домой?

– Нет. В Англии тоже будет небезопасно. – Он отвернулся, снова сосредоточившись на дороге. Автомобиль, казалось, стрелой летел сквозь тьму. – Мы отправимся в Грецию.

* * *

Домье схватил трубку уже на втором звонке:

– Алло?

Из телефона на него зарычал знакомый голос:

– Что, черт возьми, происходит?

– Ричард?! – вскричал Домье. – Где ты?

– В безопасном месте. Ты должен понимать, почему я не могу раскрыть его тебе.

– А Берил?

– Она не пострадала. Хотя не могу сказать того же о двоих твоих людях. Кто знал о квартире, Клод?

– Только мои сотрудники.

– Кто еще?

– Я больше никому не говорил. Это место должно было быть достаточно безопасным.

– Очевидно, ты ошибался. Ктото узнал о квартире.

– Вы оба выходили из дома сегодня днем. Когото из вас наверняка могли выследить.

– Уж явно не меня!

– Тогда Берил. Тебе не следовало позволять ей покидать дом. Возможно, еще днем ее заметили в галерее «Анника» и следовали за ней до самой квартиры.

– Это моя ошибка. Ты прав, мне не стоило оставлять ее одну. И я не могу позволить себе еще раз так ошибиться.

Домье вздохнул:

– Ричард, мы с тобой знаем друг друга очень давно. Сейчас не время перестать доверять друг другу.

На другом конце провода ненадолго установилась тишина. А потом Ричард сказал:

– Сожалею, но у меня нет другого выбора, Клод. Мы ложимся на дно.

– Но в таком случае я просто не смогу тебе помочь!

– Мы будем действовать в одиночку. Без твоей помощи.

– Постой, Ричард…

Но связь уже оборвалась. Домье задумчиво посмотрел на трубку, потом медленно положил ее на рычаг. Не стоило даже пытаться проследить, откуда звонили: Ричард наверняка воспользовался телефономавтоматом, и это явно было совсем не в том месте, где он остановился. Когдато Вулф был профессионалом, он прекрасно знал все трюки, все уловки оперативной работы. Возможно, именно это и помогало им с Берил до сих пор оставаться в живых.

– Удачи, мой друг, – пробормотал Домье. – Боюсь, она тебе понадобится.

* * *

Ричард рискнул сделать еще один звонок из таксофона – на этот раз в Вашингтон, округ Колумбия.

Его деловой партнер отозвался своим обычным неприятным рыком:

– Сакарофф слушает.

– Ники, это я.

– Ну как там прекрасный Париж? Хорошо проводишь время?

– Довольно паршиво, надо сказать. Слушай, я не могу долго говорить. Я попал в переделку.

Ники вздохнул:

– И почему это меня не удивляет?

– Это старая история с Делфи. Помнишь? Париж, 1973 год. «Крот» в рядах НАТО.

– Ах да!

– Делфи вернулся к жизни. И мне нужна твоя помощь, чтобы установить его личность.

– В те годы я работал в КГБ. Не в Штази.

– Но у тебя были контакты с восточными немцами.

– Я не был связан с ними напрямую. Немного контактировал с агентами Штази. Восточные немцы, видишь ли… предпочитали действовать независимо.

– Хоть ктонибудь мог знать о Делфи? У тебя должны быть какието старые каналы, поставлявшие информацию.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина.

– Разве что…

– Да?

– Генрих Ляйтнер, – вспомнил Сакарофф. – Тебе стоит поговорить с ним. Он наблюдал за ходом парижских операций Штази. Он не из практиков, никогда не покидал Восточный Берлин. Но он был знаком с работой Делфи.

– Хорошо, я обязательно с ним побеседую. Как мне его найти?

– А вот это самое сложное. Он в Берлине…

– Никаких проблем. Мы отправимся туда.

– …В тюрьме строгого режима.

– А вот это уже действительно проблема! – застонал Ричард. Расстроенный, он обернулся и посмотрел сквозь стекло таксофона на платформу подземки. – Мне нужно попасть туда, чтобы поговорить с этим человеком, Ники.

– Тебе нужно будет получить разрешение. На это уйдет время. Бумаги, подписи…

– Тогда это именно то, чем я должен заняться незамедлительно. Если бы ты мог сделать несколько звонков, ускорить ход дела…

– Только никаких гарантий.

– Понятно. О, и еще одна вещь, – спохватился Ричард. – Мы пробовали связаться с Хью Тэвистоком. Судя по всему, он исчез. Ты чтонибудь об этом слышал?

– Нет. Но я проверю по своим источникам. Чтонибудь еще?

– Я дам тебе знать.

– Я боялся, что ты скажешь это, – проворчал Сакарофф.

Ричард повесил трубку. Отойдя от телефонаавтомата, он обвел взглядом платформу метро. И не увидел ничего подозрительного, только обычный поток вечерних пассажиров: взявшиеся за руки пары, студенты с рюкзаками...

Электричка, следующая до «Префектуры Кретей», вкатилась на станцию. Ричард сел в нее, проехал три остановки, потом вышел. Он задержался на платформе на несколько минут, вглядываясь в лица пассажиров. Никого из тех, кто был бы ему знаком. Удовлетворенный, он не поехал дальше, а сел в электричку Бобиньи – Пикассо и проследовал на ней до Восточного вокзала. Там он сошел, выбрался из метро и быстро направился к маленькой недорогой гостинице.

Берил все еще не спала, сидела в кресле возле окна. Она погасила весь свет, и в темноте был виден лишь ее силуэт на фоне яркого вечернего неба. Ричард как следует запер дверь на замок и задвижку.

– Берил? – позвал он. – Все в порядке?

Ему показалось, что она кивнула в полутьме. Или это было лишь дрожание ее подбородка, когда бедняжка глотнула ртом воздух и медленно, еле слышно выдохнула?

– Здесь мы в безопасности, – сказал Ричард. – По крайней мере, сегодня вечером.

– А завтра? – тихо спросила она.

– Всему свое время. О завтрашнем дне завтра и позаботимся.

Берил откинулась на мягкую спинку кресла и посмотрела прямо перед собой:

– Именно так это и было для тебя, Ричард? Так ты работал на разведку? Жил день за днем, не осмеливаясь думать о том, что будет завтра?

Он медленно подошел к креслу Берил.

– Иногда моя работа действительно напоминала нечто в этом роде. Случалось, я и вовсе не был уверен, что для меня наступит завтра.

– Ты скучаешь по той жизни? – Она посмотрела на Ричарда.

Он не мог видеть лица Берил, но чувствовал ее взгляд.

– Я оставил эту жизнь в прошлом.

– Но тебе ведь ее не хватает? Волнения, адреналина? Этого восхитительного предвкушения насилия?

– Берил! Берил, пожалуйста… – Ричард потянулся к ее холодной руке и сжал эту ледышку в своих ладонях.

– Разве ты не наслаждался всем этим, хоть немного?

– Нет. – Он помедлил, погрузившись в раздумья, а потом тихо сказал: – Да. Совсем недолго, когда был очень молод. Еще до того, как мне открылась реальная сторона работы.

– Именно это и произошло со мной сегодня вечером. Все это было таким реальным! Когда я увидела этого охранника, лежавшего там… – Она с усилием глотнула горький ком, стоявший в горле. – Понимаешь, еще днем мы обедали все вместе, втроем. Они заказали телятину. А еще бутылку вина, мороженое. И я здорово их насмешила…

Берил отвела взгляд.

– Сначала это напоминает игру, – объяснил Вулф. – Такая воображаемая, притворная война. А потом ты понимаешь, что пули в этой войне настоящие. Так же, как и люди.

Ричард попрежнему держал руку Берил в своей, желая согреть ледяную ладонь, согреть ее саму.

– Именно это и случилось со мной, – продолжил он. – Внезапно все стало слишком реальным. И была одна женщина…

Берил сидела все так же тихо – слушая, напряженно ожидая признания…

– Это была та, кого ты любил? – мягко спросила она.

– Нет, не любил. Но она мне очень, очень нравилась. Это произошло в Берлине, еще до падения Стены. Мы пытались переправить перебежчика в Западную Германию. И моя коллега, эта женщина, угодила в засаду наших противников. Караульный заметил ее и выстрелил. – Ричард поднес руку Берил к губам и, поцеловав пальцы, снова подержал ее ладонь в своей.

– Ей… не удалось спастись?

Ричард печально покачал головой:

– И с тех пор это была уже не вымышленная увлекательная игра. Я видел, как ее тело лежало на демилитаризованной зоне. И ничем не мог ей помочь. Так что мне пришлось оставить ее там, на стороне противника…

Вулф отпустил руку Берил. Он подошел к окну и взглянул на огни, освещавшие своим мерцанием Париж.

– Именно тогда я и оставил эту работу. Просто не мог допустить, чтобы на моей совести оказалась еще одна смерть. Я не хотел чувствовать свою… ответственность. – Он обернулся к Берил. В слабом отсвете городских огней ее лицо казалось бледным, будто люминесцирующим. – Именно поэтому мне так тяжело, Берил. От осознания того, что может произойти, если я допущу ошибку. От осознания, что твоя жизнь зависит от каждого моего шага.

Берил еще долго сидела неподвижно, в полном молчании наблюдая за Ричардом, чувствуя сквозь темноту его пристальный взгляд. Пресловутая искра взаимного притяжения опасно потрескивала между ними – как, впрочем, и всегда. Но сегодня вечером было в этом ощущении нечто большее, то, что могло вырваться изпод контроля, заглушив доводы разума…

Берил поднялась с кресла. Несмотря на то что Ричард будто застыл на своем месте, она ясно чувствовала страстный жар его взгляда. Скользнув к нему, Берил уловила резкий звук его дыхания. Она протянула руку и коснулась его заросшего щетиной лица.

– Ричард, – прошептала Берил, – я хочу тебя.

И она тут же оказалась в плену его крепких рук. До этого момента никакие другие объятия, никакой иной поцелуй не заставляли ее так задыхаться от желания. «Мы напоминаем ту пару из бронзы, – мелькнуло в ее голове. – Мы словно изголодались друг по другу. Готовы друг друга проглотить…»

Но это определенно было торжеством любви, а не разрушения.

Застонав, Берил наклонила голову, и губы Ричарда скользнули по ее шее. Через шелковую ткань платья она чувствовала каждую неистовую атаку его рук. О боже, если его прикосновения даже через одежду доставляют ей такое наслаждение, какой же восхитительной пытке он подвергнет ее обнаженное тело? Груди Берил уже трепетали под его ладонями, ее соски наливались, становились все тверже.

Ричард расстегнул молнию на платье и медленно спустил его с плеч возлюбленной. Черный шелк прошуршал по бедрам, еле слышной волной опустившись на пол. Словно повторяя движения платья, Ричард опускался все ниже, скользя губами по шее Берил, ее груди, животу. Трепеща от блаженства, она запустила пальцы в его волосы и простонала:

– Так нечестно…

– Все честно, – отозвался Ричард, спуская ее чулки. – В любви и на войне все средства хороши…

К тому моменту, когда Берил оказалась полностью обнаженной, к тому мгновению, как Ричард избавился от собственной одежды, она давно потеряла способность говорить, протестовать… Берил полностью утратила ощущение времени и места, теперь с ней были только темнота, тепло его прикосновений и неистовая жажда страсти, рвущаяся из груди. Она даже не осознала, как они оказались в постели.

Берил в нетерпении откинулась на матрас, слушая скрип пружин, дуэт их учащающегося дыхания. Она потянула Ричарда вниз, привлекая все ближе к себе, внутрь себя… «Мы словно изголодались друг по другу, – снова подумала Берил, когда любимый жадно припал к ее губам, неистово, бесцеремонно, словно вторгаясь внутрь. – Мы просто пожираем друг друга».

И теперь они, будто оголодавшие до смерти, от души пировали.

Ричард сжал ее руки в своих ладонях, их пальцы переплетались все крепче и крепче, а их тела, соединенные, движущиеся в одном ритме, ликовали. Даже когда последний трепет чувственного желания погас, любимый все еще не отпускал рук Берил.

Наконец Ричард медленно освободил ее пальцы, бережно взяв лицо возлюбленной в свои ладони. Он нежно прикоснулся губами к ее губам, векам…

– В следующий раз, – прошептал он, – мы сделаем это медленнее. Я не буду так спешить, обещаю.

Берил улыбнулась ему:

– Мне не на что жаловаться.

– Ни одной жалобы?

– Вообще ни одной. Но в следующий раз…

– Да?

Берил переместилась под телом Ричарда на постели, и они прокувыркались по простыням, пока она не оказалась сверху.

– В следующий раз, – тихо произнесла она, проводя губами по его груди, – настанет моя очередь пытать тебя.

Ричард застонал, когда губы любимой стремительно скользнули к его животу.

– Так, значит, мы будем делать это по очереди?

– Ты сам все сказал. Все средства хороши…

– …в любви и на войне, – рассмеялся он, с наслаждением запустив руки в ее роскошные волосы.

* * *

Они встретились в своем обычном месте – хранилище позади галереи «Анника». У стен было сложено множество деревянных ящиков, в которых держали картины и скульптуры творцов, претендующих на известность. На поверку большинство из них оказывались бездарными любителями, питавшими надежду занять своими произведениями хотя бы крошечный кусочек стены галереи.

«Но кто способен доподлинно установить, что является искусством, а что – мусором? – думал Амьель Фош, с интересом оглядывая помещение, полное упакованных в деревянные коробки фантазий. – По мне, тут все одинаково: краски и холсты».

Дверь хранилища распахнулась, и Фош обернулся навстречу входившему.

– Взрыв раздался, как и было запланировано, – отрапортовал Амьель. – Работа сделана.

– Нет, работа отнюдь не сделана, – последовал ответ. В хранилище вошел, появившись из темноты, Энтони Сазерленд. Глухой стук захлопнувшейся за ним двери эхом отозвался в глухом бетонном полу. – Я хотел уничтожить эту женщину. А она все еще жива. Как и Ричард Вулф.

Фош с недоумением посмотрел на Энтони:

– Это был механизм с задержкой срабатывания, который должен был взорваться через две минуты после того, как они войдут в квартиру! Возможно, он не смог самостоятельно воспламениться.

– Как бы то ни было, они попрежнему живы. И до этого момента результаты вашей работы выглядят плачевно. Вы не смогли покончить даже с этим жалким существом, Мари СенПьер!

– Я обязательно займусь мадам СенПьер…

– Забудьте о ней! Сейчас я хочу только одного: чтобы Тэвистоки умерли! Боже, они словно кошки! У них по девять чертовых жизней!

– Джордан Тэвисток все еще находится в заключении. Я могу устроить…

– С Джорданом можно некоторое время подождать. Там, в тюрьме, он совершенно безопасен. А вот с Берил нужно разобраться как можно быстрее. Предполагаю, что они с Вулфом покинули Париж. Найдите их.

– Как?

– Ну, вы же всетаки профессионал.

– Этот Ричард Вулф! – с досадой отозвался Фош. – Его будет трудно выследить. В конце концов, я не могу творить чудеса!

Повисло долгое молчание. Глядя на молодого человека, который сосредоточенно расхаживал между ящиков с произведениями искусства, Фош рассеянно думал: «Как же этот мальчик не похож на свою мать! Он достаточно жесток, чтобы довести задуманное до конца. И удивительно хладнокровен, чтобы не дрогнуть, представляя себе последствия».

– Я не могу искать вслепую, – объяснил Фош. – Мне нужно знать, в каком направлении они скрылись. Возможно, отправились в Англию?

– Нет, не в Англию. – Энтони неожиданно замер на месте. – В Грецию. На остров Парос.

– Вы имеете в виду… к семье Ридо?

– Вулф попытается связаться с ними. Я в этом абсолютно уверен. – Энтони с отвращением фыркнул. – Моей матери следовало позаботиться о Ридо еще много лет назад. Хорошо, что еще не поздно сделать это.

Амьель кивнул:

– Тогда я отправлюсь на остров Парос.

* * *

После того как Фош удалился, Энтони Сазерленд задержался в хранилище, пристально глядя на деревянные ящики. «Как много надежд заперто внутри! – размышлял он. – Но не мои. Что касается моих фантазий, то они демонстрируются для широкой публики, которая смотрит на них во все глаза и восхищается. Работы этих бедных ничтожеств – лишь плевки в вечность. Я – тот, кем восторгаются, в чью честь произносят тосты».

Для того чтобы добиться чегото подобного, требуется больше, чем талант, больше, чем просто удача. Для этого понадобилась помощь Филиппа СенПьера, его холодные звонкие монеты. Мощный поток наличных, который немедленно пересохнет, стоит его матери разоблачить себя.

«Мой папочка Филипп! – рассмеялся про себя Энтони. – Он все еще ничего не подозревает, после всех этих лет! Нужно отдать должное моей восхитительной матери – уж онато знает, как их всех околдовать!»

И все же ее женская хитрость дала однуединственную промашку. Если бы Нина избавилась ото всех следов много лет назад! Но нет, вместо этого она оставила в живых свидетеля, даже заплатила, чтобы тот покинул страну. И пока этот свидетель жив, он будет бомбой замедленного действия, тикающей гдето на далеком греческом острове.

Энтони вышел из хранилища галереи, прошел вниз по узкой улочке и сел в машину. Пора ехать домой. Не стоит быть причиной бессонницы собственной матери, Нина и без того вечно за него волнуется. Энтони старался не причинять ей страданий. В конце концов, мать была единственным человеком во всем мире, который действительно его любил. Понимал его.

«Мы похожи как две капли воды – мама и я», – с улыбкой подумал Энтони. Он завел машину и с оглушительным ревом скрылся в ночи.

* * *

Охранники пришли, чтобы вывести его из одиночной камеры, в девять часов утра. Не последовало никаких объяснений, лишь ключи зазвенели в замке, и раздался грубый приказ на французском.

«И что теперь?» – мучился в неведении Джордан, следуя за тюремщиками по коридору к комнате свиданий. Войдя внутрь, он сощурился под бившим с потолка ярким светом флуоресцентных ламп.

В комнате ждал Реджи Вэйн. Завидев Джордана, он тут же махнул рукой в сторону стула:

– Садись. Ты выглядишь чертовски плохо, мой мальчик.

– Я и чувствую себя чертовски плохо, – отозвался Джордан, опускаясь на стул.

Реджи тоже сел. Наклонясь вперед, он заговорщически зашептал:

– Я принес то, что ты просил. Здесь на углу есть премиленькая мясная лавка. Вот великолепный террин из утки. И несколько багетов.

Вэйн подпихнул Джордану под столом бумажный пакет:

– Приятного аппетита.

Заключенный сунул нос в пакет и с облегчением вздохнул:

– Реджи, старина, вы – святой!

– Я еще захватил тебе восхитительные пироги с лукомпореем, но коп у входа решил полакомиться ими сам.

– А как насчет вина? Вам удалось пронести бутылочкудругую чегонибудь приличного?

Реджи подтолкнул под столом второй пакет, содержимое которого тут же мелодично зазвенело.

– Конечно, как я мог забыть! Божоле и весьма недурственный «Пино нуар». Пришлось выбрать бутылки с завинчивающимися крышками – боюсь, сюда не разрешили бы принести штопор. Да, и тебе придется вернуть бутылки, когда они опустеют. Стекло, сам понимаешь.

Джордан воззрился на божоле взглядом, в котором ясно читалось полное моральное удовлетворение.

– Как же вам это удалось, Реджи?

– О, всего лишь позолотил несколько алчных ручек! Да, и насчет книг, о которых ты просил, – Хелена принесет их во второй половине дня.

– Ах да, «Капитал»! – Джордан подвернул верх пакета, чтобы не было видно бутылок. – Если уж суждено сидеть в тюрьме, нужно использовать время, чтобы пополнить свой интеллектуальный багаж.

Он взглянул на Реджи:

– Ну а теперь расскажитека мне о последних новостях. Берил не давала о себе знать со вчерашнего дня.

– Я боялся этого вопроса, – вздохнул Реджи.

– Что случилось?

– Полагаю, они с Вулфом уехали из Парижа. После взрыва, который произошел вчера вечером…

– Что???

– Утром об этом сообщил Домье. В квартире, где пряталась Берил, прошлым вечером раздался взрыв. Два французских агента погибли. Вулф и твоя сестра не пострадали, но решили ненадолго залечь на дно, покинуть страну.

Из груди Джордана вырвался вздох облегчения: слава богу, Берил послушалась и наконецто скрылась из поля зрения! Значит, одной проб лемой, о которой он так волновался, будет меньше.

– А что известно по поводу взрыва? – спросил Джордан. – Что об этом говорит Домье?

– Его люди утверждают, что есть определенное сходство.

– С чем?

– Со взрывом в квартире СенПьера.

Джордан в изумлении уставился на Реджи:

– Но ведь это был террористический акт. «Мировая солидарность» или другая безумная организация…

– Вероятно, бомбы чемто напоминают отпечатки пальцев. То, как они изготовлены, позволяет установить личность их создателя. У обоих механизмов идентичная схема сборки, система расположения проводов. Чтото в этом роде.

Джордан покачал головой:

– И зачем террористам покушаться на Берил? Или на меня? Мы штатские люди.

– Вероятно, они думают иначе.

– Или, может быть, это вообще не террористы, – бросил Джордан, неожиданно срываясь со стула.

Он энергично зашагал по комнате, словно разгоняя застоявшуюся кровь в своих ногах, своем мозге. Слишком много часов, проведенных в камере, заставили тело Джордана одеревенеть – сейчас ему требовалось хорошенько размять кости и глотнуть свежего воздуха.

– А что, если этот взрыв в квартире СенПьеров вовсе не был покушением террористов? – предположил он. – Что, если вся эта чепуха с «Мировой солидарностью» была выдумкой, призванной скрыть настоящий мотив?

– Ты имеешь в виду, что у этого покушения не было политической подоплеки?

– Конечно.

– Но ктото ведь хотел убить Филиппа СенПьера?

Джордан вдруг остановился как вкопанный – его поразила неожиданная догадка.

– Не Филиппа, – тихо сказал он. – Его жену. Мари.

– Так это Мари подложила взрывчатку?

– Нет! Мари была мишенью! Когда бомба сработала, она находилась дома одна. Все вокруг считают, что это был промах, ошибка с учетом времени. Но тот, кто установил взрывное устройство, точно знал, что делал. Он пытался убить Мари, а не ее мужа. – Джордан выразительно взглянул на Реджи, подчеркивая, что его новая просьба не терпит отлагательств. – Вы должны связаться с Вулфом. Передать ему то, что я только что сказал.

– Я не знаю, куда он запропастился.

– Спросите у Домье.

– Он тоже не знает.

– Тогда выясните, куда делся мой дядя. Я никогда не нуждался в семейных связях так, как сейчас.

После ухода Реджи охрана препроводила Джордана в его старую, многоместную камеру. Стоило ему войти в это унылое пристанище, и в

нос резко ударили знакомые запахи – «ароматы» кислого вина и немытых тел. «Назад, в компанию старых друзей», – подумал Джордан, глядя на двух французов, которые храпели на своих койках. Это были те же самые парни, камеру с которыми делил Джордан, когда его только задержали. Пьяница, вор и он, Тэвисток, – какое веселое трио они составили! Он подошел к своей койке и положил рядом два бумажных пакета с едой и вином. По крайней мере, больше не придется давиться этим гуляшом!

Джордан прилег и уставился на паутину в углу. Так много еще нужно выяснить, просто необходимо нагнать упущенное время! «Убийца на свободе, а я здесь, под замком, абсолютно бесполезный, – с досадой думал он. – Тут я не могу проверить свои версии. Если бы мне помог ктото, кому я доверяю, ктото, в отношении кого можно не сомневаться: он – на моей стороне… Куда, черт побери, подевалась Берил?»

* * *

Греческий трактирщик ловко метнул на стол пару стаканов рецины.

– Летом у нас много туристов, – пожал плечами он. – Я не могу отследить всех иностранцев.

– Но этот человек, Ридо, не турист, – объяснил Ричард. – Он живет на этом острове уже двадцать лет. Француз.

Трактирщик рассмеялся:

– Французы, голландцы – для меня они все одинаковы.

Он весело хмыкнул и пошел обратно на кухню.

– Еще один тупик, – пробормотала Берил. Она сделала глоток рецины и состроила недовольную гримаску. – И люди на самом деле пьют это варево?

– А некоторые даже наслаждаются им, – ответил Ричард. – Они пристрастились к этому вину.

– Тогда, может быть, и я в свое время привыкну к этому вкусу. – Берил отодвинула стакан и окинула взглядом мрачную таверну.

Был уже полдень, и пассажиры, сошедшие с последнего круизного судна, начали стекаться в закусочную, прячась от жары. Их сумки были доверху набиты обычными покупками туристов: греческими амфорами, рыбацкими фуражками, крестьянскими платьями в народном стиле.

Вынужденная слушать бормотание на полудюжине языков, Берил вдруг осознала, почему местные жители даже не потрудились отличить француза от любого другого чужака. Иностранцы приезжали, тратили деньги и уезжали – вот и все, что нужно было о них знать.

Трактирщик снова появился из кухни, неся обжигающую тарелку кальмаров. Он поставил блюдо на столик, занятый немецкой семьей, и уже было собрался обратно на кухню, но Ричард остановил его вопросом:

– А кто может знать об этом французе?

– Вы впустую тратите свое время, – стоял на своем трактирщик. – Уверяю вас, на этом острове нет никого по фамилии Ридо.

– Он перевез сюда свою семью, – не отступал Ричард. – Жену и сына. Парню теперь гдето за тридцать. Его зовут Жерар.

Неожиданно позади барной стойки с сильным грохотом упало на пол блюдо. Стоявшая там темноглазая молодая женщина нахмурилась и посмотрела на Ричарда.

– Жерар? – переспросила она.

– Жерар Ридо, – ответил Ричард. – Вы его знаете?

– Она ничего не знает, – встрял в разговор трактирщик и жестом приказал молодой женщине уйти на кухню.

Но она продолжала стоять, во все глаза смотря на Ричарда, словно не была уверена, что нужно сделать, сказать…

– Мы приехали из Парижа, – объяснила Берил. – Нам очень важно поговорить с отцом Жерара.

– Но вы не француженка, – отозвалась женщина.

– Нет, я англичанка. – Берил кивнула на Ричарда: – А он – американец.

– Он сказал… он сказал, что должен остерегаться француза.

– Кто сказал?

– Жерар.

– Он прав, ему следует быть осторожным, – сказал Ричард. – Но ему следует знать, что дело приняло еще более опасный оборот. Те, кого он остерегается, могут приехать в Парос, чтобы найти его семью. Мы

должны с ним поговорить, прямо сейчас. – И Ричард показал на трактирщика: – А он будет нашим свидетелем. Если чтонибудь пойдет не так, как надо.

Женщина помедлила в нерешительности, затем ушла на кухню. Через мгновение она появилась снова и сказала:

– Он не отвечает по телефону. Я отвезу вас туда.

Вскоре они уже тряслись по ухабистому участку дороги – единственному пути, ведущему в ЛогарасБич. Облака пыли влетали в открытое окно, оседая на черных как смоль волосах женщины, которая вела машину. Их новую знакомую звали София, и она родилась на этом острове. Ее отец когдато управлял отелем близ гавани, теперь бизнес перешел к трем ее братьям.

Разумеется, София могла бы справляться с делом не хуже, но кто будет прислушиваться к мнению женщины! Так что ей приходилось работать в таверне у Тео – жарить кальмаров, закручивать долму. София говорила на четырех языках; по ее словам, эти познания просто необходимы каждому, кто собирается зарабатывать себе на жизнь за счет туризма.

– Откуда вы знаете Жерара? – поинтересовалась Берил.

– Мы друзья, – последовал лаконичный ответ.

«Скорее любовники», – предположила про себя Берил, заметив, как покраснели щеки собеседницы.

– Его семья перебралась сюда из Франции. Мать Жерара умерла пять лет назад, но его отец все еще жив. Правда, их фамилия не Ридо. Может быть, – София с надеждой посмотрела на них, – вы ищете совершенно другую семью?

– Скорее всего, они просто изменили фамилию, – ответила Берил.

Они припарковались у самого берега и выбрались из машины, перешагивая камни и песок.

– Там. – София показала на виндсерфера, скользящего вдали по воде. – Это Жерар.

Она махнула ему рукой и позвала погречески. Доска моментально развернулась, разноцветный парус тут же послушно сменил направление. С ветром, бьющим прямо в спину, Жерар летел до берега, словно загорелый Адонис, пока нос его доски не зарылся в песок.

– Жерар, – сказала София, – эти люди ищут мужчину по фамилии Ридо. Это ведь твой отец?

Жерар тут же отбросил свою доску для виндсерфинга в сторону.

– Наша фамилия не Ридо, – коротко бросил он, развернулся на месте и пошел прочь.

– Жерар? – снова позвала София.

– Разрешите мне с ним поговорить, – вмешался Ричард и направился по берегу следом за Жераром.

Оставшись рядом с Софией, Берил наблюдала, как двое мужчин стояли друг против друга. Жерар энергично тряс головой, отказываясь признавать, будто ему чтото известно о семье Ридо. Сквозь свист ветра Берил слышала голос Ричарда, его слова «взрывное устройство» и «убийство». Она видела, как Жерар нервно оглядывался вокруг, и знала: он очень напуган.

– Надеюсь, я поступила правильно, – пробормотала София. – Он так обеспокоен!

– Ему действительно следует беспокоиться.

– Что совершил его отец?

– Дело не в том, что он чтото совершил. Дело в том, что он коечто знает.

Стоявший в отдалении Жерар, казалось, становился все более и более взволнованным. Вдруг он резко повернулся и направился обратно, к Софии. Ричард шел следом.

– Что произошло? – встревожилась София.

– Поехали, – на ходу бросил Жерар. – Домой к моему отцу.

На сей раз их ждала поездка по побережью, мимо рощ борющихся за жизнь оливковых деревьев слева и серозеленого Эгейского моря справа. Салон автомобиля Жерара был насквозь пропитан запахом лосьона для загара. «Какая сухая и бесплодная земля! – заметила про себя Берил. – Впрочем, для выходца из французской трущобы это место наверняка кажется раем».

– Мой отец не говорит поанглийски, – объяснил Жерар, ведя машину. – Мне придется переводить ему ваши вопросы. Возможно, он не помнит этой истории.

– Уверен, уж эту историю он отлично помнит, – сказал Ричард. – Ведь именно по этой причине вы в свое время покинули Париж.

– Это было двадцать лет назад. Прошло слишком много времени…

– А вы, вы помните хоть чтонибудь? – поинтересовалась Берил с заднего сиденья. – Сколько вам тогда было? Пятнадцать, шестнадцать?

– Пятнадцать, – подтвердил Жерар.

– Тогда вы должны помнить улицу Мира, шестьдесят шесть. Дом, в котором вы жили.

Машина выскочила на грунтовую дорогу, и Жерар крепче схватился за руль.

– Помню, как приходила полиция, они осматривали мансарду. Задавали моему отцу все эти вопросы… Каждый день, на протяжении целой недели.

– А как насчет женщины, которая сняла комнату в мансарде? – спросил Ричард. – Ее фамилия – Скарлатти. Ее вы помните?

– Да. К ней захаживал мужчина. Я подслушивал их у двери. Каждую среду. Ах, все эти звуки, которые они издавали! – Неожиданно развеселившись, Жерар покачал головой. – Довольно возбуждающие для мальчика моего возраста.

– Выходит, эта мадемуазель Скарлатти использовала мансарду только в качестве любовного гнездышка?

– Единственное, что она там делала, – это занималась любовью.

– И как они выглядели, эти двое любовников?

– Мужчина был высоким – это все, что я помню о нем. У женщины были темные волосы. Она всегда носила косынку и солнечные очки. Я не помню ее лицо достаточно хорошо, зато осталось впечатление, что она была очень красивой.

«Как моя мать, – подумала Берил. – Неужели она могла быть неверной? И на самом ли деле это была она – женщина, которая встречалась с любовником в той захудалой квартирке в районе Пигаль?»

Берил тихо спросила:

– А эта женщина, она была англичанкой?

Жерар немного подумал:

– Возможно, была.

– Получается, вы в этом не уверены?

– Я был так молод! Я думал, что эта женщина была иностранкой, но не знал, откуда она приехала. Потом, после убийства, я услышал, что она была англичанкой.

– Вы видели их тела?

Жерар отрицательно покачал головой:

– Мой отец не позволил бы мне на это смотреть.

– Значит, именно ваш отец первым обнаружил их? – осведомился Ричард.

– Нет. Это был один мужчина.

Ричард в удивлении воззрился на Жерара:

– Какой мужчина?

– Любовник мадемуазель Скарлатти. Мы видели, как он поднялся по лестнице в мансарду. А потом неистово, словно безумный, сбежал вниз. Тогдато мы поняли, что случилось нечто ужасное, и сразу позвонили в полицию.

– А что случилось с тем мужчиной?

– Он уехал. Я никогда его больше не видел. Думаю, он боялся, что его обвинят в убийстве. Видимо, именно поэтому он послал нам деньги.

– Это вознаграждение, а попросту – взятка, – веско произнес Ричард. – Предполагаю, довольно щедрая.

– Плата за молчание? – уточнила Берил.

– Или за лжесвидетельство. – Ричард снова обратился к Жерару: – А как он передал вам деньги?

– Спустя всего несколько часов после того, как были найдены тела, к нам пришел человек с портфелем. Я никогда не видел его прежде – невысокий, довольно коренастый француз. Он зашел в нашу квартиру и

увел отца в дальнюю комнату. Я не слышал, о чем они говорили. А потом этот невысокий человек ушел.

– И ваш отец никогда не говорил с вами об этом?

– Нет. А еще этот человек попросил нас, чтобы мы не рассказывали о том мужчине полиции.

– Вы уверены, что в портфеле были деньги?

– Думаю, да.

– Откуда вы знаете?

– Потому что у нас неожиданно появились новые вещи – одежда, телевизор. А затем, вскоре после этого, мы уехали в Грецию. И купили здесь дом. Вон там, видите? – Жерар показал на раскинувшуюся вдали виллу с красной черепичной крышей.

Когда они подъехали ближе, Берил увидела пышную бугенвиллею, которая увивала беленые стены и стелилась по крытой веранде. На уединенном пляже прямо у дома плескались о берег волны.

Они припарковались рядом с пыльным «ситроеном» и выбрались из машины. Ветер все так же свистел со стороны моря, бросая им в лицо песок. В поле зрения не было ни одного другого здания, только уединенный дом, спрятанный в покрытой скудной растительностью скале.

– Папа? – позвал Жерар, поднимаясь по каменным ступеням. Он распахнул ворота из кованого железа. – Папа?

Никто не отвечал.

Жерар толкнул входную дверь и переступил через порог, за ним по пятам следовали Берил и Ричард. Их шаги эхом отзывались в тишине комнат.

– Я звонила сюда из таверны, – сказала София. – К телефону никто не подошел.

– Его машина снаружи, – бросил Жерар. – Он должен быть здесь.

Жерар прошел через гостиную и направился к столовой.

– Папа? – снова позвал он и остановился в проеме двери. Страдальческий крик вдруг вырвался из его груди. Жерар в ужасе

отступил назад и, споткнувшись, рухнул на колени. Над его плечом Берил успела разглядеть столовую.

Деревянный стол занимал комнату по всей длине. В самом дальнем конце стола раскинулся седовласый мужчина. Его лицо покоилось на мелкой тарелке, по деревянной поверхности были разбросаны горох и рис.

Протиснувшись мимо Жерара, Ричард прошел к мужчине. Он осторожно взял голову старика и приподнял его лицо из рисовой каши.

Во лбу седовласого мужчины зияло отверстие от пули.

Глава 10

Амьель Фош сидел за наружным столиком кафе, потягивая эспрессо и наблюдая за прогуливавшимися неподалеку туристами. «Это не обычная толпа зубных протезов и бифокальных линз, – заметил он, когда мимо проплыла рыжая красотка. – Должно быть, это время пар, проводящих здесь медовый месяц».

Было уже пять вечера, и последний общественный паром в Пирей уплывал через полчаса. Если мисс Тэвисток планирует покинуть остров сегодня вечером, она должна подняться на борт парома. Ему, Фошу, нужно внимательно следить за трапом.

Амьель быстро покончил с легкой закуской, которой были начинены виноградные листья, и приступил к десерту – печенью с грецкими орехами, щедро политому сиропом. Просто поразительно, каким голодным он был каждый раз после завершения работы! Других мужчин кровопролитие наверняка привело бы к повышению либидо, внезапной тяге к неистовому, быстрому сексу. Что же касается Амьеля Фоша, то вместо этого он испытывал неодолимую тягу к еде – неудивительно, что лишний вес уже давно так беспокоил его.

Отправить на тот свет старого француза Ридо труда не составило, а вот убить Вулфа и эту женщину, мисс Тэвисток, наверняка будет непросто. Сегодня днем Фош подумывал о том, чтобы устроить засаду, но дом Ридо стоял на незаселенном участке береговой линии. Добраться до виллы можно было лишь преодолев расстояние в пять миль по грунтовой дороге, и спрятать машину, как оказалось, просто негде. Да, здесь негде было засесть в засаде без риска быть обнаруженным.

У Фоша было правило, которое он никогда не нарушал: всегда оставлять себе путь к отступлению. Дом Ридо, стоявший среди скудной низкой растительности, был чересчур уязвим – тут невозможно было

спрятаться. Ричард Вулф вооружен и бдительно подмечает любые признаки опасности.

Нет, Амьель Фош не был трусом. Но не был и дураком. Напротив, он казался довольно мудрым для того, чтобы подождать другой подходящей возможности, – вероятно, в Пирее, с его переполненными улицами и хаотичным дорожным движением. Пешеходы погибали там все время. Несчастный случай, два погибших туриста – это едва ли вызвало бы хоть малейший интерес и стало бы причиной суматохи.

Цепкий взгляд Фоша стал еще более сосредоточенным, когда дневной паром зашел в порт. Это была лишь быстрая погрузка пассажиров: в конце концов, остров Парос не был излюбленным местом для посещений туристов, как привычный маршрут Миконос – Родос – Крит. Несколько дюжин человек уже стояли у основания трапа, собираясь подняться на паром. Фош быстро окинул взглядом толпу. К его ужасу, он не заметил ни женщины, ни Вулфа. Амьель знал, что сегодня они были на острове, – его человек засек их этим утром в таверне. Неужели они ускользнули какимнибудь другим маршрутом?

Тутто Фош и обратил внимание на мужчину в изодранной ветровке и черной рыбацкой фуражке. Он шел, ссутулившись, но даже сгорбленные плечи не могли замаскировать его рост – футов шесть, как минимум. Незнакомец выделялся крепким, спортивным телосложением. Мужчина повернулся боком, и Фош мельком увидел его лицо, прикрытое отросшей за несколько дней щетиной. Это был Ричард Вулф. Но он, казалось, путешествовал один. Куда же подевалась женщина?

Фош заплатил по счету в кафе и направился к месту посадки на паром. Он умело смешался с толпой пассажиров, получив возможность внимательно изучить их лица. Там было множество женщин: загорелых туристок, греческих домохозяек, скромно одетых в черное, несколько хиппи в джинсах. Но нигде, абсолютно нигде не было Берил Тэвисток.

Амьель вдруг почувствовал прилив паники. Неужели женщина и Вулф решили разделиться? Если так, он может вообще никогда ее не найти. Фош боролся с заманчивым желанием остаться на острове, разыскать беглянку…

Между тем пассажиры уже поднимались по трапу. Амьель взвесил все варианты и решил все же ехать за Вулфом. В конце концов, всегда лучше охотиться на добычу, которая стоит перед тобой, из плоти и крови. Рано или поздно Вулф обязательно воссоединится с женщиной. А пока этого не произошло, Фошу придется дожидаться удобного случая, не совершая опрометчивых поступков.

Мужчина в рыбацкой фуражке поднялся по трапу и отправился в общую каюту. Спустя мгновение Фош проскользнул следом за ним внутрь и занял место через два ряда позади него, рядом со стариком с коробкой соленой рыбы. Вскоре двигатели взревели, и паром скользнул по воде, оторвавшись от пристани.

Фош откинулся на своем сиденье, приготовившись терпеливо дожидаться окончания поездки, его взгляд сосредоточился на затылке Вулфа. Отвратительный запах горючего и сушеной рыбы довольно быстро стал вызывать тошноту. Паром швыряло в разные стороны, он то опускался, то поднимался на воде, и завтрак Амьеля в виде долмы и эспрессо грозил вотвот вылезти наружу. Фош поднялся и с трудом протиснулся к верхней палубе. Держась за поручни, он сделал несколько быстрых глотков свежего воздуха и немного подождал, чтобы тош нота отступила. Почувствовав облегчение, он неохотно повернулся и направился обратно в каюту.

Фош пошел по проходу к своему месту, мимо Вулфа… Или человека, который, как он думал, был Вулфом. На незнакомце была та же самая жалкая ветровка, та же черная рыбацкая фуражка. Но этот мужчина был чисто выбрит и явно моложе. Определенно это совсем другой человек!

Фош окинул взглядом каюту. Вулфа нигде не было. Он поспешил на палубу, но и там не увидел объект своей слежки. Он поднялся по лестнице на верхний уровень парома. И снова – никакого Вулфа.

Фош обернулся, увидел стремительно удаляющийся остров Парос и, чуть не задохнувшись от бессильной злобы, крепко выругался. Это была хитрая уловка! Выходит, они все еще на острове – они должны там быть. «А я попался в ловушку на этой лодке в Пирей», – досадовал Фош.

Он с силой хлопнул по перилам, проклиная себя и свою собственную глупость. Вулф снова обвел его вокруг пальца! Настоящий профессионал, он использовал весь арсенал хитрых приемов. И не было никакого смысла допытываться о чемлибо у того мужчины в каюте: наверняка этого местного простофилю наняли, чтобы поменяться местами с Вулфом перед самым отплытием парома.

Посмотрев на часы, Фош высчитал, сколько времени потребуется ему для того, чтобы вернуться на остров на взятой напрокат лодке. Если повезет, Амьель сможет выследить их уже сегодня вечером – если, конечно, они все еще будут там. «Я обязательно найду их! – поклялся Фош. – Вулф, может быть, и профессионал. Но и я – тоже».

* * *

Сидя в близлежащем кафе, Ричард увидел, как паром выскользнул из гавани, и вздохнул с облегчением. Старый трюк с подсадной уткой сработал: после отплытия парома никто больше за ним не следил. Сегодня он подозревал всех и каждого, но в особенности одного человека – лысеющего типа в заурядной, типично туристской одежде. Ричард заметил, как тот буквально сканировал взглядом садившихся на паром пассажиров, как этот цепкий, неприятный взор на мгновение задержался на его лице.

Да, это был именно тот, кто за ним следил. Приманка предназначалась ему. Мышеловка должна была захлопнуться.

Оказавшись в общей каюте парома, Ричард бросил фуражку и куртку на сиденье, быстро прошел по проходу и вышел через другую дверь. Согласно договоренности, брат Софии – малый ростом шести футов с темными волосами – проскользнул на то самое место, натянул фуражку и куртку, а потом тут же прикрыл лицо ладонями, притворившись, что спит.

Спрятавшись за чьейто громоздкой поклажей, Ричард долго ждал, пока на борт поднимутся все пассажиры. А потом просто улизнул с парома на лодке. Больше никто за ним не следил. Убедившись в этом, он вышел из кафе и сел в машину Софии.

Потом он шесть миль ехал до маленькой бухты, спрятанной среди скал. У Софии и ее брата была семейная рыбацкая лодка «Мелина», готовая в любую минуту двинуться в путь: двигатель уже работал, якорь поднимался. Ричард забрался в гребную шлюпку, подплыл к «Мелине» и поднялся по веревочной лестнице на ее палубу.

Берил с нетерпением ждала его. Ричард крепко прижал ее к себе, подержал в объятиях, поцеловал.

– Все в порядке, – прошептал он. – Я его обыграл.

– Я так боялась, что потеряю тебя!

– Не судьба. – Он отошел и улыбнулся Берил, любуясь ею.

Ветер перебирал темные волосы любимой, а ее глаза казались такими же прозрачнозелеными, как Эгейское море. Сейчас Берил напоминала Ричарду греческую богиню – Цирцею, Афродиту. Женщину, которая могла навеки околдовать мужчину.

Якорь глухо стукнулся о палубу. Братья Софии направили нос «Мелины» прямо в открытое море. Впереди был тяжелый путь – мощный летний

ветер дул неустанно, бурное море плескалось сильными волнами. Но на закате небо окрасилось великолепными оттенками красного, ветер внезапно стих, а водная гладь стала прозрачной. Берил и Ричард стояли на палубе, вглядываясь в темнеющие силуэты островов.

– Мы прибудем поздно вечером, – сказала София.

– В Пирей? – поинтересовался Ричард.

– Нет. Там слишком людно. Мы доберемся до Монемвасии, где нас никто не увидит.

– А потом?

– Вы отправитесь своим путем. Мы – своим. Так будет безопаснее для всех нас.

София взглянула на корму, где двое ее братьев беззаботно смеялись и хлопали друг друга по спине:

– Нет, вы только на них посмотрите! Они думают, что это маленькое увлекательное приключение! Если бы они видели отца Жерара…

– С вами все будет в порядке? – спросила Берил.

София взглянула на нее:

– Гораздо больше я волнуюсь о Жераре. Они наверняка будут искать его.

– Я так не думаю, – успокоил Ричард. – В конце концов, он был еще совсем мальчиком, когда покинул Париж. Его свидетельские показания не смогут им навредить.

– И всетаки он вспомнил достаточно, чтобы рассказать вам нечто важное, – возразила София.

Ричард покачал головой:

– Но я не могу точно понять, что все это значит.

– Но убийца, возможно, понимает. И теперь он возьмется за поиски Жерара. – София внимательно посмотрела через корму, по направлению к оставшемуся вдали острову. К Жерару, который отказался спасаться бегством. – Ах, это его упрямство! Оно погубит его, – потерянно пробормотала она и направилась в каюту.

– Как ты думаешь, что все это значит? – спросила Берил Ричарда. – Вся эта история о невысоком человеке с портфелем? Это действительно был подкуп Ридо, плата за его молчание?

– Отчасти.

– Значит, ты считаешь, что в этом портфеле было чтото еще, – сделала вывод Берил. – Чтото помимо денег.

Ричард обернулся и увидел яркий отсвет заката на ее лице, глубину ее пристального взгляда. «А она сообразительна, – подумал он. – Моментально схватывает, что я имею в виду».

– Уверен, что так и было, – подтвердил Ричард. – Думаю, что любовник нашей таинственной мадемуазель Скарлатти попал в весьма щекотливую ситуацию. Два мертвых тела в мансарде, скоро об этом станет известно полиции. И он находит способ выпутаться из двух проблем сразу. Он отправляет своего человека, чтобы подкупить Ридо, просит, чтобы тот не говорил о нем полиции.

– А в чем же заключается вторая проблема?

– В любую минуту может раскрыться, что именно он и есть тот самый «крот».

– Делфи?

– Возможно, он знал, что разведка уже приблизилась к разгадке и на него вотвот выйдут. Поэтому он кладет документы с секретными сведениями НАТО в портфель…

– …и приказывает своему человеку подбросить этот портфель в мансарду, – закончила за него Берил. – Рядом с телом моего отца.

Ричард кивнул:

– Именно это и пытался сказать нам инспектор Бруссар – чтото важное о портфеле. Помнишь ту фотографию с места убийства? Он все время показывал на пустой кусок пола у двери. Что, если портфель подложили туда уже после того, как были сделаны первые снимки места происшествия? Инспектор наверняка понял, что это было сделано уже после убийства.

– Но он не мог заниматься этим аспектом дела, потому что французская разведка конфисковала портфель.

– Совершенно верно.

– В разведке решили, что именно мой отец принес эти документы в мансарду. – Берил взглянула на Ричарда, и в ее глазах сверкнула твердая решимость. – Как мы можем доказать то, о чем догадались? Хоть чтонибудь из этого?

– Мы установим личность любовника мадемуазель Скарлатти.

– Но нашим единственным свидетелем был Ридо. Ты сам сказал, что Жерар был совсем еще мальчиком. Он вряд ли вспомнит, как выглядел тот мужчина.

– Значит, обратимся к другому источнику информации. Человеку, который наверняка знает, кто скрывался под кодовым именем Делфи, – его коллеге из Восточной Германии, сотруднику разведки. Генриху Ляйтнеру.

Берил с изумлением посмотрела на Ричарда:

– И ты знаешь, как с ним связаться?

– Он находится в тюрьме строгого режима в Берлине. Проблема заключается в том, что немецкая разведка запрещает свободный доступ к своим заключенным.

– А нельзя ли получить разрешение по дипломатическим каналам, в качестве одолжения?

Ричард скептически усмехнулся:

– Бывший агент ЦРУ определенно будет для них не самым желанным гостем. Не говоря уже о том, что Ляйтнер может отказаться со мной разговаривать. И все же это шанс, которым нужно воспользоваться.

Ричард отвернулся, чтобы взглянуть на темнеющее море, которое плескалось под носом лодки. Он тонко улавливал каждое движение Берил, чувствовал ее близкое присутствие так же очевидно, как тепло садящегося за горизонт солнца. И это просто сводило его с ума – быть так близко к желанной женщине, не имея возможности предаться с ней страсти. Ричард считал часы до того момента, когда они снова окажутся наедине, когда он сможет снять с нее одежду, заняться с ней любовью… «Когдато я считал, что эта женщина мне не по зубам, что она не для меня, – размышлял он. – Может быть, так оно и есть. Вероятно, это всего лишь любовная лихорадка и со временем страсть перегорит, сделав нас обоих более печальными и мудрыми. Но сейчас она – все, о чем я думаю, чего так неистово желаю…»

– Значит, вот куда мы направимся теперь, – прошептала Берил. – В Берлин.

– Это серьезный риск, там может быть очень опасно. – Их взгляды встретились в бархате сумрака. – Все может пойти не так…

– Только не тогда, когда ты рядом, – с нежностью произнесла она.

«Надеюсь, ты права, – подумал Ричард, прижимая любимую к своей груди. – Боже мой, как бы мне хотелось, чтобы ты оказалась права…»

* * *

Игральные кости стукнулись о стену камеры и упали, показав пять и шесть.

– Ага! – вскричал Джордан, с триумфом поднимая вверх кулак. – Ну, сколько я там выиграл? Десять тысяч франков? Правда десять тысяч?

Его сокамерники, Лерой и Фофо, безропотно кивнули.

Джордан протянул руку:

– Время платить, джентльмены!

В его ладонь опустились два грязных клочка бумаги. На каждом из них была написана цифра – 10 000. Джордан усмехнулся:

– Еще партию?

Фофо потряс кости в руках, метнул их об стену и застонал – три и пять. Потом бросил Лерой – и вовсе две двойки. Джордан снова выбросил пять и шесть. Сокамерники вручили ему еще две потрепанные бумажки. «Такими темпами я уже завтра буду миллионером! – возликовал Джордан, глядя на растущую кучу долговых расписок. – Жалко, что только на бумаге». Он взял в руки кости и собрался сделать еще один бросок, когда услышал звук приближающихся шагов.

Снаружи, за решеткой камеры, стоял Реджи Вэйн, держа корзину с копченым лососем и крекерами.

– Хелена прислала тебе подкрепиться, – сказал он, пропихивая корзину через маленькое отверстие в самом низу двери камеры. – Да, тут свежая скатерть, салфетки и все в таком роде… На эти выигранные бумажки ведь не наешься, не так ли?

– Разумеется, нет, – согласился Джордан, с благодарностью принимая корзину драгоценных даров. – Вы настоящий друг, Реджи.

– Да, конечно… – усмехнулся Вэйн и закашлялся. – Хочется хоть чемнибудь помочь сыну Мэдлин.

– Чтонибудь стало известно о дяде Хью?

– О нем попрежнему ни слуха, как уверяют твои люди в Четвинде.

Расстроенный, Джордан поставил корзину на пол.

– И это самое странное во всей этой истории! Я – в тюрьме. Берил исчезла. А дядя Хью, вероятно, занят выполнением какойнибудь секретной миссии для МИ6. – Джордан принялся расхаживать по камере, не обращая внимания на то, что Фофо и Лерой с жадностью набросились на содержимое корзины. – А как продвигается расследование взрывов? Есть чтонибудь новенькое?

– Эти два взрыва определенно связаны. Устройства были изготовлены одной рукой. Похоже, ктото пытался избавиться от них всех – и от Берил, и от СенПьеров.

– Думаю, мишенью была именно Мари СенПьер. – Джордан замер на месте и взглянул на Реджи. – Допустим, покушались действительно на нее. Что могло послужить мотивом?

Реджи пожал плечами:

– Она не из тех женщин, что склонны наживать себе врагов.

– Вы наверняка можете найти ответ на этот вопрос. В конце концов, Мари и ваша жена – лучшие подруги. Хелена должна знать, кто желал Мари смерти.

Реджи с тревогой взглянул на него:

– Не то чтобы это можно было использовать как… доказательство.

Джордан подошел к Вэйну ближе:

– Что вы имеете в виду?

– Это лишь слухи. То, о чем когдато упоминала Хелена.

– Это связано с Филиппом?

Реджи стал сосредоточенно изучать пол.

– Мне кажется, это немного… не поджентльменски, что ли, вытаскивать все это наружу. Видишь ли, это произошло так много лет назад…

– Что произошло?

– Любовная интрижка. Между Филиппом и Ниной.

Джордан уставился на Реджи сквозь железные прутья решетки. «Вот оно что! – подумал он. – Это и есть мотив».

– Когда вы узнали об этом? – спросил Джордан.

– Я слышал об этом пятнадцать – двадцать лет назад. Понимаешь, я долго не мог понять, почему Хелена так не любит Нину. Это ведь почти… ненависть. Ну, ты знаешь, как это бывает с женщинами, со всеми этими ехидными взглядами. Сначала я счел это проявлением ревности. Моя Хелена всегда чувствует себя некомфортно в компании более… ладно, более привлекательных женщин. Собственно говоря, стоит мне мельком бросить взгляд на чьенибудь красивое лицо, и она тут же становится просто несносной!

– Откуда же она узнала о Филиппе и Нине?

– Ей рассказала Мари.

– Ктонибудь еще знал об этом?

– Сомневаюсь, что это было известно многим. Бедняжка Мари явно не собиралась предавать огласке свое унижение. Оповещать всех и каждого, что ее муж развлекался с такой наглой штучкой, как Нина!

– И все же она оставалась замужем за Филиппом все эти годы…

– Да, уж онато весьма предана браку. И зачем ей было выворачивать все это грязное белье на публику? Чтобы разрушить его карьеру? Сейчас Филипп – министр финансов. Возможно, он взойдет на самую вершину. И Мари будет с ним. Значит, в отдаленной перспективе ее молчание окупится с лихвой.

– Если она все еще будет в живых, чтобы насладиться его высоким положением.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Филипп мог пойти на убийство собственной жены? И почему именно сейчас, по прошествии всех этих лет?

– Возможно, Мари поставила ему ультиматум. Посудите сами, Реджи! Филипп взлетел по карьерной лестнице, ему осталось всего ничего до кресла премьерминистра. И тутто Мари говорит: «Или твоя любовница, или я. Выбирай».

Реджи выглядел задумчивым.

– Если он выбирает Нину, значит, ему нужно избавиться от своей жены.

– Да, но что, если он выбирает Мари? И Нина оказывается не у дел?

Нахмурившись, они смотрели друг на друга сквозь прутья тюремной решетки.

– Позвоните Домье, – сказал Ричард. – Расскажите ему все, что сейчас поведали мне, об этой интрижке. И попросите, чтобы он приставил к Нине «хвост».

– Но ты ведь на самом деле не думаешь…

– Я думаю, – сказал Джордан, – что до сих пор мы рассматривали эту историю под абсолютно ошибочным углом. Взрыв не был террористическим актом с политическими мотивами. Весь этот вздор про какуюто «Мировую солидарность» был лишь дымовой завесой, скрывавшей истинный мотив покушения.

– Ты имеешь в виду, что этот мотив был личным?

Джордан кивнул:

– Да, это была не месть террористов – ктото покушался на убийство.

* * *

Рейсовый самолет на Берлин был полупустым, и единственным логическим объяснением тому, что пара потрепанных пассажиров сидела во втором ряду первого класса, было предположение, что они действительно смогли заплатить за билеты. Факт, в который стюардессе, с удивлением разглядывавшей их, верилось с трудом. Пассажиры эти отличались потрепанной измятой одеждой, наличием темных очков на носу и выражением крайней степени усталости на лицах.

На подбородке мужчины красовалась темная щетина недельной давности. Женщина выглядела очень загорелой, ее темные волосы спутались и припорошились пылью. Их единственной ручной кладью была сумка женщины – потрепанное нечто из соломы, испачканное песком. Стюардесса взглянула на корешки билетов пары: Афины – Рим –

Берлин. И с натянутой улыбкой поинтересовалась, не желают ли пассажиры заказать коктейли.

– «Кровавую Мэри», – сказала женщина на блестящем, благородном английском.

– Коктейль «Роб Рой», – отозвался мужчина. – Подайте горьким, покрепче.

Стюардесса ушла за напитками. Когда она вернулась, мужчина и женщина держались за руки и смотрели друг на друга, измученно улыбаясь, они были похожи на людей, чудом оставшихся в живых. Они взяли коктейли с подноса.

– За наше здоровье? – спросил мужчина.

– Определенно, – ответила женщина.

И, усмехнувшись, они склонили бокалы, скрепляя тост звоном стекла.

Вскоре в салоне появилась тележка с едой: пироги с омаром, жаркое из баранины, дикий рис и шляпки шампиньонов. Пара съела по две порции каждого блюда и завершила обед половиной бутылки вина. Потом, словно двое обессилевших щенков, наигравшихся за день, они свернулись калачиком друг против друга и уснули.

Весь путь до Берлина пассажиры благополучно проспали. Лишь когда самолет выкатился на взлетнопосадочную полосу и остановился, оба резко пробудились, немедленно, будто по сигналу тревоги, придя в боевую готовность. Пока пассажиры друг за другом покидали самолет, стюардесса не сводила глаз с помятой пары из Афин. Было совершенно непонятно, кем были эти странные люди, чего от них можно было ожидать. В конце концов, пассажиры первого класса не путешествуют по миру, одевшись как бродяги!

Пара покидала самолет последней. Проводив пассажиров по трапу, стюардесса увидела, как они прошли мимо небольшой группы встречавших. Пара явно старалась держаться подальше от этой кучки людей.

Неожиданно путь странным пассажирам преградили двое мужчин. Бродяги из Афин остановились как вкопанные, потом засуетились, завертелись на месте, словно собираясь бежать обратно к самолету. Как по мановению волшебной палочки рядом материализовались еще трое мужчин, отрезавших паре все пути к спасению. Бродяги оказались в ловушке.

Стюардесса успела увидеть, как паника исказила черты женщины, как на лице мужчины застыла мрачная маска человека, потерпевшего сокрушительное поражение. Теперь у стюардессы не осталось сомнений: чтото с этими людьми было не так! Возможно, это террористы или международные преступники. И теперь их задержала полиция. Стюардесса увидела, как пару провели через жужжащую толпу. «Определенно это публика не первого класса, – с удовлетворением, презрительно фыркнула она. – О да, уж ято вижу пассажиров насквозь!»

* * *

Ричарда и Берил втолкнули в комнату без окон.

– Оставайтесь здесь! – рявкнул ктото приказным тоном, и дверь позади них с грохотом захлопнулась.

– Они нас ждали, – потерянно констатировала Берил. – Откуда же они узнали?

Ричард подошел к двери и подергал за ручку.

– Какой крепкий дверной засов, – пробормотал он. – Мы заперты намертво.

Вулф принялся в отчаянии кружить по комнате, ища другие способы выбраться из ловушки.

– Они какимто образом узнали, что мы прилетим в Берлин… – заметил он.

– Мы заплатили за билеты наличными, – пыталась рассуждать здраво Берил. – Они никак не могли узнать. К тому же нас задержали охранники аэропорта, Ричард! Если они хотят нас убить, для чего утруждать себя нашим арестом?

– Чтобы помешать тебе получить выстрел в прелестную головку, – неожиданно раздался знакомый голос. – Вот почему.

Берил в изумлении обернулась к тучному человеку, который только что вплыл в дверь:

– Дядя Хью???

Лорд Ловат недовольно нахмурился, бросив взгляд на потрепанную одежду и спутанные волосы племянницы:

– Ты – в полном беспорядке, как я погляжу. С каких это пор ты успела приобрести цыганский облик?

– С тех пор, как мы автостопом исколесили полГреции. Кредитные карты, кстати, не самый предпочтительный метод оплаты в маленьких греческих городках.

– Что ж, по крайней мере, вы добрались до Берлина. – Тэвисток взглянул на Ричарда. – Хорошая работа, Вулф.

– Но мне бы не помешало немного помощи, – проворчал тот в ответ.

– И мы были бы счастливы оказать ее. Но у нас не было никаких идей по поводу того, где вас искать – до тех пор, пока я не побеседовал с твоим человеком, Сакароффом. Он сказал, что ты собирался в Берлин. Тутто мы и обнаружили, что ты прилетел из Афин.

– Что ты делаешь в Берлине, дядя Хью? – полюбопытствовала Берил. – Я думала, ты исчез, потому что выполняешь одно из своих секретных заданий.

– Я ловлю рыбу.

– Желая, очевидно, поймать совсем не рыбу?

– Желая найти ответы. Которые, надеюсь, сможет нам дать Генрих Ляйтнер. – Тэвисток бросил еще один взгляд на одежду Берил и вздохнул. – Давайте для начала доберемся до гостиницы и приведем вас обоих в порядок. А потом нанесем визит в тюремную камеру герра Ляйтнера.

– Ты получил разрешение на разговор с ним? – удивился Ричард.

– А что, по твоему мнению, я делал здесь последние несколько дней? Умасливал нужных чиновников, поил и кормил их на широкую ногу. – Тэвисток жестом попросил племянницу и приятеля следовать за ним. – Машина уже ждет.

В гостиничном сьюте дяди Хью Берил и Ричард смыли с себя трехдневные греческие пыль и песок. Учтивая консьержка принесла новые комплекты одежды – сдержанные деловые костюмы, наилучшим образом подходившие для посещения тюрьмы строгого режима.

– Как мы можем убедиться в том, что Ляйтнер скажет нам правду? – спросил Ричард, когда они подъехали на лимузине к тюрьме.

– Мы не сможем этого сделать, – философски заметил Хью. – Собственно, мы даже не знаем, как много он нам расскажет. Он следил за ходом парижских операций из Восточного Берлина, значит, ему были известны кодовые имена, но не лица агентов.

– Выходит, мы можем уйти отсюда ни с чем.

– Как я уже говорил, Вулф, это – рыбалка. Иногда из этой мутной водички можно вытащить каркас старой шины. А иногда – упитанного лосося.

– Или, как в нашем случае, «крота».

– Если, конечно, Ляйтнер согласится нам помочь.

– Ты готов услышать правду? – спросил Ричард.

Вопрос был адресован Хью, но пристальный взгляд Вулфа устремился на Берил. «Предателем Делфи могут и в самом деле оказаться Бернард или Мэдлин», – говорили его глаза.

– В данный момент, как мне кажется, незнание становится все более опасным, – заметил Хью. – К тому же нельзя забывать о Джордане. Я приставил людей, которые должны оберегать его. Но всегда есть вероятность того, что чтото пойдет не так.

«Все уже пошло не так», – подумала Берил, глядя в окно автомобиля на серые, унылые дома Восточного Берлина. Здание тюрьмы было еще более тоскливым, отталкивающим – массивная бетонная крепость, окруженная колючей проволокой, по которой был пущен электрический ток. «Просто высочайший уровень безопасности!» – отметила про себя Берил, когда они прошли через контрольнопропускной пункт и металлодетектор.

Дядю Хью, очевидно, уже ждали: его поприветствовали с холодным презрением к старому врагу времен холодной войны. Только в служебном кабинете коменданта тюрьмы к посетителям проявили хоть какуюто любезность. Им раздали по чашке горячего чая, мужчинам предложили сигары. Дядя Хью принял «угощение», Ричард вежливо отказался.

– До недавних пор Ляйтнер был одним из самых молчаливых, неуступчивых заключенных, – сказал комендант, прикуривая сигару. – Сначала он полностью отрицал свою роль в секретных операциях. Но ваше досье на него убедительно доказало обратное. Он действительно был ответственным за парижские операции.

– Ляйтнер называл какиенибудь имена? – спросил Ричард.

Комендант посмотрел на него сквозь движущееся облако сигаретного дыма:

– Вы работали на ЦРУ, не так ли, мистер Вулф?

Ричард коротко кивнул, подтверждая сказанное:

– Это было много лет назад. Я давно оставил службу.

– Но вы наверняка понимаете, что это значит: упорствовать, не желая избавиться от старых стереотипов.

– Да, понимаю.

Комендант встал и подошел к окну, бросив взгляд на колючую проволоку, окружавшую его тюремное королевство.

– Берлин битком набит людьми, бегущими от своих собственных теней. От своей старой жизни. Изза денег или по идеологическим соображениям, но они служили своему хозяину. А теперь этот хозяин мертв, и они скрываются от прошлого.

– Но Ляйтнер уже в тюрьме. Он ничего не потеряет, если побеседует с нами.

– Но люди, которые работали на него, – те, что еще на свободе, – они могут потерять все. Секретные документы восточных немцев теперь стали достоянием общественности. И в любой момент какаянибудь любопытная гражданка может открыть одно из этих дел и выяснить всю правду. Понять, что ее друг, муж или любовник работали на врага. – Комендант отвернулся от окна, его светлоголубые глаза сфокусировались на Ричарде. – Именно поэтому Ляйтнер так упорно отказывается называть имена – чтобы защитить своих старых агентов.

– Но, как я понял, с недавних пор он начал сотрудничать?

– В последние недели, да.

– Почему?

Комендант немного помедлил.

– Слабое сердце, как уверяют доктора. Сердечная недостаточность, состояние постепенно ухудшается. Через дватри месяца… – Он пожал

плечами. – Ляйтнер понимает, что конец близок. И взамен на некоторые последние в его жизни удобства он иногда начинает откровенничать.

– Тогда он сможет дать нам ответы на все вопросы.

– Если он будет в настроении. – Комендант повернулся к двери. – Что ж, давайте посмотрим, в каком настроении пребывает герр Ляйтнер сегодня.

Посетители проследовали за комендантом вниз по охраняемым коридорам, мимо зарешеченных камер и мрачных охранников, в самый центр тюремного комплекса. Здесь не было окон: даже воздух, казалось, был герметично запечатан, спрятан от внешнего мира. «Отсюда нет никакого спасения, – мелькнуло в голове Берил. – Кроме смерти».

Они остановились у камеры под номером 5. Два охранника, каждый своими собственными ключами, отперли отдельные замки. Дверь медленно распахнулась.

Внутри на деревянном стуле сидел старик. Из его ноздрей спускались кислородные трубки. Его унылое арестантское одеяние – желтоватокоричневые рубашка и брюки без пояса – свободно висело на его тщедушном теле. Яркий свет флуоресцентных ламп придавал его лицу желтоватый оттенок. Около стула старика стоял кислородный баллон. Оглушительную тишину в комнате нарушало лишь шипение газа, струящегося по трубкам в носу.

– Добрый день, Генрих, – понемецки поздоровался комендант.

Ляйтнер ничего не ответил, лишь короткая вспышка приветствия мелькнула в его глазах.

– Сегодня я привел лорда Ловата, из Англии. Вам знакомо это имя?

И снова в синих глазах старика мелькнула яркая вспышка. Потом послышался шепот:

– МИ6.

– Верно, – сказал Хью. – Уже в отставке.

– Как и я, – послышался ответ – серьезный, без тени иронии.

Внимательный взгляд Ляйтнера переместился на Берил и Ричарда.

– Моя племянница, – объяснил Хью, – и мой бывший коллега. Ричард Вулф.

– ЦРУ? – спросил Ляйтнер.

Ричард кивнул:

– И тоже в отставке.

Ляйтнер выдавил из себя слабую улыбку:

– Как поразному, однако, мы наслаждаемся своими отставками!

Старик снова взглянул на Хью:

– Частный визит к старому врагу? Наводит на мысли.

– Это не частный визит, уж определенно, – отозвался Хью.

Ляйтнер начал кашлять, и это, казалось, почти лишило его последних сил: когда он снова откинулся на своем стуле, его лицо приобрело отчетливый синий оттенок.

– Так что же вы хотите знать?

– Нам нужно установить личность вашего двойного агента в Париже. Кодовое имя – Делфи.

Ляйтнер не ответил.

– Разумеется, это имя вам известно, герр Ляйтнер. В былые годы Делфи, судя по всему, передавал бесценные сведения. Он был вашей ниточкой к секретным операциям НАТО. Разве вы не помните?

– Это было двадцать лет назад, в далеком прошлом, – тихо пробормотал Ляйтнер. – Мир с тех пор сильно изменился.

– Мы хотим знать только его имя. Это – все.

– Значит, вы хотите запихнуть Делфи в клетку – такую же, как эта? Запрятать подальше, от солнца и воздуха?

– Только так мы сможем остановить убийства, – веско произнес Ричард.

Ляйтнер нахмурился:

– Какие убийства?

– Те, что продолжаются и по сей день, прямо сейчас. Французский агент был убит в Париже. Еще одного человека застрелили в Греции. Это все связано с Делфи.

– Но это невозможно, – пробормотал Ляйтнер.

– Почему?

– Делфи усыпили.

Хью сердито взглянул на арестанта:

– Вы имеете в виду, что он мертв?

– Но в этом нет смысла, – встрял Ричард. – Если Делфи мертв, почему убийства все еще продолжаются?

– Возможно, – рассудил Ляйтнер, – это вообще никак не связано с Делфи.

– Возможно, – в тон ему сказал Ричард, – вы лжете.

Ляйтнер улыбнулся:

– Возможно все.

Неожиданно старик снова закашлялся: это был булькающий звук, производимый человеком, которому явно недолго осталось жить на этом свете. Лишь несколько раз вдохнув кислород, он снова вернул себе способность говорить.

– Делфи был оплачиваемым агентом, – объяснил Ляйтнер. – Он сотрудничал с нами не из идеологических побуждений. Мыто, понятное дело, предпочитали идейных. Они обходились нам не так дорого.

– Выходит, он делал это за деньги? – уточнил Ричард.

– Да, причем за довольно щедрую сумму, которую он получал все эти годы.

– Когда же этот канал передачи сведений перестал работать?

– Когда операция стала слишком рискованной для всех, кто был в нее вовлечен. Так что Делфи обрубил с нами все связи. Ему удалось замести все следы прямо перед тем, как ваша контр разведка подобралась к нему совсем близко.

– Так вот почему были убиты мои родители? – удивилась Берил.

Ляйтнер нахмурился:

– Ваши родители?

– Бернард и Мэдлин Тэвисток. Они были застрелены в мансарде в районе Пигаль.

– Но это было убийство и самоубийство. Я видел отчет.

– А что, если они оба были убиты? Убиты рукой Делфи?

Ляйтнер в упор посмотрел на Хью:

– Я не отдавал подобного приказа. Это правда.

– Означает ли это, что часть сказанного вами не была правдой? – уточнил Ричард.

Ляйтнер еще раз глубоко вдохнул кислород и мучительно, с хрипом выпустил воздух наружу.

– Правда, ложь... – прошептал он. – Какая теперь разница?

Он в бессилии откинулся на стуле и взглянул на коменданта:

– Я хочу отдохнуть. Уведите этих людей.

– Герр Ляйтнер, – успел бросить Ричард, – я задам вам последний вопрос: Делфи на самом деле мертв?

Ляйтнер ответил на его прямой взгляд так твердо, так решительно, что, казалось, старик вотвот расскажет всю правду. Но ответ, который он дал, только еще больше озадачил присутствующих.

– Он дремлет, – сказал старик. – Это самое точное слово, которое к нему применимо.

– Значит, он не умер?

– Если иметь в виду те цели, которые вы преследуете, – Ляйтнер улыбнулся, – то нет.

Глава 11

– «Спящий агент». Вот кем может быть этот Делфи, – сказал Ричард.

Они не осмелились обсуждать эту тему в машине – так и сидели, не проронив ни слова, пока их вез водитель. Но здесь, в шумном ресторане,

с официантами, сновавшими впередназад, Ричард мог наконецто разъяснить все свои версии.

– Уверен, именно это Ляйтнер и имел в виду.

– «Спящий агент»? – переспросила Берил.

– Тот, кого вербуют заранее, – объяснил ей дядя. – Нанимают какогонибудь молодого человека. На протяжении многих лет он бездействует, как бы находится в запасе. Живет нормальной жизнью, пытается приобрести влияние, заручиться поддержкой людей, занимающих ответственные посты. А потом ему подают сигнал. И «спящий агент» активизируется.

– Так вот что имел в виду Ляйтнер, когда сказал «дремлет»! – догадалась Берил. – Делфи не умер. Но пока и не действует.

– Совершенно верно.

– Тогда этому «спящему агенту», чтобы быть им полезным, нужно занимать какойнибудь ответственный пост. Или держаться близко к влиятельным людям, – задумчиво предположила Берил.

– Эта характеристика подходит Стивену Сазерленду, – заметил Ричард. – Американский посол, имеющий доступ ко всем секретным данным.

– Она подходит и Филиппу СенПьеру, – сказал Хью. – Министр финансов, который в перспективе может стать премьерминистром...

– ...и чрезвычайно уязвим для шантажа, – добавила Берил, размышляя о Нине и Филиппе. А заодно и об Энтони, их незаконнорожденном сыне, плоде их романа.

– Я свяжусь с Домье, – пообещал Хью. – Попрошу еще раз проверить благонадежность СенПьера.

– Раз уж ты будешь беседовать с Клодом, – сказал Ричард, – попроси его заодно проверить и Нину.

– Нину?

– Мы ведь только что говорили об ответственных постах и влиянии! Жена посла, любовница СенПьера – возможно, она подслушивала тайны сразу на двух постелях.

Хью покачал головой:

– Учитывая, что коэффициент ее умственного развития едва дотягивает до двадцати, Нина Сазерленд – последний человек, который, как мне кажется, мог бы работать на разведку.

– И единственный человек, который мог бы выйти сухим из воды, попав в подобное положение.

Хью нетерпеливо оглянулся в поисках официанта.

– Мы должны немедленно ехать в Париж, – сказал он и бросил на стол достаточно марок, чтобы заплатить за кофе. – Кто знает, что может случиться с Джорданом…

– Если это действительно Нина, ты думаешь, она может добраться до брата? – встревожилась Берил.

– Все эти годы я недооценивал Нину Сазерленд, – признал Хью. – И я не собираюсь еще раз допускать подобную ошибку.

* * *

Домье встретил их в аэропорту Орли.

– Я еще раз просмотрел секретные досье на Филиппа и Нину, – рассказывал Клод, пока они все вместе ехали на его лимузине. – СенПьер чист. Его биография кристально чиста. Если он и «спящий агент», у нас нет никаких доказательств на этот счет.

– А Нина?

Домье глубоко вздохнул:

– А вот наша дражайшая Нина преподнесла сюрприз. Был один пункт в ее биографии, который ранее досконально не проверялся. Нине было восемнадцать, когда она впервые появилась на лондонской сцене. Маленькая роль, весьма незначительная, но тем не менее это стало началом ее актерской карьеры. В то время у нее была интрижка с одним из коллегактеров – восточным немцем по имени Берт Клаузнер. Он утверждал, что является перебежчиком. Но три года спустя он будто растворился на просторах Англии, и с тех пор никто никогда о нем не слышал.

– Вербовщик? – предположил Ричард.

– Возможно.

– Как же так вышло, что этот недолгий роман ускользнул от внимания при проверке? – спросила Берил.

Домье пожал плечами:

– В досье было указано, когда Нина и Сазерленд поженились. К тому времени она уже ушла из театра, чтобы стать женой дипломата. Она никогда не состояла на государственной службе. Как правило, проверка благонадежности жен, особенно если они американки, проводится не самым детальным образом. Это помогло щекотливой детали о Нине просочиться сквозь пальцы.

– Значит, у вас есть признаки возможной вербовки, – констатировала Берил. – К тому же Нина, возможно, имела доступ к тайнам НАТО благодаря супругу. Но вам нечем доказать, что именно она – Делфи. И вы не можете доказать, что она – убийца.

– Верно, – признал Домье.

– Кроме того, я сомневаюсь, что вы заставите ее признаться, – добавил Ричард. – Когдато Нина была актрисой. Былые навыки могли помочь ей в агентурной работе.

– Именно поэтому я предлагаю вот что, – сказал Домье. – Ловушку. Заманить ее в западню, заставить действовать.

– И кто же будет приманкой? – спросил Ричард.

– Джордан.

– Об этом не может быть и речи! – возмутилась Берил.

– Он уже согласился на это. Сегодня днем Джордана выпустят из тюрьмы. Мы перевезем его в отель, где он попытается привлечь к себе внимание.

Хью рассмеялся:

– Нашему Джордану даже стараться не придется!

– Мои люди займут все стратегические пункты в отеле. Если нападение произойдет, мы будем готовы.

– Но ведь чтото может пойти не так, – тихо сказала Берил. – Он может пострадать…

– Он вполне может пострадать и в тюрьме, – парировал Домье. – По крайней мере, это может помочь нам отыскать ответы на все вопросы.

– И, вероятно, получить еще один труп.

– У вас есть предложения получше?

Берил посмотрела на Ричарда, потом на дядю. Оба хранили молчание. «Не могу поверить, что они соглашаются на это!» – подумала она.

Берил взглянула на Домье:

– Чем я могу помочь?

– Ты и без того все усложнила, Берил, – встрял дядя Хью. – Для тебя будет лучше держаться подальше от места действия.

– В доме Вэйнов безопасность налажена наилучшим образом, – сказал Домье. – Реджи и Хелена уже согласились на то, что вы останетесь у них.

– Но я еще не согласилась, – веско напомнила она.

– Берил, – послышался голос Ричарда. Возлюбленный говорил тихо, спокойно, но непоколебимым, решительным тоном. – Джордан будет защищен со всех сторон. Люди Клода будут готовы к нападению. На этот раз никакой осечки не произойдет.

– И ты можешь гарантировать это? Хоть ктонибудь из вас?

Ответом ей была тишина.

– Ничего нельзя гарантировать, Берил, – наконец еле слышно ответил Домье. – Мы должны рискнуть. Возможно, это единственный способ поймать Делфи.

Расстроенная, Берил задумчиво посмотрела в окно машины, обдумывая варианты. Осознав, что иных альтернатив, которые могли бы решить это сложное дело – если оно вообще, конечно, поддавалось решению, – нет, она тихо сказала:

– Я соглашусь, но при одном условии.

– Каком же?

Она посмотрела на Вулфа:

– Я хочу, чтобы ты был с ним. Я доверяю тебе, Ричард. Если ты будешь присматривать за Джорданом, я знаю, что с ним все будет в порядке.

Ричард кивнул:

– Я не отойду от него ни на шаг.

– Кто еще посвящен в этот план? – спросил Хью.

– Всего лишь несколько моих людей, – объяснил Домье. – Я был чрезвычайно осторожен, чтобы не допустить утечки информации к Филиппу СенПьеру.

– А что известно Реджи и Хелене? – поинтересовалась Берил.

– Только то, что тебе нужно спрятаться в безопасном месте. Они делают это в качестве одолжения старым друзьям.

* * *

Именно как давнюю хорошую подругу Берил и встретили в резиденции Вэйнов. Как только ворота позади лимузина закрылись и все они оказались на территории владений Реджи и Хелены, огороженных высокой стеной, ее охватило удивительное ощущение комфорта. Этот дом и все вокруг казалось таким спокойным, таким знакомым: английские обои, поднос с чаем и бисквитами на столе, вазы с цветами, наполняющими своим ароматом комнаты. Определенно здесь никто не мог причинить Берил зла…

У нее почти не осталось времени, чтобы попрощаться с Ричардом. Когда Домье и Хью уже ждали снаружи в машине, любимый притянул Берил к себе. Крепко обнял, подарил прощальный поцелуй.

– Здесь ты будешь в полной безопасности, – прошептал он. – Не покидай резиденцию ни в коем случае.

– Я так волнуюсь за тебя! За тебя и за Джордана.

– Я не допущу, чтобы с ним чтото случилось. – Ричард нежно взял Берил за подбородок и прижался губами к ее губам. – Обещаю.

Он еще раз коснулся лица любимой и усмехнулся – это была самоуверенная усмешка, заставившая Берил поверить, что возлюбленный сделает все, что в его силах. А потом он ушел.

Стоя на пороге дома, Берил увидела, как автомобиль выкатился за пределы огороженной резиденции и железные ворота за ним закрылись. «Я с тобой, – думала она. – Что бы ни случилось, Ричард, я буду рядом».

– Пойдем, Берил, – позвал Реджи, нежно обвивая рукой ее плечи. – У меня предчувствие на подобные вещи. И я просто убежден, что все будет замечательно.

Берил посмотрела на улыбающееся лицо Реджи. «Слава богу, есть верные старые друзья», – мысленно поблагодарила она и позволила Реджи увести себя в дом.

* * *

Джордан сидел на четвереньках в своей тюремной камере, с шумом мешая игральные кости в руке. Его сокамерники, два неотесанных бандита, от которых сильно несло потом – или этот «аромат» источал уже сам Джордан? – в нетерпении нависали над ним, топоча ногами и издавая азартные крики. Джордан бросил игральные кости: они прокувыркались по полу и стукнулись о стену. Две пятерки.

– Черт побери! – пофранцузски застонали сокамерники.

Джордан в который раз с триумфом поднял кулак вверх:

– Оляля!

Только в этот момент он заметил, как сквозь прутья камеры на него во все глаза смотрят посетители.

– Дядя Хью! – воскликнул Джордан, вскакивая на ноги. – Как я рад тебя видеть!

Недоверчивый взгляд Хью просканировал интерьер камеры. На койке была расстелена скатерть в краснобелую клетку, на которой лежали тарелки с нарезанной говядиной, тушеным лососем и чаша с виноградом. В пластмассовом ведре охлаждалась бутылка вина. На стуле у кровати стояла аккуратная стопка из полудюжины книг в кожаном переплете и ваза с розами.

– И это – тюрьма? – язвительно заметил Хью.

– О, я тут немного привел все в порядок. Еда была просто никудышная, так что я попросил коечем меня снабдить. И заодно принести какоенибудь чтиво. Но, – со вздохом добавил Джордан, – боюсь, это все еще тюрьма, самая настоящая.

И он показал дяде на прутья решетки:

– Сам видишь.

Очнувшись от грустных мыслей, Джордан взглянул на Домье:

– Ну что, все готово?

– Если вы все еще согласны пойти на это.

– У меня нет иного выбора, вы так не считаете? Если учесть, какие у меня альтернативы…

Охранник отпер дверь камеры, и Джордан направился к нему, захватив свою связку верхней одежды. И всетаки он не мог уйти, не попрощавшись надлежащим образом со своими сокамерниками. Обернувшись, он увидел, как Фофо и Лерой мрачно смотрят на него.

– Боюсь, ребята, на этом наше знакомство заканчивается. Это был… – Джордан на мгновение задумался, силясь подобрать верное определение, – уникальноароматный опыт.

Повинуясь неожиданному порыву, он бросил свой дорогущий, сшитый на заказ льняной пиджак недоверчиво смотрящему на него Фофо:

– Думаю, это придется тебе как раз впору. Носи на здоровье.

И, помахав на прощание рукой, Джордан удалился в сопровождении дяди и Клода. Они вместе вышли из здания и сели в лимузин Домье.

Джордана отвезли в «Риц» – ему предстояло обосноваться на том же самом этаже, но в другом номере. «Какое модное, прямотаки светское местечко для гибели!» – усмехнулся он, выйдя из душа и надев новый костюм.

– Пуленепробиваемые окна, – вещал Домье. – Микрофоны в гостиной. В холле будут стоять двое моих людей. А кроме того, вам стоит иметь при себе это. – Домье потянулся к портфелю и вынул оттуда автоматический пистолет. Он вручил оружие Джордану, который осмотрел пистолет, удивленно подняв бровь:

– Это на самый худший случай? Значит, на самом деле мне придется защищать себя самому?

– Это мера предосторожности. Вы знаете, как им пользоваться?

– Думаю, с грехом пополам сумею, – ответил Джордан, мастерски проверяя патронную обойму. Он взглянул на Ричарда: – Итак, что же теперь?

– Перекуси в ресторане внизу, – ответил Вулф. – Не торопись, удостоверься, что тебя заметили как можно больше служащих. Оставь большие чаевые, привлеки к себе внимание. И возвращайся в свой номер.

– А потом?

– Подождем и посмотрим, кто появится, постучит в твою дверь.

– А что, если не появится?

– Появится, – мрачно сказал Домье. – Я гарантирую.

* * *

Амьелю Фошу позвонили всего через тридцать минут. Это была горничная отеля – та сама женщина, которая так пригодилась неделю назад, когда потребовался доступ в номера Тэвистоков.

– Он вернулся, – сказала горничная. – Англичанин.

– Джордан Тэвисток? Но он же в тюрьме…

– Я только что видела его в отеле. Номер триста пятнадцать. Помоему, он один.

Лицо Фоша исказила гримаса изумления. Похоже, сработали семейные связи Тэвистоков. Теперь Джордан на свободе – и превратился в уязвимую цель.

– Мне нужно попасть в его номер, – сказал Фош. – Сегодня вечером.

– Но я не могу это устроить.

– Вы ведь уже делали это прежде. Плачу вдвое больше.

Горничная презрительно фыркнула:

– Но этого явно мало! Я могу потерять работу.

– Я заплачу более чем достаточно. От вас требуется лишь снова дать мне ключи.

На другом конце провода ненадолго установилась тишина, потом горничная сказала:

– Сначала вы оставите мне конверт. А уже потом я передам вам ключ.

– Согласен, – ответил Фош и отключился.

Амьель тут же набрал номер Энтони Сазерленда.

– Джордан Тэвисток вышел из тюрьмы, – сказал он. – И снял номер в «Рице». Вы все еще желаете, чтобы я продолжал?

– На этот раз я хочу, чтобы дело было доведено до конца. И я добьюсь этого, даже если придется все контролировать лично! Когда мы выезжаем?

– Не думаю, что это мудрое решение…

– Когда мы выезжаем? – стоял на своем Энтони.

Фош подавил недовольный ропот. Было бы ошибкой позволить Сазерленду принимать участие в операции. Мальчишка был обычным вуайеристом, сгоравшим от желания почувствовать вкус самой сильной власти – взять чьюто жизнь. Фош почувствовал это еще много лет назад, в тот день, когда они впервые встретились. Наблюдая за Энтони, Амьель понимал, что парня со временем увлекут яркие, острые ощущения – с сексуальным подтекстом или без него.

Теперь молодой человек желал испытать нечто новенькое. Убить. Это было ошибкой, определенно ошибкой…

– Вспомните, кто платит вам гонорар, месье Фош, – сказал Энтони, – и, кстати, не скупится на вознаграждение. Я тот, кто принимает решения, не вы.

«Даже если это глупые, опасные решения?» – спросил сам себя Фош. Немного подумав, он решился:

– Это произойдет сегодня ночью. Мы подождем, пока он уснет.

– Сегодня ночью, – согласился Сазерленд. – Я буду там.

* * *

В двадцать три тридцать Джордан погасил свет в своем гостиничном номере, засунул три подушки под постельное покрывало и взбил все это так, чтобы творение рук его напоминало человеческую фигуру. Потом он

занял позицию у двери, рядом с Ричардом. Так они и стояли в темноте, напряженно ожидая, когда же чтото случится. Когда же хоть чтонибудь случится! До сих пор вечер протекал так, что можно было вывихнуть челюсть, зевая от скуки. Домье сделал Джордана заключенным в своем собственном номере.

Тэвисток два часа пялился в телевизор, потом пролистал «Пари матч» и разгадал пять кроссвордов. «Что я должен сделать, чтобы привлечь этого убийцу? – размышлял он. – Отправить ему приглашение с тиснеными буковками?»

Вздохнув, Джордан оперся о стену.

– Чемто подобным ты и занимался в прошлом, Вулф? – пробормотал он.

– Да, долгое ожидание, много скуки, – подтвердил Ричард. – И время от времени – моменты малодушия, ужаса.

– А что заставило тебя бросить службу? Скука или страх?

Ричард немного подумал:

– Неприкаянность.

– Ах! Мужчина тоскует по дому, семейному очагу. – Джордан улыбнулся. – А нука, признавайся, моя сестра фигурирует в этом уравнении?

– Берил… одна из его составляющих.

– Ты не ответил на вопрос.

– Я не знаю ответа, – признался Ричард. Он выпрямил плечи, чтобы ослабить напряженность в мускулах. – Иногда все это кажется мне какойто нелепой плохой игрой. Несомненно, я могу натянуть смокинг, прохаживаться на светском приеме, потягивая бренди. Но я не одурачу никого, и прежде всего – самого себя. И, разумеется, не одурачу Берил.

– Ты действительно думаешь, что это то, что ей нужно? Щеголь в бабочке?

– Я не знаю, что ей нужно. И чего она хочет. Я лишь понимаю, что она, вероятно, думает, что влюблена. Но как, черт возьми, ктонибудь может знать это наверняка, попав в такую сумасшедшую переделку?

– Значит, ты ждешь, пока все это сумасшествие останется позади. Тогда ты будешь решать.

– И учиться жить с последствиями этого решения.

– Вы ведь уже любовники, не так ли?

Ричард удивленно посмотрел на Джордана:

– Ты всегда такой любознательный по поводу личной жизни твоей сестры?

– Я – ее самый близкий родственник мужского пола. И на этом основании считаю себя в ответе за ее честь, – тихо рассмеялся Джордан. – Берегись, Вулф, когданибудь мне наверняка придется тебя застрелить! Если, конечно, я переживу эту ночь.

Теперь уже они оба засмеялись. И, опершись о стену, принялись ждать.

В час ночи послышался слабый щелчок открываемой двери в холле. Неужели ктото только что вошел на этаж с лестничной клетки? Джордан мгновенно приготовился к нападению, ощутив стремительный прилив адреналина.

– Ты слышал… – зашептал он.

А Ричард уже сжался в неудобной позе, весь превратившись в слух. В кромешной тьме Джордан ощущал, как напряжен его компаньон, приготовившийся действовать. «Куда подевались агенты Домье? – в отчаянии думал он. – Где те двое, что должны были стоять на этаже?»

Ключ медленно поворачивался в замке номера. Джордан застыл на месте, его сердце неистово билось, пот покрывал ладони. Он напряженно сжимал пистолет скользкой рукой.

Дверь распахнулась, и две фигуры медленно, крадучись вошли в номер. Первый силуэт прицелился в сторону кровати. Выпустить однуединственную пулю – вот и все, что удалось стрелявшему, прежде чем Ричард налетел на него сбоку. Мощь его атаки заставила сразу двух мужчин с грохотом свалиться на пол.

Джордан ткнул пистолет в ребра второму незваному гостю и отрывисто приказал:

– Ни с места!

К его изумлению, человек стоять на месте не захотел: вместо этого злоумышленник повернулся и бросился наутек из комнаты. Джордан помчался за ним по холлу – чтобы увидеть, как двое вовремя подоспевших французских агентов уже борются с беглецом на полу.

Наконец они схватили его, брыкающегося и извивающегося, и поставили на ноги. Джордан в изумлении уставился на бандита:

– Энтони???

– У меня кровь! – брызгал слюной Энтони Сазерленд. – Они сломали мне нос! Похоже, они сломали мне нос!

– Визжи дальше, и они точно тебе его доломают! – взревел Ричард.

Джордан обернулся и увидел, что Ричард уже выволок стрелявшего человека из номера. Вулф откинул голову непрошеного гостя назад, чтобы Джордан смог разглядеть его лицо:

– Посмотрика хорошенько. Узнаешь?

– Да ведь это мой фальшивый адвокат! – удивился Тэвисток. – Месье Жарр!

Ричард кивнул и резко уложил лысеющего француза на пол:

– А теперь давай выясним его настоящее имя.

* * *

– Это просто сверхъестественно, – задумчиво произнес Реджи, – как ты похожа на свою мать!

Дворецкий давно убрал кофейные чашки, а Хелена отправилась наверх, чтобы проверить готовность комнаты для гостей. Берил и Реджи остались сидеть одни, с наслаждением смакуя бренди в обшитом деревом кабинете. Огонь потрескивал в камине – не для того, чтобы согреть и без того жаркую июльскую ночь. Скорее для того, чтобы подбодрить, заверить, что огонь родного дома развеет любую тьму, а заодно и вселенское зло.

Сжимая в ладонях бокал с бренди, Берил наблюдала, как яркие отсветы пламени отражаются в золотистой жидкости.

– О маме у меня сохранились типично детские воспоминания, – сказала она. – Я помню лишь то, что важно для каждого ребенка. Ее улыбку. Мягкость ее рук.

– Дада. Такова была Мэдлин.

– Мне говорили, что она была просто очаровательна.

– Так и есть, – с нежностью отозвался Реджи. – Она была самой притягательной, самой удивительной женщиной из всех, что я знал…

Берил подняла глаза от бокала и увидела, как Реджи смотрит на огонь – внимательно, будто угадывает в пламени лица старых призраков. Она с нежностью обратилась к нему:

– Мама както мне говорила, что вы – самый старый и самый лучший ее друг.

– Она в самом деле так говорила? – улыбнулся Реджи. – Да, полагаю, это правда. Знаешь, мы ведь играли вместе, когда были детьми. В Корнуолле…

Вэйн быстро заморгал, и Берил показалось, будто она увидела блестящие капельки слез на его веках.

– Я ведь был у нее первым, понимаешь, – тихо произнес он. – До Бернарда, до…

Вздохнув, Реджи откинулся на своем стуле:

– Но это было давнымдавно.

– Вы все еще часто думаете о ней.

– Мне трудно забыть. – Он залпом осушил бокал бренди. Потом дрожащей рукой налил еще один – уже третий. – Каждый раз, когда я смотрю на тебя, невольно думаю: «Это Мэдлин, она воскресла». Я так часто вспоминаю ее, мне так ее не хватает…

Реджи неожиданно прервался, напрягся всем телом и бросил взгляд на дверной проем. Там стояла Хелена, устало покачивая головой:

– Сегодня ты выпил уже достаточно, Реджи.

– Это только третий бокал.

– И сколько их еще будет?

– Еще несколько, если ты наконец не отстанешь!

Хелена вошла в кабинет и взяла его за руку:

– Пойдем, дорогой. Ты и так уже достаточно поддержал Берил. Пора идти спать.

– Но сейчас лишь час ночи!

– Берил утомилась. Тебе следует быть более деликатным.

Реджи посмотрел на гостью:

– О! О да, ты, возможно, права.

Он поднялся со стула и неверной походкой направился к Берил. Она обернулась, когда Реджи склонился, чтобы чмокнуть ее в щечку. Это был слезливый, сентиментальный поцелуй, влажный и сдобренный запахом бренди, – неудивительно, что Берил с трудом подавила в себе желание отшатнуться. Когда Реджи выпрямился, она снова заметила слезы, блестевшие на его глазах.

– Спокойной ночи, дорогая, – тихо сказал он. – С нами ты будешь в полной безопасности.

С чувством жалости Берил проследила взглядом, как старик удалился из кабинета, шаркая ногами.

– Ему явно противопоказано то количество спиртного, которое он в себя регулярно вливает, – вздохнула Хелена. – Понимаешь, годы проходят, а он совершенно не думает о том, что многое меняется. Включая способности его организма вмещать весь этот алкоголь.

Хелена страдальчески улыбнулась:

– Надеюсь, он тебя не сильно утомил.

– Нет, нисколько. Мы говорили о маме. Он сказал, что я напоминаю ее.

Хелена кивнула:

– Да, ты действительно очень на нее похожа. Разумеется, я не знала ее так хорошо, как Реджи.

Она уселась на подлокотник кресла:

– Хорошо помню, как познакомилась с ней. Это произошло на моей свадьбе. Мэдлин и Бернард присутствовали среди гостей, в ту пору они и сами были молодоженами. Это было так заметно – даже по одному тому, как они смотрели друг на друга. Такая красивая пара…

Хелена взяла бокал Реджи, протерла стол.

– Когда мы снова повстречались в Париже, а было это уже пятнадцать лет спустя, Мэдлин, казалось, ничуть не изменилась. Это было прямотаки сверхъестественно, годы нисколько не сказались на ее внешности – тогда как все остальные остро прочувствовали течение времени на себе.

Повисла долгая пауза. А потом Берил спросила:

– У нее был любовник?

Вопрос прозвучал тихо, так тихо, что почти утонул в сумраке кабинета. Тишина вновь воцарилась в комнате и тянулась так долго, что Берил уже засомневалась, вдруг ее слова остались незамеченными. Но тут Хелена ответила:

– Это ведь вряд ли тебя удивит, не так ли? В Мэдлин была какаято магия – нечто волшебное, чего явно недостает многим из нас. Это вопрос везения, знаешь ли. То волшебство, которое невозможно создать упорным трудом или учебой. Это в генах. Наследственное, все равно что родиться с серебряной ложкой во рту.

– Но моя мать не родилась с этой пресловутой серебряной ложкой.

– Она и не нуждалась в этом. В ней действительно было какоето непостижимое очарование. – Хелена резко повернулась, собираясь уходить. В дверном проеме она задержалась и с улыбкой оглянулась на Берил: – Увидимся утром. Спокойной ночи.

Та кивнула:

– Спокойной ночи, Хелена.

Берил еще долго сидела, хмуро глядя на пустой дверной проем и слушая, как Хелена поднимается по лестнице. Когда шаги стихли, она подошла к камину и уставилась на тлеющие угольки затухавшего огня. Берил думала о матери, о том, была ли Мэдлин когданибудь здесь, в этом кабинете, в этом доме. Да, конечно, она могла тут бывать. Реджи был ее самым старым другом. Много лет назад, в Англии, они часто обменивались визитами, эти две семейные пары…

Это было до того, как Хелена настояла на том, чтобы Реджи перебрался в Париж и занял ответственный пост.

Берил вдруг застыла, пораженная вопросом: почему? Неужели была какаято невысказанная причина, по которой Вэйны так спешно уехали из Англии? Хелена выросла в Бекингемшире, ее родовое гнездо находится всего в двух милях езды от Четвинда. Как, наверное, трудно

было собирать всю домашнюю утварь, оставлять все, что было таким родным, и отправляться в страну, даже не зная тамошнего языка! Такой переезд любому человеку дался бы непросто.

Только если бы этот человек не бежал от чегото…

Берил подняла голову, и ее взгляд упал на забавную статуэтку, стоявшую на каминной полке. Она изображала маленького толстенького человечка, державшего винтовку. На статуэтке красовалась надпись: «Реджи Вэйну, который предпочитает стрелять по своим собственным ногам. Стрелковый клуб «Тремон».

Рядом со статуэткой стояли в ряд разного рода безделушки, напоминавшие Реджи о прошлом: медаль футбольного турнира, старое фото крикетной команды, каменная лягушка. Судя по выставленным напоказ милым пустячкам, это было личное пристанище Реджи – комната, в которой он скрывался от остального мира. Комната, которая хранила его тайны.

Берил внимательно изучила все фотографии в кабинете – и не встретила ни одного снимка Хелены. Реджи не держал изображений жены ни на столе, ни на книжных полках. Берил показалось это странным, ведь она прекрасно помнила кабинет своего отца и все эти фото Мэдлин, выставленные на всеобщее обозрение.

Она переместилась к столу Реджи из вишневого дерева и начала тихо открывать ящики. В первом обнаружился вполне ожидаемый беспорядок из ручек и скрепок для бумаг. Берил открыла второй ящик и увидела лишь пачку бумаги кремового цвета и записную книжку. Она закрыла ящики и принялась кружить по комнате, размышляя: «Именно в этом кабинете, Реджи, вы прячете свои самые бесценные, личные сокровища. Воспоминания, которые вы скрываете, даже от своей жены…»

Сосредоточенный взгляд Берил скользнул по кабинету, остановившись на кожаной скамеечке для ног. Судя по всему, скамеечка предназначалась в пару к большому мягкому креслу, но стояла не на положенном месте, а со стороны стула. При своем нынешнем расположении скамейка не служила никакой полезной цели, разве что… на ней можно было стоять.

Берил посмотрела чуть выше, туда, где у стены стоял секретер из красного дерева. Его полки были заполнены старинными книгами, которые были надежно защищены стеклянными дверцами. Шкаф был как минимум восьми футов высотой, на его вершине красовалась прекрасно подобранная пара фарфоровых ваз.

Берил подтащила скамеечку к секретеру и встала на нее, сумев дотянуться до первой вазы. Она была пустой, покрытой слоем пыли, – точно так же, как и вторая. Берил попыталась задвинуть вазы на место, но не смогла: чтото мешало. Она потянулась вперед что было сил, и пальцы нащупали чтото плоское и кожаное. Берил ловко ухватила предмет за край и вытянула его из шкафа.

Это был фотоальбом. Берил взяла его с собой к камину и уселась перед угасающим огнем. Открыв альбом, она увидела первый снимок, изображавший смеющуюся темноволосую девочку. Героине снимка было, очевидно, лет двенадцать, она сидела на качелях. Юбка девочки задорно собралась у бедер, ее голые ноги свисали вниз. На следующей странице альбома обнаружился снимок той же девочки – уже немного постарше, в красивом наряде по случаю майского праздника, с цветами, вплетенными в ее спутанные волосы.

Берил продолжала листать альбом, рассматривая все новые и новые фотографии темноволосой девушки: вот она, обутая в резиновые сапоги, удит рыбу в реке, вот машет рукой из автомобиля, вот висит вверх ногами на ветке дерева… И последний снимок – свадебное фото. Оно было порвано на две половинки: кусок фотографии с неровными краями представлял только невесту, изображения жениха не было.

Казалось, Берил целую вечность смотрела на лицо, которое знала с детства, – лицо, которое было так похоже на ее собственное. Она прикасалась к улыбающимся губам на снимках, водила пальцем по завиткам темных волос, которые выбивались из высокой прически… И думала о том, что должен чувствовать мужчина, столь отчаянно, безрассудно любящий женщину. И потерявший эту женщину, которая отдала свое сердце другому.

Подумать только: он бежал от своих воспоминаний о возлюбленной в другой город, в другую страну – только затем, чтобы снова встретить ее в этом же самом городе. И обнаружить, что даже пятнадцать лет спустя чувства остались прежними и он не в силах сделать хоть чтонибудь, чтобы облегчить свои страдания. Несчастный влюбленный не волен сделать ничего… по крайней мере, пока она жива.

Берил закрыла альбом и подошла к телефону. Она не знала, как связаться с Ричардом, поэтому набрала номер Домье и прослушала сообщение автоответчика, записанное на французском языке деловитым тоном.

После звукового сигнала она выпалила:

– Клод, это Берил. Я должна немедленно с вами поговорить. Думаю, мне удалось обнаружить новые доказательства. Пожалуйста, свяжитесь со мной. Как только вы…

Связь неожиданно оборвалась, и Берил замерла, ее рука застыла на трубке. Кто же не дал ей договорить?

Она прислушалась, но все заглушало биение собственного сердца. Берил положила трубку. «Параллельный телефон, – догадалась она. – Ктото подслушивал по параллельному аппарату».

Она вскочила на ноги: «Я не могу оставаться здесь, только не в этом доме! Не под этой крышей. Не теперь, когда я знаю, что он мог быть тем самым убийцей…»

Крепко сжимая альбом в руке, Берил выбежала из кабинета Реджи и понеслась по коридору. Отключив систему сигнализации, она без проблем миновала дверь дома. Снаружи царила прохладная ночь, в ясном небе слабо мерцали звезды, вдали сияли огни города. Окинув взором внутренний каменный дворик, она увидела, что железные ворота закрыты – и наверняка надежно заперты. Глава парижского отделения крупного банка, Реджи был одной из основных мишеней для террористов, поэтому для своей резиденции он выбрал самую лучшую систему безопасности.

«Я должна сбежать отсюда, – решила Берил. – Так, чтобы никто не знал». А что потом? Добраться на попутке до ближайшего полицейского участка? Или до квартиры Домье? «Куданибудь, только подальше отсюда», – подумала она.

Берил окинула взором периметр внутреннего двора, надеясь обнаружить в высокой стене дверной проем или какойнибудь выход. Она заметила еще одни ворота, которые, впрочем, тоже были заперты. «Есть только один способ выбраться отсюда», – догадалась она.

Беглянке предстояло перелезть через стену. Оценив растущие во дворе деревья, она выбрала высокую яблоню с нависавшей над стеной веткой. Попрежнему сжимая фотоальбом в одной руке, Берил вскарабкалась на самую нижнюю ветку. Подниматься вверх было довольно легко, она одолевала ветку за веткой, но с каждым движением дерево покачивалось и яблоки с шумом падали на землю.

Оказавшись на самом верху, Берил перебросила альбом по другую сторону стены и соскользнула на землю следом за ним. Она тут же подобрала свою драгоценную находку и повернулась к дороге. Слепящий луч прожектора заставил ее замереть на месте.

– Это и не вор вовсе, – послышался голос. – Что же ты тут делаешь, Берил?

Щурясь от яркого света, Берил смогла разобрать лишь силуэт Хелены, стоявшей прямо перед ней.

– Я… я хотела прогуляться. Но ворота были заперты.

– Я бы могла открыть их для тебя.

– Мне не хотелось вас будить. – Берил старательно отводила глаза от прожектора. – Пожалуйста, нельзя ли убрать этот осветительный прибор? У меня уже глаза от него болят.

Луч медленно соскользнул вниз, остановившись на фотоальбоме, который Берил сжимала в руке. Она прижала альбом к груди в надежде на то, что Хелена его не заметит, но было уже слишком поздно, миссис Вэйн увидела ее находку.

– Откуда ты это взяла? – тихо спросила Хелена. – Где ты это нашла?

– В кабинете, – призналась Берил. Теперь не было ни малейшего смысла отпираться: доказательство ее вины было здесь, в ее собственных руках.

– Все эти годы… – пробормотала Хелена. – Он прятал это от меня все эти годы… И он поклялся мне…

– В чем, Хелена? В чем он поклялся?

Повисла гнетущая тишина.

– В том, что больше не любит ее, – наконец послышался шепот. А потом Хелена издала грустный смешок, полный издевки над самой собой. – Я проиграла призраку! Вся эта ситуация казалась безнадежной, пока она была жива. Но теперь она мертва, а я все еще не могу дать ей отпор. Мертвые, видишь ли, не стареют. Они остаются молодыми и красивыми. И самыми лучшими.

Полная сочувствия, Берил приобняла несчастную:

– Они не были любовниками, Хелена. Я точно это знаю.

– Я никогда не была для него достаточно хороша!

– Но он женился на вас. Наверняка он чувствовал к вам любовь…

Хелена отпрянула и гневно отмахнулась от дружеских объятий Берил:

– Это была не любовь – злоба! Чтото вроде глупого мужского жеста, который должен был доказать Мэдлин, что он ни капельки не страдает. Мы поженились спустя всего месяц после ее свадьбы. Как ты понимаешь, я была лишь утешительным призом. Я дала ему солидные связи, деньги. И он с удовольствием принял все это. Но он никогда, никогда не хотел моей любви!

Берил снова попыталась обнять и утешить Хелену, но та снова резко отшатнулась от нее.

– Настало время двигаться дальше, Хелена, – мягко сказала Берил. – Живите своей жизнью, без него. Вы еще молоды…

– Он – вся моя жизнь.

– Но все эти годы вы наверняка знали об этом, об убийстве! Вы должны были подозревать, что Реджи был тем, кто…

– Это был не Реджи.

– Хелена, пожалуйста, подумайте об этом!

– Это не Реджи.

– Но он был буквально одержим ею, не мог никак отпустить ее! Не мог позволить другому мужчине любить ее…

– Это была я.

От этих трех слов, произнесенных с неожиданным спокойствием, кровь Берил буквально застыла в жилах. Шокированная признанием, она уставилась на темный силуэт, стоявший прямо перед ней, отчаянно продумывая пути к бегству. Можно было помчаться вниз по дороге, добраться до двери ближайшего дома и колотить в нее что есть сил… Решив, что шансы на успех довольно высоки, Берил уже приготовилась стремительно пронестись мимо Хелены. Но неожиданно ее остановил характерный щелчок – это был звук взводимого курка.

– Ты так похожа на нее, – прошептала Хелена. – Когда я впервые увидела тебя, много лет назад, в Четвинде, мне даже показалось, будто она вернулась с того света. И сейчас мне придется убить ее снова.

– Но я не Мэдлин…

– Теперь уже не имеет никакого значения, кто ты. Просто потому, что ты все знаешь.

Хелена подняла руку, и сквозь темноту Берил заметила, как пистолет сверкнул в ее руке.

– В гараж, Берил, – приказала Хелена. – Нам нужно коекуда прокатиться.

Глава 12

– Амьель Фош, – сказал Домье, просматривая папку с документами. – Возраст – сорок шесть лет, ранее работал во французской разведке. Предполагалось, что он погиб три года назад во время катастрофы вертолета на Кипре...

– Он подстроил свою собственную смерть? – догадался Ричард.

Домье кивнул:

– Согласись, не такто просто выйти в отставку, завершив службу в разведке, и просто начать работать наемником. Каждый бывший сотрудник столкнется с определенными ограничениями.

– Но если ты объявлен мертвым...

– Совершенно верно.

Домье пробежал глазами по следующей странице и остановился:

– Вот! Та самая связь, которую мы искали. В 1972 году месье Фош служил нашим связным с американской миссией. Тогда, кажется, ктото угрожал по телефону семье посла Сазерленда. На протяжении нескольких лет Амьель Фош оставался на связи с семьей Сазерленд. Ему не были поручены другие обязанности ввиду его... смерти.

– А иначе говоря, с тех пор, как он поступил в распоряжение других, частных клиентов. Чтобы выполнять самые разнообразные их поручения, – добавил Хью.

– Включая убийства. – Домье закрыл папку и обратился к своему сотруднику: – Введите миссис Сазерленд.

Женщина, которая в следующую секунду вошла в дверь, была той же самой дерзкой и самоуверенной Ниной Сазерленд, которую всегда знал Ричард. Она гордо вплыла в комнату, с презрением оглядела присутствовавших и изящно опустилась на стул.

– Уже поздновато для такой серьезной работенки, вы не находите? – протянула она.

«И работенка эта, – мелькнуло в голове Ричарда, – наверняка затянется надолго». Если, конечно, им не удастся немножко ее расшевелить. Пододвинув стул, он сел прямо перед Ниной, пристально глядя ей в глаза:

– Вы знаете, что Энтони арестован?

Вспышка ужаса – именно маленькая, едва заметная вспышка – осветила ее глаза.

– Разумеется, это ошибка. Он в жизни не делал ничего противозаконного!

– А заказное убийство? Связи с преступниками? – Ричард многозначительно поднял бровь. – Плата за «железное» алиби, подкуп свидетелей? Мне кажется, это достаточно серь езные обвинения, чтобы гарантировать длительное пребывание за решеткой.

– Но он еще совсем мальчик и не...

– Он – совершеннолетний. И будет отвечать за свои преступления по всей строгости. – Ричард взглянул на Домье: – Мы с Клодом как раз только что обсуждали это. Попасть в заключение в столь юном возрасте! Сколько ему будет, когда он выйдет на свободу, Клод? Лет пятьдесят, как ты думаешь?

– Я бы сказал, что ближе к шестидесяти, – ответил Клод.

– Итак, шестьдесят... – Ричард покачал головой и вздохнул. – Так и пройдет вся его жизнь. Ни жены, ни детей.

Он с сочувствием заглянул Нине в глаза:

– Ни внуков...

Лицо миссис Сазерленд приобрело пепельный оттенок.

– Чего вы от меня хотите? – шепотом произнесла она.

– Сотрудничества.

– И что я за это получу?

– Мы можем быть более снисходительными, – заметил Домье. – В конце концов, он ведь совсем юнец.

С усилием глотнув, Нина отвела взгляд:

– Это не его ошибка. Он не заслужил…

– Но на нем лежит ответственность за смерть двоих французских агентов. За покушение на жизнь Мари СенПьер и Джордана.

– Он ничего не делал!

– Но это ведь он нанял Амьеля Фоша, чтобы сделать всю эту грязную работу! Что за чудовище вы вырастили, Нина?

– Он просто пытался защитить меня!

– От чего же?

Голова Нины беспомощно упала.

– От прошлого, – прошептала она. – От того, что никогда меня не оставит. Все остальное меняется, но прошлое…

«Прошлое… – думал Ричард, вспоминая слова Генриха Ляйтнера. – Мы все находимся в его тени».

– Вы были Делфи, – утвердительно произнес он. – Ведь так?

Нина ничего не ответила.

Ричард наклонился вперед, и его голос понизился до тихого, почти неслышного шепота.

– Возможно, все это началось как невинная шутка, – предположил он. – Забавная игра в шпионов и контрразведчиков. Наверное, вам пришлись по душе острые ощущения. Или вас соблазнили деньги? Так или иначе, но вы передали парочкудругую тайн нашим противникам. Потом в ход пошли секретные документы. И однажды вы вдруг осознали, что оказались в полной их власти.

– Я сотрудничала с ними совсем недолго!

– Но к тому моменту было уже слишком поздно. Разведка НАТО напала на ваш след. И те, на кого вы работали, нашли способ вывести вас из игры. Вы сделали все, чтобы свалить свою вину на других. Какимто образом вы заманили Бернарда и Мэдлин в ваше маленькое любовное гнездышко на улицу Мира. Там вы застрелили их обоих.

– Нет!

– И вы подложили секретные документы к телу Бернарда.

– Нет!

Ричард схватил Нину за плечи, заставив ее посмотреть себе прямо в глаза:

– А потом вы преспокойненько удалились, продолжив свою веселую жизнь. Разве не так все было?

Из груди Нины вырвались жалкие рыдания:

– Я их не убивала!

– Неужели?

– Клянусь, что не убивала их! Они уже были мертвы!

Ричард отпустил Нину, и она опустилась на стул. Все ее тело содрогалось от рыданий.

– Тогда кто их убил? – настаивал Ричард. – Амьель Фош?

– Нет, я никогда не просила его об этом.

– Филипп?

Она резко вскинула голову:

– Нет! Именно Филипп и обнаружил два трупа. И пришел в ужас, сразу бросился мне звонить. Он боялся, что его обвинят в этом. Тогдато я и связалась с Фошем. Попросила его уладить дело с Ридо, хозяином дома. Заплатить ему неплохую сумму в наличных, чтобы он изменил свои показания.

– А документы? Кто подбросил их?

– Это сделал Фош. К тому моменту полицию уже вызвали. Ему пришлось незаметно проскользнуть в мансарду и оставить там портфель.

В разговор вмешался присутствовавший здесь же Джордан:

– Итак, она призналась, что была Делфи. Теперь, выходит, в этом деле появляется еще один таинственный преступник, совершивший два убийства? И мы должны поверить в эти сказки?

– Это правда! – твердо стояла на своем Нина.

– Ну конечно! – презрительно усмехнулся Джордан. – И убийца совершенно случайно выбрал ту самую квартиру, в которой вы и Филипп встречались каждую неделю?

Нина в недоумении покачала головой:

– Я не знаю, почему он выбрал именно эту квартиру.

– Это всетаки были вы. Или Филипп, – не унимался Джордан.

– Я бы никогда… он бы никогда…

– Кто еще знал о мансарде? – спросил Ричард.

– Никто.

– Мари СенПьер?

Нина на мгновение замолчала, потом прошептала:

– Да, возможно…

– Выходит, жена Филиппа знала.

Нина печально кивнула:

– Но кроме нее – никто.

– Подождитека, – вдруг снова встрял Джордан. – Ктото еще знал об этой квартире, это точно.

Взгляды всех присутствующих обратились к нему.

– Что? – спросил Ричард.

– Я слышал об этом от Реджи. И Хелена знала об этом романе – ей сказала Мари. А если Мари было известно о мансарде на улице Мира, то…

– …то об этом знала и Хелена. – Ричард уставился на Джордана. В этих встревоженных взглядах оба ясно прочитали, о ком сейчас думали. О Берил.

В ту же секунду Ричард и Джордан бросились к двери.

– Пришли нам подкрепление, – на ходу бросил Ричард Домье. – Сделай так, чтобы они встретили нас там.

– В резиденции Вэйнов?

Но Ричард уже не ответил: он буквально вылетел наружу.

* * *

– Полезай в машину, – приказала Хелена.

Но Берил замерла как вкопанная, ее рука будто оцепенела, крепко сжав ручку двери «мерседеса».

– Будет много вопросов, Хелена.

– А у меня будут на них ответы. Я спала, ты же знаешь. Я спала всю ночь. Когда я проснулась, ты уже ушла. Покинула огороженную территорию резиденции и никогда больше не вернулась.

– Но Реджи вспомнит…

– Реджи не вспомнит вообще ничего. Он был пьян в стельку. К тому же он знает, что я никогда не поднимаюсь с постели ночью.

– Но вас будут подозревать…

– Прошло целых двадцать лет, Берил. И никто еще ни разу меня не заподозрил. – Хелена подняла пистолет. – Садись. На водительское место. Или мне придется изменить свои показания? Сказать полиции, что я думала, будто стреляю во взломщика?

Берил посмотрела на дуло пистолета, направленное прямо на ее грудь. Иного выбора не было. Хелена действительно в любую минуту могла выстрелить.

Она покорно села в машину. Хелена скользнула рядом и бросила ключи на колени Берил:

– Заводи двигатель.

Берил повернула ключ в замке зажигания, и «мерседес» ожил, замурлыкав, будто довольный кот.

– Моя мать никогда не хотела причинить вам зла, – мягко заметила Берил. – Реджи никогда ее не интересовал. Она никогда его не хотела.

– Но он, он всегда хотел ее. О, я видела, как он смотрел на нее! Да будет тебе известно, что он даже бормотал ее имя во сне! Представь, каково мне было: лежать рядом с ним, когда он думал только о Мэдлин! Я

никогда не знала, никогда не знала, были ли они… – Хелена резко прервалась и приказала: – Трогайся с места.

– Куда мы едем?

– Тебе нужно просто выехать из ворот. Ну же, вперед!

Берил осторожно вывела «мерседес» из гаража и проехала по выложенному камнем внутреннему дворику. Хелена нажала на пульт дистанционного управления, и железные ворота автоматически распахнулись. Они выехали, и ворота снова тяжело сомкнулись.

Берил ехала вперед по дороге, усаженной по обе стороны деревьями, – ни других машин, ни свидетелей. Руль, который она держала вспотевшими ладонями, отчаянно скользил. Берил вцепилась в него как можно сильнее, чтобы унять дрожь в руках.

– Мой отец никогда не причинял вам зла, – прошептала она. – Почему вы убили и его?

– Когото должны были в этом обвинить. Почему бы не сделать виновным мертвеца? И тот факт, что это произошло в тайной квартире Нины, только сыграл мне на руку. – Хелена рассмеялась. – Я с таким наслаждением наблюдала за тем, как Нина и Филипп суетятся, заметая следы.

– А Делфи?

Хелена в недоумении тряхнула головой:

– А что насчет Делфи?

«Выходит, ей ничего об этом не известно, – пронеслось в голове Берил. – Все это время мы блуждали неверными дорожками. Ричард никогда не узнает – собственно, он даже не будет подозревать, – что на самом деле произошло».

Дорога начала изгибаться, теперь ее повороты неясно проступали сквозь деревья. Они направлялись в глубь Булонского леса. «Здесь меня и найдут? – в отчаянии гадала Берил. – Под сенью этих прелестных деревьев? На дне болотистого пруда?»

Она напряженно вглядывалась в лежавший впереди участок дороги, до которого не мог дотянуться свет фар. «Мерседес» приближался к следующему повороту.

«Возможно, это мой единственный шанс, – решилась Берил. – Я могу позволить ей застрелить себя. Или пойду ко дну, сознавая, что до последнего боролась за свою жизнь».

Она направила машину прямо и резко ударила по педали газа. Двигатель взревел, покрышки взвизгнули. Машина дернулась вперед, и Берил с силой ударилась спиной о сиденье.

– Нет! – вскричала Хелена и схватилась за руль, пытаясь выправить движение машины.

За мгновение до того, как они врезались в деревья, Хелена сумела немного отклониться от прямого столкновения. Машина пошла боком, и вскоре они уже кувыркались в салоне, потеряв контроль, будто беспомощные наездники, которые взобрались на симулятор родео. «Мерседес» переворачивался снова и снова, пока наконец не вылетели все стекла и находящиеся внутри женщины не рухнули прямо на приборную панель. Машина в последний раз перевернулась на крышу и замерла.

Оглушительный рев автомобильного гудка вернул Берил сознание. Первое, что она ощутила, – была боль. Мучительная боль, буквально разрывавшая на части ногу. Она попробовала двинуться и поняла, что грудь втиснута в узкое пространство у руля, а голова застряла между лобовым стеклом и перевернутой приборной панелью.

Берил осторожно отодвинулась от руля. Даже это слабое усилие заставило ее вскрикнуть от боли, но ей удалось отвоевать драгоценные дюймы пространства над искореженной крышей. На мгновение Берил задержалась, чтобы перевести дух, в надежде, что навязчивая боль в ноге хоть немного утихнет. Потом, стиснув зубы, она снова оттолкнулась и сумела отвоевать себе еще больше жизненного пространства. Берил оглядела переднее сиденье: там все было искорежено, ей едва удавалось разглядеть очертания обезображенного салона в темноте. Этот страшный удар совсем дезориентировал ее.

И все же Берил была потрясена не настолько, чтобы не уловить запах бензина, который с каждой секундой становился все явственнее. «Мне нужно выбраться через окно, протиснуться наружу прежде, чем машина взорвется», – поняла она. Берил принялась вслепую ощупывать то, что еще совсем недавно было салоном машины, и вдруг ее рука коснулась чегото теплого. Чегото влажного. Повернув голову, она уперлась взглядом в труп Хелены.

Берил закричала от ужаса. Ей с неистовой силой захотелось выбраться отсюда, убежать от этих невидящих глаз, и она ловко изогнулась,

вцепившись в окно. Новый приступ боли, еще более мучительной, пронзил ее пострадавшую ногу и наполнил глаза слезами. Берил коснулась окна машины, битого стекла, а потом нащупала… ветку! «Я почти выбралась! – подбодрила она себя. – Осталось совсем чутьчуть».

То ползком, то вытягивая себя с помощью спасительной ветки, Берил наконецто выбралась через разбитое окно. Она скатилась на землю и по инерции пронеслась по грязи, соскользнув прямо к засаженной зеленью набережной. Наконец Берил приземлилась в канаве, окруженной несколькими деревьями.

Яркая вспышка неожиданно осветила ночное небо. Затуманенными от сильной боли глазами Берил взглянула наверх и увидела первый язык пламени мощного пожара. Мгновение спустя до ее слуха донесся звук трескающегося стекла, потом тишину прорезал ужасающий свист огненного фонтана, которым был охвачен автомобиль.

«Почему, Хелена? Почему?» – думала она. А огонь все не унимался, бросая свои языки в густую тьму. Берил закрыла глаза и в бессилии рухнула среди влажных листьев.

* * *

За три мили до резиденции Вэйнов они заметили огонь. Горела перевернутая машина, брошенная поперек дороги. Это был «мерседес».

– Это Хелена! – закричал Ричард. – Боже праведный, это Хелена!!!

Он спрыгнул на ходу и понесся к горящему автомобилю. И тут же споткнулся об обувь, валявшуюся на дороге. К своему ужасу, Ричард разглядел, что это была знакомая туфлялодочка.

– Берил! – в отчаянии вскричал он.

Совсем потеряв голову, Ричард метнулся к дверце машины, и в этот момент столб огня вырвался изнутри, выстрелив в темное небо. Остатки стекла вылетели, мелкие осколки засеяли дорогу. Нестерпимый жар заставил Ричарда отпрянуть, его чуткие ноздри тут же уловили запах собственных волос, опаленных огнем. Восстановив равновесие, он снова метнулся в сторону пламени, но Джордан успел перехватить его руку.

– Подожди! – закричал он.

Ричард резко вырвался из его мертвой хватки:

– Ее нужно вытащить!

– Нет, прислушайся!

До слуха Ричарда наконецто донесся стон – тихий, почти неразличимый. Слабый звук доносился не из горящего автомобиля, он исходил откудато со стороны деревьев. Ричард и Джордан тут же спрыгнули на обочину, пронзительно окликая Берил.

Вулф снова услышал стон, теперь уже ближе, он доносился со стороны темного пятна немного ниже дороги. Спустившись к набережной, Ричард оказался прямо у водоотводной канавы. Тамто он и обнаружил Берил, лежавшую прямо среди сырых листьев. Обессилевшую, уже терявшую сознание.

Прижав любимую к себе, Ричард поднял ее на руки и ужаснулся тому, каким безвольным, ледяным было ее тело. «Она в состоянии шока, – осознал он. – Нельзя терять ни минуты…»

– Нам нужно отвезти ее в больницу! – что есть мочи крикнул он.

Джордан выбежал вперед и дернул дверцу их машины. Бережно сжимая Берил в объятиях, Ричард осторожно скользнул на заднее сиденье.

– Поехали! – рявкнул он.

– Держись, – пробормотал Джордан, забираясь на водительское место. – Нас ждет безумная гонка!

Через мгновение взвизгнули шины, и их машина стремительно понеслась по дороге. «Останься со мной, Берил, – тихо молил Ричард, с нежностью сжимая ладонями ее лицо. – Пожалуйста, любимая! Останься со мной…» Но, пока автомобиль летел сквозь темноту, набирая скорость, Ричард чувствовал, что Берил становится все холоднее и холоднее…

* * *

Сквозь туман анестезии Берил услышала, как любимый позвал ее по имени. Но звук его голоса казался таким слабым, словно доносился из какогото отдаленного места – оттуда, куда она не могла добраться. Потом Берил почувствовала, как теплая рука сильно сжала ее руку, и поняла, что он находится совсем рядом. Она не могла видеть его лицо, не могла набраться достаточно сил, чтобы просто открыть глаза. И все же она знала, что он с ней, и останется рядом даже тогда, когда она проснется следующим утром.

Но наутро Берил увидела у своей кровати совсем не его, а Джордана. Яркий солнечный свет струился по светлым волосам брата, на его

коленях покоилась книга в кожаном переплете. Он читал стихи Мильтона. «Мой милый Джордан, – с нежностью подумала Берил. – Как всегда надежный, как всегда невозмутимый. Ах, если бы я только унаследовала подобное спокойствие духа!»

Отвлекшись от книжной страницы, Джордан увидел, что сестра проснулась.

– С возвращением в этот мир, добро пожаловать, сестренка! – улыбнулся он.

Берил застонала:

– Я еще не совсем уверена, что хочу вернуться.

– Нога?

– Эта боль меня убивает!

Джордан потянулся к кнопке звонка:

– Пришла пора узнать чудесные свойства морфия.

Но даже чудес приходится ждать долго. После того как медсестра сделала инъекцию, Берил закрыла глаза и принялась терпеливо ждать, когда же боль утихнет и она впадет в блаженное состояние покоя, на какоето время потеряв способность чувствовать.

– Лучше? – спросил Джордан.

– Пока нет. – Берил горестно вздохнула. – Боже, ненавижу быть больной! Поговори со мной. Пожалуйста.

– О чем?

«О Ричарде, – подумала она. – Пожалуйста, расскажи мне о Ричарде. Почему он не здесь? Почему не он сидит на этом стуле?..»

Словно прочитав ее мысли, Джордан мягко сказал:

– Знаешь, он был здесь. Ранним утром. Но потом ему позвонил Домье.

Берил лежала неподвижно, не говоря ни слова. Ожидая услышать больше.

– Он так заботится о тебе, Берил. Так сильно переживает за тебя! – Джордан захлопнул книгу и положил ее на тумбочку. – А он и впрямь кажется приятным парнем. Довольно сообразительный.

– Сообразительный, – эхом повторила Берил. – Да, он такой.

– И он не бросился наутек, не сбежал при первой опасности. Он действительно заботился о тебе.

– В качестве одолжения, – уточнила Берил. – По просьбе дяди Хью.

Брат ничего не ответил. И Берил поняла, что Джорди сомневается в том, что ее счастье с Ричардом возможно. Что там говорить, она и сама в этом сомневается! С самого начала их знакомства…

Морфий начал действовать. Берил чувствовала, как постепенно впадает в спасительную дремоту. Через пелену сна она услышала, как Ричард вошел в комнату и стал тихо беседовать с Джорданом. Они еле слышно говорили чтото о Хелене и ее сгоревшем теле, обезображенном до неузнаваемости. Под действием наркотика Берил потихоньку впадала в бессознательное состояние, и в ее затуманенном мозгу вдруг вспыхнули ужасающе яркие, реальные воспоминания – столб огня, охватывающий автомобиль, поглощающий Хелену.

Это было наказание Хелены – за то, что любила так глубоко, так отчаянно…

Берил почувствовала, как Ричард взял ее руку и прижал к своим губам. «Какое же наказание ждет меня?» – подумала она.

Эпилог

Бекингемшир, Англия

Шесть недель спустя

Неугомонная Фрогги в нетерпении стучала копытом в своем стойле и издавала тихое ржание, будто моля о спасении.

– Только посмотри на нее, бедняжку, – вздохнула Берил – На ней слишком давно не ездили, и, думаю, она сгорает от желания пуститься в безумное приключение. Ты должен сделать это за меня.

– Я? Взобраться на спину этому существу? Я что, похож на маньяка? – фыркнул Джордан. – Ну уж нет, мне еще дорога собственная шея!

Берил похромала к лошади на своих костылях. Фрогги тут же ткнула головой в сторону двери и легонько подтолкнула хозяйку, будто приглашая покататься.

– Что ты, она такая лапочка!

– Лапочка со скверным характером!

– И ей так отчаянно нужен настоящий стремительный галоп!

Джордан посмотрел на сестру, которая покачивалась на костылях, стараясь не опираться на обутую в гипс ногу. Берил побледнела и исхудала, казалось, будто эти долгие недели в больнице высосали из нее все соки, забрали то, что было жизненно важным для поддержания ее духа. Конечно, нездоровая бледность объяснялась внушительной кровопотерей, все эти дни после операции по восстановлению раздробленного бедра Берил страдала от боли. Но даже теперь, когда процесс заживления шел хорошо, она все еще казалась бледным призраком самой себя.

А повинен в этом был Ричард Вулф. Разумеется, этот тип был достаточно мил, чтобы крутиться в больнице, пока Берил восстанавливала силы. Он подолгу засиживался в палате, проводя у ее постели дни напролет. А все эти цветы! Каждое утро – новый букет!

Но однажды Вулф пропал. Сгинул, не удосужившись ничего объяснить. Помнится, тем утром Джордан вошел в палату сестры и нашел ее смотрящей в окно, абсолютно готовой к возвращению домой, в Четвинд.

Они приехали в Англию три недели назад. «И все это время Берил думает о нем, мучается в неведении!» – думал Джордан, грустно глядя на ее бледное лицо.

– Ну, давай же, Джорди, – подбодрила сестра. – Позволь Фрогги немного побегать! Ты ведь знаешь, пройдет еще немало времени, прежде чем я снова смогу на ней ездить.

Ничего не оставалось, как послушно распахнуть дверцы стойла, вывести Фрогги и начать ее седлать.

– Тебе нужно вести себя хорошо, юная леди, – уговаривал Джордан животное. – Нельзя становиться на дыбы, нельзя брыкаться. И, совершенно точно, нельзя топтать своего бедного, беззащитного седока.

Фрогги одарила его красноречивым взглядом, словно желая сказать: «Что ж, посмотрим!» Джордан забрался на спину лошади и помахал Берил.

– Будь с ней поласковее! – напутствовала Берил. – Следи за тем, чтобы она не нанесла себе травму!

– Вот что меня трогает больше всего, так это твое беспокойство! – успел выпалить Джордан перед тем, как Фрогги оторвалась от земли и сумасшедшим галопом полетела по окрестностям.

Оглянувшись, наездник бросил взгляд на сестру, которая еле держалась на костылях. Какой маленькой она казалась, какой хрупкой! Это совсем не та Берил, которую он всегда знал. Интересно, сможет ли она когданибудь снова стать собой?

Фрогги стремительно несла Джордана к лесу. Он сосредоточился на том, чтобы из последних сил держаться в седле, пока неудержимое животное мчалось к каменной стене.

– Ты что, хочешь взять это проклятое препятствие, в самом деле? – пробормотал Джордан.

Вместо ответа грива Фрогги хлестнула его по лицу.

– Понял. Это означает, что проклятое препятствие придется брать мне…

И они вместе пролетели над стеной, совершив слаженный, чистый прыжок. «Я все еще в седле! – подумал Джордан с усмешкой триумфатора. – Не такто просто избавиться от меня, не так ли?»

Это была последняя мысль гордого седока перед тем, как Фрогги сбросила его со своей спины.

Джордан приземлился довольно удачно – прямо на огромный ком земли, поросший мхом. Горенаездник неуклюже растянулся под причудливо изогнутыми макушками деревьев, и до его слуха вдруг донеслось слабое шуршание покрышек, катящихся по грунтовой дороге. А потом ктото окликнул Джордана по имени. С трудом, пошатываясь, он сумел приподняться и сесть.

Фрогги стояла совсем рядом – судя по виду, чудовище нисколько не раскаивалось в содеянном. Позади нее, выбираясь из красного спортивного автомобиля, маячил Ричард Вулф.

– С тобой все в порядке? – взволнованно крикнул он, несясь на помощь Джордану.

– Скажика мне, Вулф, – простонал тот, – ты намерен погубить всех Тэвистоков? Или охотишься на когото конкретно?

Смеясь, Ричард помог ему подняться:

– Я бы возложил вину на того, кто этого заслуживает. На лошадь.

Оба мужчины взглянули на Фрогги. Она ответила им странным звуком, подозрительно напоминавшим смешок.

– Как себя чувствует Берил? – посерьезнев, тихо спросил Ричард.

Джордан принялся счищать грязь с брюк:

– Ее нога заживает просто прекрасно.

– А помимо ноги?

– А это уже не так замечательно. – Выпрямившись, Джордан заглянул в глаза Вулфу. – Почему ты уехал?

Вздохнув, Ричард посмотрел в сторону Четвинда:

– Она попросила меня об этом.

– Что? – Джордан в удивлении воззрился на него, не веря своим ушам. – Она никогда мне не говорила...

– Она ведь из семьи Тэвисток, как и ты. Ненавидит жаловаться, хныкать. Терять лицо. Эта ее гордость!..

– И как же это произошло? – спросил Джордан. – Вы поссорились?

– Нет, мы даже не спорили. Просто показалось, что все эти различия между нами... – Ричард покачал головой и горько рассмеялся. – Посуди сам, Джордан: она любит чай и сдобные лепешки, я – кофе и пончики. Она бы возненавидела все это в Вашингтоне. А я не уверен, что мог бы привыкнуть к... этому. – Он показал жестом в сторону Четвинда.

«Но тебе придется привыкнуть, – словно предвидя, подумал Джордан. – И ей тоже. Потому что любому идиоту с первого взгляда ясно, как вы подходите друг другу».

– Как бы то ни было, – продолжил Ричард, – когда Ники позвонил мне и напомнил о том, что нас ждет работа в НьюДели, Берил попросила меня уехать. Она думала, что для нас это станет хорошей проверкой – побыть какоето время порознь. Сказала, что даже в королевской семье принято нечто подобное. Расстаться, чтобы увидеть, сможет ли утихнуть сердце, а заодно и гормоны.

– И как, утихло?

– Нисколько, – усмехнулся Ричард и снова сел в машину. – Возможно, мне повезет влиться в вашу дикую, безумную семейку. У тебя есть какиенибудь возражения на сей счет?

– Ни одного, – ответил Джордан. – Но я хочу дать тебе один маленький совет. Если, конечно, вас двоих ждет долгая и счастливая совместная жизнь.

– Какой совет?

– Пристрели лошадь.

Рассмеявшись, Ричард ударил по тормозам и помчался в Четвинд. К Берил.

Джордан проследил, как «М Джи» Ричарда скрылся за поворотом, и подумал: «Удачи тебе, сестренка. Я так рад, что хоть ктото из нас наконецто нашел свою любовь! Вот если бы и мне точно так же повезло…»

Он обернулся к Фрогги.

– А что касается тебя, – громко сказал он, – то я собираюсь преподать тебе наглядный урок и показать, кто тут главный.

Лошадь пренебрежительно фыркнула. А потом, победоносно вскинув гриву, повернулась и галопом умчалась прочь – без всадника, в родной Четвинд.

* * *

– Это так на тебя не похоже: чтото тебя тяготит, ты все время грустишь, – сказал дядя Хью, сняв с ветки еще один помидор и опустив его в корзину.

В своей широкой соломенной шляпе для занятий огородничеством он смотрелся довольно нелепо и больше напоминал садовника, чем владельца поместья. Опустившись на колени, он отделил от листьев еще один яркий красный шар и аккуратно сорвал сокровище.

– Ума не приложу, почему ты последнее время такая мрачная! В конце концов, нога почти зажила.

– Это не нога, – тихо ответила Берил.

– Можно подумать, тебе все время приходится хромать! Ты ведь не калека!

– Это не нога.

– Ну а что тогда? – поинтересовался дядя Хью, переходя к грядке цепляющегося за опору гороха. Пораженный неожиданной догадкой, он замер и оглянулся на племянницу: – О, это все он, правда?

Вздохнув, она потянулась к костылям и поднялась с садовой скамейки:

– Я не хочу это обсуждать.

– Ты вечно не хочешь.

– Да, и у меня попрежнему не возникает подобного желания, – ответила Берил и упрямо поковыляла вниз по кирпичной дорожке, к лабиринту. Она легонько коснулась живой изгороди из лаванды, пробудив восхитительные ароматы сада поздним летом. Берил думала о том, что когдато они шли этой дорожкой вместе. Теперь же она гуляла здесь одна.

Берил вошла в лабиринт и, ловко пользуясь костылями, принялась маневрировать по всем тайным петлям и поворотам. Наконец она добралась до самого центра и села на деревянную скамейку. «Да, я снова грущу, – призналась она самой себе. – Дядя Хью прав. Пора прекратить все эти переживания и вернуться к своей обычной жизни».

Но сначала нужно перестать все время думать о нем. Интересно, а он, Ричард, перестал думать о ней? Былые сомнения и страхи вдруг вернулись, чтобы разом наброситься на нее. «Я устроила Ричарду проверку, – подумала Берил. – И он ее не прошел».

Издали послышался чейто голос – Берил показалось, что ктото звал ее по имени. Сначала голос звучал так слабо, что она даже решила, будто ей чудится. Но голос раздался снова, мало того: он приближался!

– Ричард?

– Берил?! – закричал он в ответ. – Где ты?

– В лабиринте!

Шаги Ричарда уже слышались с дорожки, совсем рядом.

– А где именно? – уточнил он.

– В самом центре!

Сквозь высокие стены живой изгороди до Берил донесся его робкий смех.

– И теперь от меня требуется найти путь к сыру?

– Подумай об этом более возвышенно, – с вызовом отозвалась она. – Как к проверке истинной любви.

– Или истинного безумия, – пробормотал Вулф, с шорохом пробираясь к желанной цели.

– Вообщето я очень тобой недовольна, – бросила Берил.

– Мне кажется, я уже это заметил.

– Ты не писал мне. Не звонил – ни разу!

– Я был очень занят, пытаясь успеть на обратный рейс в Лондон. И, кроме того, мне хотелось, чтобы ты соскучилась по мне. Ты ведь соскучилась?

– Нет, совсем нет.

– Значит, нет?

– Ни капельки. – Она с горечью прикусила губу. – О, возможно, немного...

– Ах, так вот как ты меня ждала!

– ...Но не слишком сильно.

– А вот я действительно очень тосковал по тебе.

Она немного помолчала, потом тихо спросила:

– Правда?

– А еще хочу тебе сказать, что если не найду треклятый центр этого треклятого лабиринта как можно быстрее, я просто...

– Что ты сделаешь? – спросила она затаив дыхание.

Шорох ветвей заставил Берил обернуться. Внезапно прямо рядом с ней материализовался Ричард, он притянул ее в свои объятия и тут же одарил неистовым, горячим поцелуем – таким глубоким и настойчивым, что у Берил закружилась голова. Костыли выскользнули из рук и упали

на землю. Они больше были не нужны – не теперь, когда ее так крепко держал любимый.

Ричард наконец оторвался от губ Берил и улыбнулся ей.

– Ну, здравствуй, мисс Тэвисток, – прошептал он.

– Ты вернулся, – еле слышно произнесла она. – Ты действительно вернулся!

– А ты думала, что я никогда больше не приеду?

– Это означает, что ты думал об этом? О нас?

Он снова засмеялся:

– Я едва ли мог сосредоточиться на чемнибудь другом. На работе, клиенте. Кончилось тем, что мне пришлось звонить Ники и просить подменить меня на то время, пока я не исправлю всю эту ситуацию с тобой.

– А ты думаешь, что все можно исправить? – тихо спросила Берил.

Он с нежностью взял ее лицо в свои ладони:

– Я не знаю. Некоторые, возможно, могли бы назвать наши отношения авантюрой.

– И они были бы правы. Есть многое, что может нас разделить.

– И многое, что удержит нас вместе. – Ричард наклонился к Берил и нежно прикоснулся к ее губам своими. – Признаюсь, из меня никогда не получится настоящего джентльмена. Крикет не в моем вкусе. И тебе придется приставить пистолет к моей голове, чтобы заставить меня взобраться на лошадь. Но если ты можешь смириться со всеми этими ужасными недостатками…

Берил обвила руками шею Ричарда.

– Ну какие это недостатки? – прошептала она, и губы влюбленных снова встретились.

Издали послышался перезвон колоколов старинной церкви. Шесть часов. Наступает время сумерек, теней, сладостных ароматов… «И любви, – подумала Берил, когда Ричард, смеясь, снова притянул ее в свои объятия. – Да, определенно любви».